С. Б. КАН

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

С. Б. КАН

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

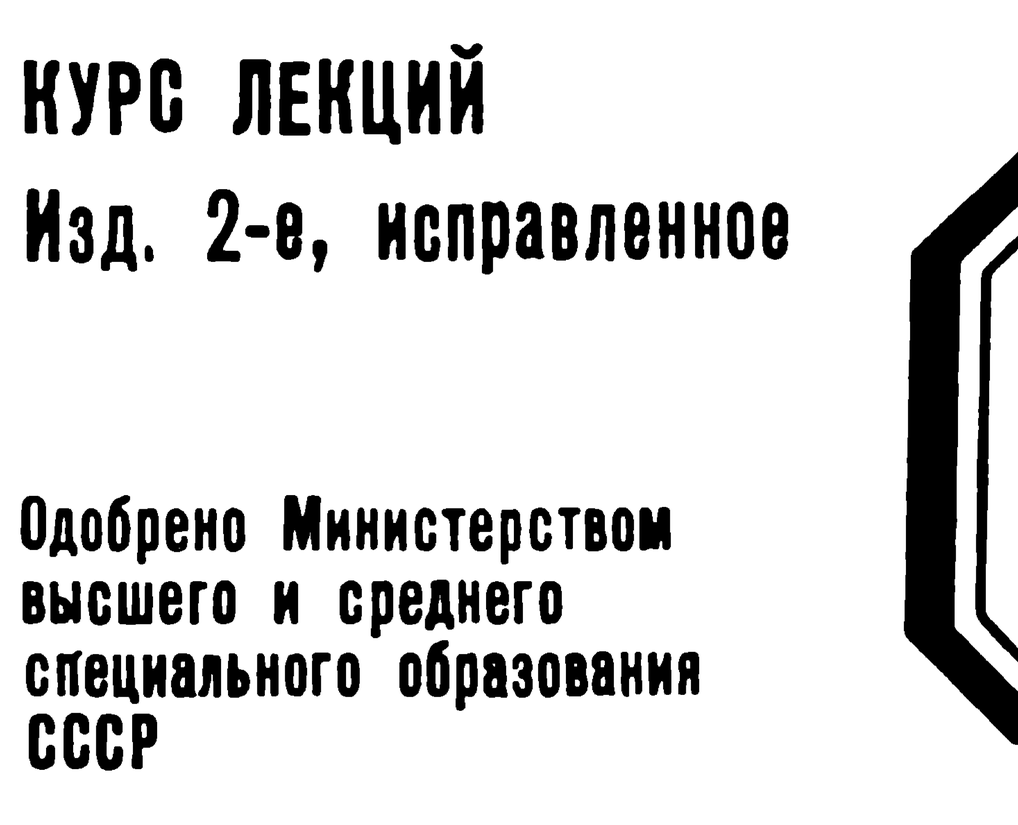
(до возникновения марксизма)

КУРС ЛЕКЦИЙ

Изд. 2-е, исправленное

D091.6/K19

Одобрено Министерством
высшего и среднего
специального образования
СССР



BF323525

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА» МОСКВА — 1967

贈

1 МИ
К 19

Имя советского историка нового времени Сергея Борисовича Кана (1896—1960) хорошо известно специалистам [1], любимо и уважаемо многочисленными слушателями этого талантливого лектора, в течение 35 лет своей педагогической работы активно участвовавшего в воспитании многих поколений советских историков. Создание курса лекций явилось последней работой С. Б. Кана. К сожалению, он не успел завершить курс, поэтому группа товарищей и учеников проф. С. Б. Кана сочла своим долгом внести ряд небольших фактических дополнений в текст лекций, сопроводить их библиографическими указаниями, а главное — дополнить курс отсутствовавшими в архиве автора лекциями.

Такого рода дополнения и уточнения были внесены доц. В. С. Алексеевым-Поповым (Одесса) в текст лекций II и III — о развитии социалистических идей во Франции XVIII в.; лекция VII — о Р. Оуэне написана доц. И. Н. Немановым (Смоленск); лекции IX—X — о французских социалистах и коммунистах 30—40-х гг. XIX в. — доц. Я. И. Дразнинасом (Чита); лекция XI — о немецких утопических социалистах 30—40-х гг. — доц. Г. И. Кирилловым (Йошкар-Ола). Кроме того, лекция VI (о Фурье) дополнена доктором исторических наук И. И. Зильберфарбом, а лекция VIII (об английских социалистах 20—40-х гг. XIX в.) значительно расширена И. Н. Немановым.

Во второе издание внесены некоторые исправления и добавления.

---

[1] Очерк научной и педагогической деятельности С. Б. Кана см.: «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 1.

1—5—4
7—67

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Переход от капитализма к коммунизму — путь развития человечества» — провозгласила Программа Коммунистической партии Советского Союза. И это уже впервые не только определение конечной цели освободительной борьбы пролетариата, более века тому назад гениально очерченной в «Коммунистическом Манифесте», но и характеристика реального исторического процесса. Начало ему положило вступление народов нашей страны в эпоху практического построения коммунистического общества. По нашим стопам идут многие народы планеты.

Выйдя на этот великий рубеж, советские люди и их испытанный вождь — Коммунистическая партия с благодарностью вспоминают о длинном ряде своих предшественников, о тех борцах и мыслителях, кто сохранял, обогащал, нес вперед, отстаивал в жестоких идейных и боевых схватках заветную мечту о счастливом обществе равенства и братства — крылатую мечту-спутник тысячелетнего развития человечества.

Несовершенны, ошибочны были представления этих мыслителей об особенности заветного идеального строя будущего, а главное — о ведущих к нему путях.

Утопично, т. е. неосуществимо, в ту далекую от нас эпоху было лучезарное видение прекрасного Города Солнца, рисовавшееся воображению Томмазо Кампанеллы, когда он в тюрьме кровью сердца писал свою бессмертную книгу. Но только это видение, эта животворная, как само солнце, мечта могли дать ее автору силы выдержать 27 лет заключения в сырых и темных одиночных казематах страшных тюрем инквизиции XVII в.

Жизнью заплатил Гракх Бабеф за попытку повести вместе со своими друзьями-единомышленниками, членами организации «Равных», в 1796 г. народные массы на «последнюю», прекрасную революцию во имя «общности труда и имуществ», во имя торжества коммунизма.

Вечным узником прозвали французские рабочие Огюста Бланки.

Создатели всепобеждающего учения научного социализма К. Маркс и Ф. Энгельс, превратившие своими гениальными открытиями социализм из утопии в науку, великий продолжатель их дела В. И. Ленин, поднявший их учение на новую, высшую ступень, показали, в чем состоял тот фантастический покров, под которым в писаниях социалистов-утопистов прошлых веков скрывались зародыши гениальных идей, смелые провидческие догадки. Критически отбрасывая, преодолевая эти слабости и ошибки, обусловленные кругозором той или иной эпохи, великие учителя пролетариата вместе с тем, в отличие от «цеховых» ученых буржуазии, — умевших лишь глумиться над «странностями» и «чудачествами» утопистов, оставаясь слепыми к сути их идей, — учили рабочих всех стран глубоко уважать этих мыслителей.

Маркс и Энгельс писали, что их учение «стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно»[1].

Маркс и Энгельс сами положили начало научной истории социалистических идей, раскрывая в своих многочисленных произведениях длительный и тяжкий путь развития социализма от утопии к науке. Известно, что так назывался труд, специально написанный Энгельсом по этому вопросу, составлявший сначала часть его книги «Анти-Дюринг» и завоевавший сразу же широкую популярность во многих странах.

Таким же, основанным на критической и вместе с тем научно-объективной оценке огромного, всемирно-исторического значения подвига их мысли было и отношение В. И. Ленина к социалистам-утопистам. Именно В. И. Ле-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 498—499.

нии в своей знаменитой работе 1913 г. «Три источника и три составных части марксизма» прямо и определенно указал на значение французского утопического социализма начала XIX в. как одного из источников марксизма. Отмечая фантастичность мечтаний утопистов, В. И. Ленин видел ее прежде всего в непонимании значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров. «Теперь у нас это свержение состоялось», — с гордостью за революционный пролетариат России говорил В. И. Ленин в первые годы существования Советской власти, подчеркивая, что вследствие этого многое из того, что было фантастического в мечтаниях утопистов, становится «самой неподкрашенной действительностью» нашей жизни [1].

В еще большей степени это относится к нашей современности, когда вдохновляемый великими ленинскими предначертаниями советский народ, под руководством созданной В. И. Лениным Коммунистической партии, завершил построение социалистического общества в нашей стране и строит коммунизм.

И в великих свершениях нашего народа — горение мысли великих социалистов прошлого, плоды их самоотречения, жертв — это далекая, но лучшая награда за подвиг их жизни. Вместе с тем критического внимания заслуживают и некоторые отрицательные стороны наследия утопического социализма. Ведь в наши дни на некапиталистический путь вышли многие развивающиеся страны Азии и Африки. В разных исходных условиях строят новое общество и социалистические страны. Некоторые из них, порой даже неосознанно, пытаются внедрить в жизнь наивные представления и рецепты тех или иных социалистов-утопистов, а это может оборачиваться трагически. Таковы, например попытки насадить кое-где аскетически-уравнительный, «казарменный» коммунизм, некогда проповедовавшийся Морелли или Кабе. Следовательно, знать историю социалистической мысли прошлых эпох должен каждый строитель коммунизма, и, естественно, прежде всего тот, кто готовится стать историком.

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (далее — ПСС), т. 45, стр. 369.

Таковы были основания для выделения в учебном плане исторических факультетов университетов и педагогических институтов особого курса по истории социалистических идей. Добавим, что со времени включения в наши вузовские программы курса научного коммунизма потребность в общедоступном изложении истории социалистических идей еще больше возросла.

Только обладая конкретными, систематизированными знаниями в этой области, студент-историк может глубоко уяснить значение идейных источников марксизма и вместе с тем значение совершенного Марксом и Энгельсом революционного преобразования социализма из утопии в науку.

ЛЕКЦИЯ I

ВВЕДЕНИЕ. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И ОСОБЕННОСТИ РАННЕГО УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА XVI—XVII вв.

Предлагаемый вниманию читателей курс лекций посвящен развитию социализма от утопии[1] к науке — до возникновения научного социализма, марксизма. Известно, что задачи исторической науки не ограничиваются изучением истории развития одного только экономического базиса и что история занимается также изучением надстроечных явлений. Известно также, какое большое значение имели в прошлом и имеют вообще в жизни человеческого общества различные общественные теории и идеи. «Теория становится материальной силой, когда она овладевает массами», — говорил Маркс. А разве существовала когда-либо теория или идея более высокая, более привлекательная, чем теория, идея построения бесклассового общества, не знающего эксплуатации человека человеком?

Своими глубокими корнями идея построения бесклассового общества, очищенного от угнетения человека человеком, уходит в далекое прошлое. Как мечта униженных и оскорбленных о лучшем, светлом будущем, как мечта о золотом веке, рае для всех и не на «небеси», а здесь, на грешной земле, идея эта, безусловно, возникла одновременно с появлением и углублением острых

---

[1] Слово — «утопия»— искусственное образование, придуманное Томасом Мором в XVI в. Оно означает «несуществующее место».

социально-экономических противоречий, свойственных антагонистическим формациям. Долгие века слабость обездоленных, бессильных сбросить с себя ярмо угнетателей — рабовладельцев и феодалов, а затем и предпринимателей-мануфактуристов делала эту идею действительно чем-то несбыточным. Лишь в XIX в. с появлением на исторической арене новой общественной силы — промышленного пролетариата появились условия для осуществления этой вековой мечты и вместе с тем — для превращения социализма из утопии в науку.

Хорошо известно, что революционный переворот в области общественной мысли связан с открытием Марксом материалистического понимания истории и раскрытием им законов капиталистического способа производства. Только Маркс и Энгельс действительно превратили социализм из утопии — несбыточной мечты — в науку и помогли фантастическим мечтаниям трудящихся обрести, наконец, реальность, превратиться в знамя борьбы рабочего класса за свое освобождение. Идеи научного социализма стали могущественной материальной силой, позволившей уже в наше время народам одной трети земного шара избавиться от капитализма и успешно строить новое, социалистическое и коммунистическое общество.

Важность изучения истории социалистических идей

В числе трех идейных источников и составных частей марксизма Ленин называет утопический социализм — французский утопический социализм. Уже из одного этого нам должно быть ясно, что историю возникновения научного социализма нельзя понять, не зная хотя бы в основных чертах социализма донаучного, не изучая историю социалистических идей.

Мы, однако, не будем уходить в седую старину и оставим в стороне древний мир и средние века, хотя и в те далекие времена обездоленные не один раз предавались мечтам о «золотом веке», когда люди будут жить, не зная ни войн, ни порабощения, ни богатых аристократов, ни подчиненных им бедняков. Мы начнем изучение развития социалистической мысли с того времени, когда в отдельных странах Европы, погрязавших еще в болоте

феодализма, впервые начали пробиваться ростки нового капиталистического способа производства, ломался привычный вековой уклад жизни и хозяйства и, в связи с этим, угнетение, эксплуатация трудящихся стали приобретать новые и чрезвычайно острые формы.

Появившись на свет в эпоху первоначального накопления капитала (XVI в.), идеи утопического социализма развивались в дальнейшем по восходящей линии вплоть до эпохи промышленного переворота в Англии, Франции и Германии и буржуазно-демократических революций середины XIX в. В наших лекциях и будут прослежены главные этапы развития утопически-социалистической мысли.

С превращением пролетариата в класс современного капиталистического общества, с выступлением на политическую арену первой пролетарской организации, вооруженной идеями научного социализма и коммунизма, — Союза коммунистов во главе с Марксом и Энгельсом — прогрессивная роль идей утопического социализма, прежде всего в странах Западной Европы, быстро сходит на нет. Идеи утопического социализма, еще недавно самые передовые для своего времени, теперь мешают делу освобождения пролетариата. Марксу и Энгельсу, а впоследствии Ленину и их последователям пришлось вступить с утопическим социализмом в непримиримую идейную борьбу и начисто развенчать его в глазах рабочего класса и передовой интеллигенции.

Именно поэтому изучение истории социалистических идей имеет для нас не только чисто научный интерес: в то время, как массы наиболее сознательных рабочих являются носителями передовой научной социалистической теории — марксизма-ленинизма, еще и поныне в капиталистических и в освободившихся из-под колониальной зависимости странах среди мелкой буржуазии и отсталой части пролетариата находят распространение давно уже развенчанные, как ненаучные и сектантские, формы социалистической мысли. Формы эти обладают большой живучестью, тем более, что их во многих случаях пытаются сознательно оживить идеологи буржуазии и их пособники — правые социалисты и ревизионисты — в целях противодействия победному шествию идей коммунизма. Именно вследствие этого в различных странах мы сталкиваемся со старыми, еще домарксовыми

разновидностями социалистической мысли. Подобно призракам, продолжают они жить, нанося в виде реформизма или анархизма тем больший вред делу трудящихся, чем лучше умеют их идеологи приспосабливаться к интересам отдельных, более отсталых социальных слоев — разоряющейся мелкой буржуазии, крестьянства, к уровню сознания народов и народностей, еще обремененных пережитками феодально-патриархального или племенного укладов, религиозными и расовыми предрассудками. Сказанному не противоречит то общеизвестное обстоятельство, что в молодых государствах Азии и Африки весьма незрелые социалистические теории на практике часто служат программой революционно-демократических действий.

Сами по себе теории какого-нибудь Луи Блана или Прудона давно уже повергнуты в прах торжествующим марксизмом, однако идейные наследники этих мелкобуржуазных социалистов продолжают еще и в наши дни оказывать известное влияние на массы трудящихся и сбивать их с наиболее правильного пути революционной борьбы за изменение существующего строя, за власть в государстве. Знание истории социалистических идей, следовательно, имеет и чисто практический, политический интерес, так как помогает нам вести идейную борьбу с различными формами домарксового социализма, выступающего еще и в наши дни, разумеется, часто под новыми наименованиями и в новых облачениях.

Кроме этих практических задач по критике различных форм отсталой антинаучной социалистической мысли, изучение истории социалистических идей важно еще и в другом отношении. Как известно, основным содержанием антикоммунизма является «клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма»[1]. Эта оценка полностью приложима и к области истории социалистических идей. Сами успехи мирового коммунистического движения заставляют наших врагов все больше внимания уделять его истории, все чаще и откровеннее искажать подлинный характер даже отдаленных по времени, казалось бы утративших актуальность, социалистических движений и учений. Достаточно

[1] Программа КПСС. «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 358.

сказать, что история социализма преподается в ряде крупнейших буржуазных университетов и не только Англии и США, но и других стран. Цель такого преподавания — представить эти идеи в неправильном и выгодном для буржуазии свете. Сам марксизм обычно изображается буржуазными историками и социологами в виде несбыточного утопического ученія, мало чем отличающегося от фантастических построений Фурье или Оуэна. Умение опровергнуть все эти буржуазные измышления является, конечно, долгом каждого советского историка, а для этого, разумеется, необходимо хорошо знать предысторию возникновения марксизма, знать один из трех его источников — утопический социализм.

Понятия «социализм» и «коммунизм». Различные виды домарксового социализма

Слова «социализм» и «коммунизм» были введены в широкое употребление французскими утопистами 30-х годов XIX в. Мы, как известно, этими терминами называем две фазы коммунистической формации — низшую и высшую. Анализ этих фаз был дан еще Марксом в его «Критике Готской программы». Известно также, что основоположники научного коммунизма не разграничивали понятия «социализм» и «коммунизм» и обозначали этими терминами общество, не знающее эксплуатации вообще.

Необходимо также иметь в виду, что понятие «социализм» во времена Маркса и Энгельса применялось не только в связи со стремлением эксплуатируемых масс к построению бесклассового общества. В широком смысле этого слова «социалистическими» называли вообще стремления идеологов самых различных классов, благосостояние которых постоянно в начале XIX в. подрывалось победным развитием капиталистических отношений, не только вскрыть «язвы» нарождающегося капитализма, но и набросать картину лучшего с их точки зрения общественного строя. В то время как единственным носителем социалистической идеи в подлинном смысле этого слова является исключительно рабочий класс, говорили уже тогда, и говорят иной раз еще и по сей день, о «крестьянском социализме», «социализме мелкобуржуазном» и даже «феодальном», «поповском». Поскольку

отдельные идеологи самой буржуазии не могли не видеть «язвы» и «недуги» нарождающегося капитализма и желали «излечить» их для того, чтобы упрочить существование буржуазного общества, в известном условном смысле можно говорить, и действительно в свое время говорили, даже о «буржуазном или консервативном социализме», как мы это знаем из третьей главы «Коммунистического Манифеста».

Не является, по существу, социализмом в подлинном смысле этого понятия «социализм» феодальный или поповский. Ему в «Манифесте Коммунистической партии» отведен целый отдельный параграф. Там говорится: «Подобно тому как поп всегда шел рука об руку с феодалом, поповский социализм идет рука об руку с феодальным». Оттесняемые капитализмом и буржуазией представители феодального землевладения много раз доказывали, что старые порядки куда менее тяжелы, чем новые, что возвращение к феодальному строю — в интересах народных масс и одно способно будто бы покончить с пауперизмом. Восхвалению, идеализации «старой веселой Англии» Тюдоров и Стюартов в начале XIX в., во времена промышленного переворота, например, посвящено было немало сочинений; эта критика капиталистических порядков со стороны представителей старых отживающих свой век господствующих классов не будет служить предметом нашего изучения и, если мы коснемся тех или других подобных теорий, то лишь попутно, мимоходом.

Также и различные проекты реформировать капитализм и излечить его от недугов в интересах упрочения самого буржуазного общества будут оставаться вне рамок нашего курса. Отметим только, что теория Прудона, отнесенная Марксом в «Нищете философии» к «кодексу мелкобуржуазного социализма», но несколько позднее охарактеризованная им же в «Манифесте» как «консервативный или буржуазный» социализм, будет все же рассмотрена нами, поскольку на деле теория эта отвечала интересам и чаяниям многочисленных оттесняемых капитализмом мелких собственников и одновременно сильно влияла на отсталые слои пролетариев.

Основное наше внимание будет уделено тому социализму, который в новое время пытался в интересах угнетенных противопоставить капитализму другой, не зна-

ющий эксплуатации общественный строй. Маркс и Энгельс называют в «Манифесте» подобный донаучный социализм и коммунизм «критически-утопическим». Им-то мы прежде всего и займемся, стремясь выяснить как его положительные, так и его отрицательные черты и пытаясь до конца понять, почему Маркс и Энгельс усматривали в сочинениях многих социалистов-утопистов прошлых лет «в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих». Значительное место, естественно, будет отведено в нашем курсе и тем коммунистическим учениям, которые были связаны с выступлениями масс неимущих накануне и во время буржуазных революций — «литературе, которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата...».

Ранние утописты XVI—XVII вв.

Остановимся на изучении творений ранних социалистов-утопистов: это Томас Мор, Томмазо Кампанелла (XVI в.) и Джерард Уинстенли (XVII в.). Все они свидетели той кровавой эпохи в истории Западной Европы, когда начали рушиться устои старого феодального строя и когда в более передовых странах — Италии и Англии — стали быстро пробиваться первые ростки капитализма. Эти ростки, как хорошо известно, раньше всего дали о себе знать в промышленных городах северной Италии, а несколько позднее и в юго-восточной Англии. XVI и XVII вв. — это века религиозных войн и реформации, века ранних буржуазных революций, начавшегося первоначального накопления капитала, приведшего уже в скором времени к экспроприации широких масс тружеников города и особенно деревни, насильственно отделенных от их орудий и средств производства. В 24-й главе первого тома «Капитала» Маркс следующими словами описал процесс первоначального накопления. «...История этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком крови и огня», — подчеркивая в то же время, что именно «насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым» [1].

Ранние социалисты-утописты все стоят в преддверии этого нового буржуазного общества и одновременно

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 727, 761.

своими помыслами устремлены к социализму. Раньше других им стали ясны те мрачные стороны новых — капиталистических отношений, которые, сменяя одни цепи эксплуатации на другие, вели неизбежно широкие слои трудового народа к обнищанию, голоду и вымиранию.

Ранние утописты, будучи очевидцами всего того, что несла с собой ломка старых феодальных отношений и старой религии, смело подняли голос в защиту обездоленных крестьянско-плебейских масс и пытались противопоставить новым нарождающимся общественным порядкам, которые возвестили о себе в Италии разорением тысячных масс городского и деревенского предпролетариата, а в Англии первыми волнами огораживаний, — собственные планы-мечтания о более справедливом общественном строе. Ни один из этих утопистов не был ни рабочим, ни крестьянином, но это нисколько не помешало им выражать глубочайшие сокровенные помыслы бедноты, защищать именно ее интересы.

Томас Мор. Биография. Связь с гуманистами

Томас Мор родился в Лондоне в 1478 г. в состоятельной семье, по́лучил образование в Оксфордском университете и, будучи тесно связан с Эразмом Роттердамским, являлся одним из виднейших представителей английского гуманизма. Он великолепно знал древние языки, несколько лет изучал юридические науки. Писатель-гуманист Мор, помимо обессмертившей его имя «Утопии», написал еще ряд замечательных произведений, дающих ему право считаться одним из отцов английской прозы. Это — перевод жизнеописания итальянского гуманиста философа Пико делла Мирандола и «История Ричарда III», использованная впоследствии Шекспиром при написании его знаменитой драмы.

Мор не только разделял с другими гуманистами их интерес к искусству и литературе. Естествознание также привлекало его. Всю жизнь он чрезвычайно внимательно наблюдал за различными животными. Наряду с геометрией, он изучал и астрономию.

Хотя Т. Мор был большим насмешником и противником всевластия попов и монахов, он все же не дошел до атеизма и всю жизнь оставался верующим и благоче-

стивым католиком, что не помешало именно ему подтолкнуть своего друга Эразма к работе над «Похвалой Глупости» — произведением, клеймящим пороки духовенства и не щадящим даже самого папу.

Политические воззрения Т. Мора отличались для своего времени известной прогрессивностью. Он всегда оставался сторонником монархической власти, но одновременно решительно выступал против тирании. Воля народа была для него всегда выше власти деспота. В эпиграмме, обращенной к королям, он пишет:

Кто во главе многолюдного общества место имеет,
Пусть не забудет того, что им самим и поставлен;
Должен на этом посту оставаться, конечно не дольше,
Чем пожелает народ, его пригласивший на царство.
Что же так сильно подчас венценосцы кичатся пред нами?
Слабы, ведь, в общем они и престол до поры им положен.

Выход в свет «Утопии» в 1516 г. быстро сделал имя Т. Мора популярным во всей Англии, тем более, что, будучи с 1504 г. членом парламента, он неоднократно выступал против деспотических замашек сперва Генриха VII, а затем и его распутного сына Генриха VIII. Эта популярность скоро стала столь велика, что Т. Мор фактически превратился в представителя лондонских горожан, в борца за их права и привилегии.

Вскоре после вступления на престол нового короля Генриха VIII Т. Мор получает назначение на должность королевского советника и в последующие годы быстро делает политическую карьеру. В 1521 г. он уже управляющий королевской казной, получает звание рыцаря, еще через два года, под давлением правительства, избирается спикером палаты общин. В 1529 г. он становится лордом-канцлером, но уже к этому времени вполне обнаруживаются разногласия Мора с королем, заставившие его уйти в отставку.

Разногласия эти были связаны прежде всего с сопротивлением Т. Мора тому ограблению католической церкви, которое предпринял жадный до денег Генрих VIII, к тому же пожелавший при живой жене жениться вторично на Анне Болейн. Под давлением короля парламент в 1533 г. признал первый брак Генриха VIII недействительным, лишив при этом дочь короля от первого брака Марию права на престол. В следующем году

особым парламентским актом король был объявлен главой английской церкви, чем было положено начало реформации в Англии. Т. Мор демонстративно отказался от принесения присяги королю как главе церкви и был за это, несмотря на все свои заслуги, брошен в Тауэр. В 1535 г. он был обезглавлен, но и в свои последние минуты на эшафоте проявил то спокойствие и бесстрашие, которые были ему присущи: Мор, подходя к эшафоту, плохо сколоченному и шатавшемуся, обратился к сопровождавшему его офицеру со словами: «Помогите мне взойти, вниз я уж как-нибудь сам сойду». А палачу он предложил скорее и лучше делать свое дело: «Шея моя коротка, цельсь хорошенько, чтобы не осрамиться», — бросил он ему.

Противодействие Томаса Мора реформации объясняется не столько его приверженностью к католицизму, сколько осуждением королевской политики грабежа масс при помощи реформации. Дело в том, что отнятые у церкви и монастырей земли попадали в руки королевских ставленников, а эти новые владельцы сгоняли крестьян с их наделов, огораживали земли и угнетали народ куда сильнее, чем старый владелец — католическая церковь.

«Утопия»

Книга, обессмертившая имя Т. Мора и давшая название целой эпохе в истории социалистических учений, была озаглавлена: «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии»[1]. Написанная и изданная во Фландрии в 1516 г., книга состоит из двух частей: первой, подвергающей суровому осуждению существовавшие в Англии в начале XVI в. порядки, и второй, противопоставляющей этим порядкам лучшее государственное устройство, будто бы существующее на острове Утопии.

«Утопия» написана в форме диалога между автором, его другом — известным гуманистом Петром Эгидием — и неким Рафаилом Гитлодеем, вымышленным лицом, мореком, только что возвратившимся из далекого странствования и сумевшим повидать многие земли и государ-

[1] Цит. по изданию 1947 г.

ства. Гитлодей подвергает жесточайшей критике порядки современной Англии, причем первое, что вызывает возмущение Гитлодея, это английские уголовные законы, законы против воров в особенности. Последних, как известно, в XVI в. подвергали пыткам, а затем вешали, причем вешали за попытку украсть даже самый малостоящий предмет. Гитлодей считает, что «воровство не заслуживает виселиц», справедливо полагая, что нельзя наказывать людей за проступки, допущенные ими поневоле и являющиеся следствием тех ужасных условий, в которые они поставлены существующими в государстве порядками. «Вору назначают тяжкие и жестокие муки, тогда как гораздо скорее следовало бы позаботиться о каких-либо средствах к жизни, чтобы никому не предстояло столь жестокой необходимости сперва воровать, а потом погибать» (стр. 53).

Какие же причины заставляют воров воровать? Их в основном две: гнет со стороны феодальной знати, проводящей свои дни в праздности, и переход к овцеводству — огораживание прежних пахотных земель под пастбища. В Англии, указывает Гитлодей, «овцы, обычно такие кроткие, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города» (стр. 57). Для того, чтобы избавиться от всех этих бедствий, недостаточно одних частичных мер. «Кормите меньше дармоедов». «Вышвырните эти губительные язвы, постановите, чтоб разрушители ферм и деревень восстановили их», — требует Гитлодей (стр. 60). Для окончательного уничтожения всех зол следует уничтожить частную собственность: пока она существует, «нет совершенно никакой надежды на выздоровление и возвращение организма в хорошее состояние» (стр. 93). «...Благополучие в ходе людских дел возможно только с совершенным уничтожением частной собственности» (стр. 92). «Где только есть частная собственность..., там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел» (стр. 90).

Чтобы доказать возможность существования и процветания общества и государства, не знающего вовсе частной собственности, Т. Мор во второй, главной части своей «Золотой книги», вкладывает в уста Гитлодея рассказ о несуществующем острове Утопия, где Гитлодей

будто бы пробыл 5 лет и откуда никогда бы не уехал, если бы не желание поведать об этом новом мире и о народе, осуществившем общественное устройство более правильное, чем где бы то ни было.

Согласно Гитлодею, Утопия — остров, разделенный на 54 приблизительно равных округа, во главе которых стоят города. К каждому из них тяготеет определенная территория, являющаяся общественной собственностью утопийцев.

Обработка земли осуществляется в Утопии всеми гражданами в порядке трудовой повинности, артелями, по 40 человек в каждой. Артели эти, во главе которых стоят поставленные городом мужчина и женщина, сдают в город весь продукт своего производства за исключением необходимого им самим. Каждый горожанин должен пробыть в деревне лишь два года, а постоянным занятием людей должно быть какое-либо ремесло, которому одинаково обучаются и мужчины и женщины. Все ремесленные работы производятся в Утопии в отдельных семьях, которых в каждом городе насчитывается до 6 тыс. при наличии не более 16 взрослых в каждой из них. Семья занимается каким-нибудь одним видом ремесла, и таким образом каждый утопиец как бы прикреплен к какому-то виду труда, за выполнением которого следят особые должностные лица. Рабочий день продолжается в Утопии всего 6 часов и, несмотря на это, люди живут в полном достатке. Достаток достигается, во-первых, принудительным привлечением к труду почти всех мужчин и женщин. Во-вторых, сокращением потребностей, связанным с крайней невзыскательностью утопийцев: они довольствуются простой и грубой одинаковой для всех одеждой, не знают никаких излишеств и роскоши.

Распределение сообща произведенных продуктов сельского хозяйства и ремесла происходит в Утопии через особые склады, всегда открытые для всех утопийцев. «Тут не существует неравномерного распределения продуктов, нет ни одного нуждающегося, ни одного нищего, и хотя никто ничего не имеет, тем не менее все богаты (стр. 212), — рассказывает Гитлодей... Каждый может быть спокоен насчет пропитания и благополучия как своего, так и всех своих».

Понятно, что при подобной общественной организации как производства, так и распределения утопийцы не нуждаются вовсе ни в каких деньгах, разве только при сношениях с другими народами. У себя дома они обходятся без золота и серебра и здесь «никто не ценит их дороже, чем того заслуживает природа этих металлов» (стр. 133). А для того, чтобы лишить золото и серебро их привлекательности в глазах утопийцев, не только в общественных дворцах, но и в частных жилищах из них делаются ночные горшки и посуда для самых грязных надобностей. Сверх того, из них же куют там цепи и массивные кандалы для рабов, а также золотые кольца, цепи и обручи, служащие для преступников позорным знаком, отличающим их от прочих утопийцев (стр. 134). Тут невольно вспоминаешь слова В. И. Ленина, который в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма» советовал, когда пролетариат победит в мировом масштабе, сделать из золота общественные отхожие места в нескольких самых больших городах.

Может показаться удивительным, что в Утопии существуют рабы, носящие кандалы к тому же. Сохраняя рабство, правда в значительно смягченном для своего времени виде, Т. Мор стремится преодолеть вопрос о том, кто будет в его идеальном государстве выполнять неприятные работы, например, вывозить нечистоты или забивать скот. Поскольку никто добровольно не согласился бы это делать, Т. Мор оказывается вынужденным сохранить в Утопии рабов в небольшом количестве. В рабов превращаются у него военнопленные, преступники, отбывающие наказание, и, наконец, люди, приговоренные в других государствах к смерти и выкупаемые утопийцами. Но рабство в Утопии не является наследственным — сын раба свободный человек, и, кроме того, сами рабы могут быть с течением времени освобождены. Мор как типичный гуманист из среды высших классов XVI в. просто не верит, что без рабства части трудящихся можно обойтись.

Семейный быт утопийцев при всем своем отличии от бытовых условий XVI в. все же носит определенные черты современного Т. Мору патриархально-ремесленного уклада жизни трудящихся. Правда, утопийцы проживают в общественных зданиях, не являющихся вовсе их

частной собственностью. Они даже через каждые десять лет меняют их. «Здания отнюдь не грязны, — рассказывает Гитлодей о виденном им в главном городе Утопии Амауроте. — Нет ни одного дома, у которого бы не было двух дверей: спереди — на улицу и сзади — в сад. Двери двухстворчатые, скоро открываются при легком нажиме и затем, затворясь сами, впускают кого угодно — до такой степени у утопийцев устранена частная собственность» (стр. 108). В семье, однако, сохраняется полностью власть мужчины, хотя по сравнению с существовавшими в Англии XVI в. условиями положение женщины несравненно лучше. Последняя, наравне с мужчиной, участвует в производстве и в то же время освобождена от домашних забот, поскольку в Утопии имеются общественные столовые — дворцы, где семьи сообща вкушают пищу. Она получает также наравне с мужчиной воспитание и образование, но в семье все же находится в подчинении у мужа.

Для того, чтобы дать полное представление об Утопии, нам остается сказать несколько слов о государственном устройстве этого социалистического государства. Каждые 30 семейств избирают должностное лицо — филарха, 10 филархов — одного протофиларха. Филархи на особом собрании избирают тайным голосованием князя государства, который, опираясь на сенат, составленный из тех же должностных лиц, избираемых народом, и правит Утопией, занимаясь не только одними административными делами, но и составлением хозяйственного плана и учетом всех произведенных продуктов. Таким образом Утопия — это своеобразная ограниченная монархия, во главе которой находится избираемый народом и зависимый от него властитель.

Утопийцы и по религиозным убеждениям, и по положению у них науки являются передовыми людьми, их государство не имеет себе равных.

«Утопия» Т. Мора вплоть до наших дней сохранила огромную ценность и по праву позволила английскому государственному деятелю и ученому, отрубленная голова которого была выставлена на лондонском мосту, остаться в памяти человечества *основоположником утопического социализма.*

Историческое значение «Утопии»

Прежде всего следует подчеркнуть, что Т. Мор впервые поставил вопрос об организации общественного производства в масштабе государства. До него сектанты-уравнители средних веков делали попытки организовать на коммунистических началах только потребление, не меняя характер производства. Т. Мор, кроме того, впервые обратил внимание на роль государственной власти при построении нового справедливого строя. Он целиком отказался от анархических мечтаний, свойственных тем, кто до него пытался набросать картину будущего царства божьего на земле. Всему построению Т. Мора присущ рационализм. Все его доводы, оправдывающие необходимость построения социалистического общества, целиком идут от разума и, хотя Мор и слыл верующим католиком, для него устройство Утопии не является выражением какой-то правды божьей, а результатом деятельности людей, понявших, наконец, как следует бороться против недугов существующего общества.

Но Т. Мору совершенно чужда идея какого-либо технического прогресса. Он целиком еще стоит на почве современной ему ремесленной мастерской и отсталого сельскохозяйственного производства. Многое в хозяйственном строе Утопии связано с этим, в частности, например, характерное прикрепление каждого утопийца пожизненно к одному виду деятельности, к определенному виду ремесленного производства. Черты «грубой уравнительности и всеобщего аскетизма», о которых говорят Маркс и Энгельс в «Манифесте», присущи его мечтаниям о лучшем и более светлом будущем.

«Утопия» Т. Мора — это роман, рассказывающий о несуществовавшем никогда идеальном обществе. Форма этого произведения, безусловно, подсказана теми историческими явлениями, в рамках которых оно было создано, — эпохой великих географических открытий. И после Т. Мора в течение целых 300 лет в различных странах продолжали выходить многочисленные «утопические» романы, содержанием которых являлся обычно рассказ какого-нибудь путешественника о виденных им неведомых другим странах, не знающих угнетения человека человеком. Сами условия, с которыми приходилось сталкиваться в XVI—XVIII вв. авторам всех этих произ-

ведений, толкали их именно к фантастическому роману как форме выражения своих мечтаний: за ними не стояло еще никакой социальной силы, способной осуществить воплощение в жизнь их идеала.

Томмазо Кампанелла

«Город Солнца», написанный монахом-доминиканцем Томмазо Кампанеллой в 1602 г., — такой же фантастический роман, как и «Утопия». Роман этот также написан в форме рассказа-диалога возвратившегося из дальних странствий путешественника-генуэзца об открытой им идеальной стране. Хотя в литературном отношении произведение Кампанеллы уступает «Утопии» Мора, содержание его вызвало большой интерес, и в течение долгого времени «Город Солнца», наряду с книгой Мора, оказывал серьезное влияние на создателей других социалистических утопий.

Кампанелла родился в 1568 г. на юге Италии и уже четырнадцати лет вступил в орден доминиканцев. С юности он занимался не только богословием, но и философией, и скоро, следуя по стопам своего учителя, философа эпохи Возрождения Телезия, вступил на путь борьбы против схоластики и иезуитов. Познание основано на чувственном опыте, утверждал он вслед за Дж. Бруно, сочетая все же в своем учении элементы материализма со своеобразной христианской и иудейской мистикой, со средневековой астрологией.

Конец XVI в. был для всей Италии временем экономического упадка. Бедствия и невзгоды широких народных масс усугублялись постоянными войнами мелких феодалов между собой и владычеством испанцев в южной части полуострова. Кампанелла принял горячее участие в борьбе против этих последних, возглавив у себя, в родной ему Калабрии, подготовлявшийся против испанцев заговор. Но заговор был раскрыт властями, и Кампанелла, безуспешно пытавшийся бежать, был осенью 1599 г. схвачен и брошен в тюрьму замка Кастель Нуово в Неаполе незадолго до того, как в Риме был сожжен Дж. Бруно.

За свою попытку выступить на защиту угнетенного чужестранцами народа Кампанелла поплатился 27 годами непрерывного страшного тюремного заключения, а

также нечеловеческими пытками, которые ему пришлось выдержать. «Ничто не могло меня поколебать — у меня не могли вырвать ни одного слова». Его обвиняли в ереси, но он не сдавался, надеясь освободиться из рук своих мучителей — инквизиторов. Однако его приговорили к вечному заключению.

Но и в тюрьме, закованный в цепи, Кампанелла сохранил твердость духа. «В оковах, но все же свободный; один, но все же не одинокий, стеная, но спокойный, — говорит он в одном из своих тюремных стихотворений, — я смущаю своих врагов; безумный в глазах толпы, я мудрец для божественной проницательности».

В тюрьме написано Кампанеллой в начале XVII в. и главное его произведение «Город Солнца», изданное впервые в Германии в 1623 г. и позднее переведенное на многие языки с латинского оригинала. Сам автор был освобожден из тюрьмы после 27-летнего мученичества в 1626 г., однако вынужден был, спасаясь от нового ареста, бежать во Францию, где и умер в 1639 г.

«Город Солнца»

Город Солнца, о котором подробно рассказывает содержателю монастырской гостиницы возвратившийся из путешествия генуэзский флотоводец, расположен на высоком холме и разделен на семь обширных поясов или кругов, называющихся по семи планетам. Он представляет собой крепость, защищаемую от нападения извне всеми своими гражданами, в том числе и женщинами. Все защитники города принимают участие в Большом совете жителей республики, который и намечает кандидатов на высшие должностные посты. Избрав их, простые граждане республики передоверяют своим избранникам все дела управления. Во главе Города Солнца стоит лицо, одновременно являющееся и наиболее ученым человеком в республике и ее первым священником. Лицо это, именуемое Гогом, правит, опираясь на трех своих высших советников, именуемых Любовью, Могуществом и Мудростью. Каждый из этих троих ведает отдельной отраслью управления: Любовь — всем, что относится к продолжению рода граждан; Могущество — всем, что имеет отношение к войнам и охране государства; наконец, Мудрость ведает воспитанием и образо-

ванием. Гог и его три помощника вершат, следовательно, все дела, награждают добродетель и наказывают пороки. Они же следят за исправным течением хозяйственной жизни.

В сущности Город Солнца — своеобразная аристократическая республика, во главе которой стоят представители интеллигенции, люди умственного труда: под непосредственным началом Мудрости, например, находятся такие должностные лица, как Грамматик, Логик, Физик, Медик, Политик, Этик, Экономист и т. д.; под началом Любви — Заведующий деторождением, Воспитатель, Заведующий одеждой, Агроном, Скотовод и т. п.; под началом Могущества — Стратег, Кузнечных дел мастер, Начальник арсенала и т. п. Сам Гог возглавляет Совет из 13 высших должностных лиц, который пополняется новыми членами путем кооптации. В конечном счете государство Кампанеллы — это теократия особого вида, в которой многое напоминает структуру монашеского ордена.

Производство и распределение организовано там приблизительно так же, как и в Утопии, с той только разницей, что Кампанелла не знает деления общества на отдельные первичные хозяйственные ячейки-семьи. Сельскохозяйственными работами под надзором должностных лиц занимаются у него все, выходя в нужное время в поле. Ремесленным производством заняты у него также все, мужчины и женщины, причем рабочий день устанавливается им меньший, чем у Т. Мора, — четырехчасовой. Уменьшить рабочий день кажется Кампанелле возможным за счет применения некоторых технических нововведений, делающих труд в Городе Солнца более производительным. Солярии — жители Города Солнца, — например, для облегчения полевых работ применяют особые оснащенные парусами телеги, которые способны двигаться против ветра, благодаря искусно устроенной колесной передаче. Почти сто лет, которые отделяют «Утопию» Т. Мора от «Города Солнца», и некоторый технический прогресс, уже наблюдавшийся в XVI в., позволяют Кампанелле возлагать на новые технические изобретения определенные надежды. В Городе Солнца, таким образом, нет праздных тунеядцев и это ведет к тому, что там «община делает всех одновременно и богатыми и вместе с тем бедными: богатыми — потому что

у них есть все, бедными — потому что у них нет никакой собственности...» (стр. 62) [1].

В Городе Солнца все граждане живут, в отличие от Утопии, вместе. Они спят в общих спальнях и едят в больших столовых, мужчины по одну сторону стола, женщины по другую. Они ведут сытую, гигиеническую, трудовую жизнь, не зная вовсе забот о завтрашнем дне и посвящая свои досуги науке и искусству.

Единобрачия и семейной жизни в обычном смысле в Городе Солнца нет — и в этом особенность фантастического государства Кампанеллы. Отношения между полами регламентированы.

Особые должностные лица из пожилых граждан несут заботу о подборе пар, отбирая достигших зрелости молодых людей с целью получения наиболее здорового и красивого потомства. До каких удивительных домыслов доходит при этом Кампанелла — вечный узник, лишенный радостей жизни, — можно судить хотя бы по его рассуждениям относительно подбора подруг для молодых ученых в Городе Солнца. «Они постоянно о чем-нибудь размышляют, и производят поэтому худосочное потомство». Чтобы избежать этого, «таких ученых сочетают с женщинами живыми, бойкими и красивыми» (стр. 54).

Кампанелла, далее, выдвигает радикальное требование общественного воспитания детей. Пусть последние не знают ни отца, ни матери и становятся от колыбели предметом забот не отдельных людей, их породивших, а государства. Хотя матери и вскармливают младенцев сами, они вскоре же передают их на попечение особых начальников и начальниц, которые и ведают их совместным воспитанием и обучением. Кампанелла стоит на точке зрения полного равенства между отдельными полами. Мальчики и девочки получают совершенно одинаковое воспитание, вопросами которого Кампанелла весьма интересуется. Те приемы и методы, которые применяются соляриями при воспитании и обучении подрастающего поколения, представляют еще и по сей день интерес для педагогов.

Принципиальный протест Кампанеллы и некоторых других сторонников уравнительного коммунизма (напри-

---

[1] Цит. по изданию 1947 г.

мер, мюнстерских анабаптистов) против индивидуальной семьи вызывался их отрицательным отношением к частной собственности, к имущественному неравенству. Именно эта сторона взглядов утопистов навлекла на них особенно яростные нападки врагов социализма и породила явно беспочвенные обвинения их в безнравственности и разврате.

Неприемлемые для нас стороны жизни солярнев и устройства Города Солнца — такие как аристократизм управления и регламентация деторождения — объясняются также зависимостью Кампанеллы от книжной, литературной традиции, зависимостью куда более сильной, чем у Мора. В обоих случаях он прямо повторял рассуждения древнегреческого философа-идеалиста Платона — автора первой реакционной утопии. Платоновское идеальное государство было скопировано с отсталых и жестоких порядков рабовладельческой Спарты.

Несмотря на указанное своеобразие и фантастические предположения, говорящие еще больше, чем это имело место у Т. Мора, о «грубой уравнительности» и «всеобщем аскетизме» социалистического идеала Кампанеллы, несмотря на то, что в его сочинении можно без труда обнаружить уступки частным интересам людей умственного труда, Кампанелла все же выступает в своем «Городе Солнца» как выразитель помыслов и надежд беднейших слоев населения Италии начала XVII в. Советский исследователь А. Штекли справедливо замечает в своей увлекательной биографии Кампанеллы, что последний не только «Городом Солнца», но и всей жизнью мыслителя и борца заслужил право на благодарную память потомков.

Д. Уинстенли

В XVII в. вышло в свет еще одно из крупнейших произведений ранней коммунистической литературы, носящее название «Закон свободы, изложенный в виде программы, или восстановление истинной системы правления», написанное англичанином Джерардом Уинстенли в 1652 г.

Революционная английская литература XVII в. обычно проникнута духом религиозного обновления — идеями народной реформации, или пуританизма. Уже первый до-

шедший до нас анонимный памфлет времен Английской революции XVII в. — «Свет, сияющий в Букингемшире» опирается в своем требовании не присваивать землю в частную собственность и прекратить огораживания на закон божий. То же обоснование народных требований волею господа, подкрепленное ссылками на христианское учение о существовании земного рая до грехопадения Адама и Евы, о золотом веке в прошлом человечества, мы находим и во многих других политических листовках и брошюрах первых лет республики. Многие из них написаны были Уинстенли, уроженцем Ланкашира (1609 г.). В 40-х гг. он имел свое торговое дело в Лондоне, но разорился и дошел до такой степени нищеты, что ему пришлось в первые годы начавшейся революции пасти скот у своих родственников в графстве Сёррей. Мы знаем, что вместе с крестьянином Эверардом весной 1649 г. он возглавил движение «истинных левеллеров», или диггеров («копателей»), и около 1652 г. умер. В памфлете Уинстенли, озаглавленном «Знамя, поднятое истинными левеллерами», протест против частной собственности на землю опирается на волю Разума, великого творца, не желавшего вовсе, чтобы земля присваивалась отдельными людьми, переходила из рук в руки, огораживалась и т. д.

«Закон свободы»

Главным и наиболее значительным произведением всей английской коммунистической литературы XVII в., как сказано, остается «Закон свободы». Произведение это куда значительнее «Города Солнца» и может быть поставлено в ряд с «Утопией» Т. Мора.

«Закон свободы» начинается с обращения к Кромвелю, чтобы он не шел по пути тирании и вернул народу отобранные у него земли. Не отдавая себе отчета в классовой природе правительства индепендентской республики, Уинстенли наивно верит, что Кромвель одумается и проведет благодетельные для народа законы. Затем он переходит к резкой критике существующего общественного строя, обрушиваясь прежде всего на частную собственность. «Истинная республиканская свобода, — доказывает он, — заключается в свободном пользовании землей». При этом и он постоянно ссылается на библию

и указывает, что «слава республики Израиля» заключалась в том, что «в ней не было нищих». В результате Уинстенли приходит к выводу, что истинно справедливый идеал общности заключается в освобождении земли от всякого рода кабалы, от угнетателей лендлордов, а также в том, что «ни земля, ни плоды ее не будут ни продаваться, ни покупаться населением друг у друга» (стр. 222) [1].

Уинстенли подробно рассказывает о том, каковы должны быть действенные законы, восстанавливающие «истинную систему правления», и излагает собственный план переустройства общества. Мы не будем подробно анализировать этот план; отметим только, что Уинстенли исходит из того, что «истинная свобода царит там, где человек получает пищу и все, что нужно для его содержания», из рук общества, основным законом которого является право трудящихся на землю и на существование. Первичной хозяйственной ячейкой Уинстенли выступает не искусственно собранная большая семья Т. Мора, а обычная моногамная семья, занимающаяся сельским хозяйством или ремеслом. Самый труд каждой отдельной семьи носит организованный характер, поскольку в общине имеются особые должностные лица, постоянно наблюдающие за производством отдельных семей и следящие за тем, чтобы выработана была установленная норма и весь продукт сдавался на общественный склад. Уинстенли, в отличие от Т. Мора, предусматривает и создание показательных общественных мастерских, мысль о которых, конечно, была навеяна уже имеющимися в Англии середины XVII в. мануфактурами. Потребление носит у Уинстенли индивидуальный характер и никаких столовых-дворцов у него нет. Каждая семья получает необходимое ей по потребности из общественных складов.

Нарушение установленного «Закона свободы», например, купля и продажа чего-либо, влечет за собой суровые кары, подробно перечисленные в книге. Суровые кары предусматриваются и за прелюбодеяние; брак, однако, у Уинстенли свободный и не обставлен никакими особыми формальностями. Рабство сохраняется и им, в такой же, как у Т. Мора, смягченной форме.

---

[1] Цит. по изданию 1950 г.

Хотя влияние на Уинстенли старой сектантской традиции общности, в частности известного учения немецких анабаптистов XVI в., несомненно, в его лице мы имеем самостоятельного мыслителя, идеолога английского предпролетариата, человека далеко опередившего своих современников. Прав академик В. П. Волгин, утверждавший, что его учение — важное звено в развитии коммунистической мысли.

Важным преимуществом Уинстенли перед его предшественниками является тесная связь его идей с революционным движением народных масс. В «Законе свободы» мы впервые находим не картину вымышленного идеального общества, а конституцию нужного беднякам государства — республику без частной собственности. На эту сторону дела обратил внимание советский исследователь английской революции М. А. Барг. В идеологии диггеров и их главного вдохновителя Уинстенли примитивные и туманные устремления неимущего плебейства — предшественника пролетариата — к переустройству общества на коммунистической основе слились воедино с крестьянской программой полного уничтожения феодализма в Англии.

ЛЕКЦИЯ II

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВО ФРАНЦИИ КОНЦА XVII—XVIII вв.

Франция XVII в.

Франция в конце XVI и начале XVII в. пережи-вала острейший период классовых схваток — религиозные войны и народная борьба против феодально-абсолютистской эксплуатации потрясали страну. Век короля-солнца, век Людовика XIV, также знал ожесточенные классовые схватки. Народ не только протестовал устно против феодальных поборов и налогового гнета, но не один раз с оружием в руках выступал против эксплуатации со стороны дворян и поддерживавшего их государства Бурбонов. Уже «кроканы» в 90-х гг. XVI в. видят своего врага прежде всего в феодалах и сборщиках королевских налогов. В XVII в. народные движения не прекращаются: «кроканы» поднимаются снова в 1624, 1636—1637, 1643—1645 гг.; в 1639 г. выступают так называемые «босоногие», а после Фронды с конца 50-х гг. начинается новая волна крупнейших народных восстаний — «война саботье», «война бедняг», «восстание Ру-ра» и т. д. Восстания охватывали десятки провинций, на их подавление обычно высылались отряды регулярных войск и артиллерия. С 90-х гг. XVII в. особенно усиливаются волнения на юге Франции: за восстанием в Виваре в 1689 г. следует знаменитое восстание «камизаров» 1702—1704 гг. — так называемая «Севеннская война». В 1707 г. разражается в провинции Креси новое восстание «Задним умом крепких» (Б. Ф. Поршнев подробно исследовал эти восстания).

Неудивительно, что в этот период у представителей

французской интеллигенции рождались смутные мечты о таком общественном строе, при котором не будет нищих и все будут одинаково пользоваться плодами земли.

Во Франции в XVII в. в ходу были различные утопические произведения, описывавшие нигде не существующий, но желанный народу общественный строй. Таков был роман Вераса «История севарамбов», опубликованный впервые в Англии в 1675 г. (есть русский перевод 1956 г.).

Верас и его «История севарамбов»

Верас — типичный представитель трудовой интеллигенции того времени: военный, потом юрист, снова военный, затем преподаватель французского и английского языков. Даты его рождения и смерти неизвестны. По форме его книга — типичный роман путешествий, начинающийся с описания кораблекрушения, приведшего капитана Сидена, от имени которого ведется рассказ, к берегам Австралии. Здесь он знакомится с севарамбами, установившими у себя по указанию мудрого вождя Севариаса коммунистический строй.

В своем романе Верас идет дальше уже известных нам ранних утопистов и, не в пример Мору, основной производственной ячейкой которого является большая семья, набрасывает иную картину организации производства: у севарамбов группы трудящихся образуют товарищества — осмазии. Члены осмазии живут вместе в особом доме, вместе производят и совместно потребляют, подобно тому, как в будущем будут жить и трудиться члены фаланги у Фурье. Верас считает, что при подобной организации труда никто не может терпеть недостатка в средствах потребления, но, в отличие от своих предшественников полагает, что севарамбам следует трудиться не шесть или даже четыре часа, как думали Т. Мор и Кампанелла, а все восемь часов. Между прочим это пожелание введения восьмичасового рабочего дня являлось первым в истории выражением будущего основного требования пролетариев конца XIX — начала XX вв.

Нельзя не отметить и еще одну характерную черту: произведение Вераса совершенно лишено какой-либо мистически-религиозной аргументации, от которой все же не был свободен даже гуманист Т. Мор. Верас вполне

уже стоит на почве характерной для следующего века рационалистической аргументации, и государство севарамбов построено у него на прочном, как ему казалось, фундаменте светского разума, во всесилие которого он уже вполне верит. Вот этот-то рационализм и роднит Вераса, человека XVII в., с французскими утопистами XVIII в.

Первые теории утопического социализма

В XVIII в. коммунистические мечтания приобретают новую и более серьезную форму. Во Франции на протяжении всего этого века создается обширная литература из романов-путешествий, все чаще смыкающихся с романами утопическими. Место нахождения идеального государства отнесено в них в далекие от Европы страны, а то и совсем вынесено за пределы нашей планеты. Две эти подчас скрещивающихся нити робинзонад и утопий, идя от авторов XVII в. — Вераса и Сирано де Бержерака — не прерываются на всем протяжении века Просвещения. Однако из произведений, запечатлевших первое направление, ни одно не приобрело славы «Робинзона Крузо» Д. Дефо; забытым оказалось и большинство французских утопий той эпохи. Исключение составляют, пожалуй, только книга писателя Л. С. Мерсье «2440-й год», «Южное открытие» Ретиф де ля Бретона и примыкающее некоторыми чертами к ним «Добавление к «Путешествию Бугенвилля» Дени Дидро.

И тем не менее, поток этой литературы отнюдь не прошел бесследно. Он в определенной степени помог подняться соответствующим направлениям общественной мысли от этих традиционных жанров до произведений, в которых, по словам Энгельса, были выдвинуты «уже прямо коммунистические теории» [1] (Энгельс имеет в виду Морелли и Мабли). Произведения эти, таким образом, представляют собой уже не картины жизни идеального общества, словно срисованные «с натуры», а именно теоретические рассуждения о возможности и необходимости построения бесклассового общества, характерные для рационализма.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 18.

В чем состоят характерные черты рационализма в его применении к общественной жизни? По мнению передовых людей XVIII в., существовавшие тогда порядки, т. е. порядки феодально-абсолютистские, совершенно не отвечали разумному устройству, естественному для человеческого общества. Такой разумный и естественный порядок, — полагали эти передовые люди, борцы против феодализма, — существовал на заре человеческого общества, был затем по разным причинам разрушен феодалами и, следовательно, должен быть теперь восстановлен. Представители социалистически настроенной французской интеллигенции так же, как и прочие противники «неразумного» существующего феодального строя, в своих мечтах и построениях исходили из тех же общих всем «просветителям» XVIII в. абстрактно-рационалистических представлений. Им абсолютно чужд был какой-либо историзм и они выводили те или другие представления об основных чертах будущего идеального социалистического общественного строя исключительно из собственных своих представлений о велениях разума и естественном состоянии человеческого общества.

Жан Мелье и его значение

Первое по времени теоретическое рассуждение о необходимости покончить с существующим феодально-абсолютистским порядком, дабы заменить его порядком коммунистическим, принадлежит скромному французскому священнику Жану Мелье, родившемуся в 1664 г. в провинции Шампань в семье деревенского ткача. Огромное историческое значение его заключается в том, что только он один среди многих других представителей раннего французского утопического социализма сумел сочетать идеи свои о социальном равенстве и общности имуществ с прямым, обращенным к трудящимся, призывом борьбы против угнетателей. Он, этот деревенский кюре, был воинствующим атеистом и понимал, что церковь и религия служат опорами, поддерживающими устои существующего классового общества.

Жизнь Мелье не богата событиями. Получив образование в семинарии, Мелье в угоду родителям, хотя он был неверующим смолоду, стал приходским священником в маленькой деревне Этрепиньи в своей родной

Шампани. Всю свою долгую жизнь он и провел здесь, его мало знали за пределами округи.

Вплоть до 1716 г. никто не мог даже подозревать, что под сутаной деревенского священника бьется пламенное сердце борца. Но в этом году Жан Мелье неожиданно вступил в конфликт с местным дворянином де Тули, обвинив его в жестоком обращении с крестьянами, прихожанами Мелье. Порицая действия де Тули, Мелье осмелился поднять голос и против всего дворянства в целом. Вызванный по требованию сеньора в Реймс к архиепископу Мелье не только не оправдывался, но, наоборот, осмелился еще более усилить свои нападки на дворянство. Архиепископ потребовал от него не просто немедленно отказаться от своих «заблуждений», но и призывать в дальнейших своих проповедях крестьян-прихожан молиться за своего сеньора.

Возвратившись из Реймса, в первое же воскресенье Мелье действительно обратился к сеньору де Тули, находившемуся в церкви, и с церковной кафедры сказал: «Вот какова судьба бедных сельских священников; архиепископы, которые сами являются сеньорами, презирают их и не прислушиваются к ним, у них есть уши только для дворян. Помянем же сеньора нашего селения и помолимся о нем. Попросим бога, чтобы он обратил его сердце и даровал ему благодать не обращаться дурно с крестьянами и не грабить сирот». За эти слова он получил выговор от архиепископа.

Столкновение с сеньором Этрепины — единственное открытое выступление Мелье против существующих порядков. В общем жизнь его текла тихо и незаметно. Он продолжал отправлять церковные службы, но делал это, по его же собственным словам, испытывая глубочайшее отвращение: «Я всей душой ненавидел нелепые обязанности своей профессии», — рассказывает он сам в своем «Завещании» [1].

К старости Мелье стал слепнуть. Болезнь и постоянные лишения и преследования, вероятно, и заставили его решиться на самоубийство в 1729 г. в возрасте 65 лет; он завещал свое жалкое имущество прихожанам и оставил потомкам объемистое сочинение — «Завещание».

---

[1] Далее цит. по изданию 1954 г. Римская цифра означает том.

«Завещание» Мелье

Вскоре после смерти Мелье сочинение его стало во Франции ходить по рукам в извлечениях и рукописных копиях. Позднее Вольтер и Гольбах издали за границей отдельные части «Завещания», отобрав те места, которые, главным образом, касались вопросов религии. Полностью все сочинение увидело свет лишь в 1864 г., когда один голландский вольнодумец случайно нашел его в лавке амстердамского букиниста.

В предисловии к «Завещанию» Мелье говорит о том, что толкнуло его к написанию книги. Он желал бы сказать во всеуслышание перед смертью то, что ему нельзя было при жизни высказать открыто. Цель книги — по мере сил открыть глаза «на те нелепые заблуждения, среди которых мы все, сколько нас есть, имели несчастье родиться и жить». «С самой ранней юности я видел заблуждения и злоупотребления, причиняющие столько зла на свете» (I, 55—56), — продолжает он, указывая что разгадал с годами «не только источник и происхождение всех этих заблуждений, суеверий и дурного управления», но и понял причину, почему люди образованные «не возражают против этих возмутительных порядков» (I, 59).

В мире царит неправда, и два зла, в особенности, делают свое черное дело: частная собственность и сословное неравенство.

Исходя из того общего положения, что все люди имеют равное право владеть и пользоваться некоторой долей земных благ, занимаясь полезным трудом, Мелье обрушивается на частную собственность, ведущую к постоянной борьбе между людьми и к господству наиболее сильных и ловких, самых хитрых и злых. «Одни опиваются и объедаются, роскошествуют, а другие умирают с голоду... Одни почти всегда веселы и радостны, тогда как другие вечно в трауре и печали» (II, 201). И обращаясь к обездоленным крестьянам, Мелье говорит: «Вы удивляетесь, бедняки, что в нашей жизни так много зла и тягот?... Это происходит оттого, что вы и вам подобные несете на своих плечах все бремя государства. Вы отягощены не только всем бременем, возлагаемым на вас вашими королями, государями, которые являются вашими главными тиранами; вы содержите еще вдобавок

все дворянство, все духовенство, все монашество, все судебное сословие, всех военных, всех откупщиков..., одним словом, всех трутней и бездельников на свете» (II, 211).

Грабеж и насилие предков дали власть и силу существующему привилегированному сословию, которое и заставляет содержать себя несчастным труженикам.

Мелье подвергает, таким образом, суровой критике существующий во Франции общественный строй. Он видит на одном полюсе светских и духовных феодалов, и их-то и считает главнейшими врагами «народа», или «крестьянства», что является для него синонимом. Буржуазии он еще не выделяет в качестве особой силы, хотя и подмечает отдельные явления, характеризующие вызревание новых капиталистических отношений.

Как же может держаться в течение целых веков порядок, основанный на грабеже и насилии и не имеющий ничего общего со справедливостью?

Одним фактом постоянного насилия объяснить существование подобного порядка нельзя: ведь унетателей гораздо меньше, чем угнетенных! Основная причина зла скрывается, по мнению Мелье, в христианской религии. Она, как и всякая религия, является продуктом союза различных мошенников, именуемых князьями церкви и правителями государства. Первые из них внушили простому народу веру в рай и ад, в различные чудеса и т. д., а вторые поддержали их, находя для себя выгодным внушать простым людям смирение и послушание, за которые они должны будто бы получить награду в потустороннем мире. «Религия поддерживает даже самое дурное правительство, а правительство, в свою очередь, поддерживает религию, даже самую нелепую, самую глупую», — метко указывает Мелье (I, 67).

Но как выйти из этого положения? Как высвободиться из этого двойного рабства? Как покончить и с заблуждениями, и с тиранией, тяготеющими над народом?

Одного просвещения масс для этого недостаточно, мало взывать к разуму простого народа — надо противопоставить силе светских и духовных князей силу самого народа, покончить с его разобщенностью и невежеством, для чего необходимы не только просвещение, но и борьба. В этом призыве к борьбе — своеобразная черта

Мелье, отличающая его от большинства социалистов-утопистов.

«Об'ъединись же, народ, если у тебя есть здравый ум; ...поощряйте все друг друга к такому благородному смелому и важному делу! Начинайте с тайного сообщения друг другу своих мыслей и желаний!» — обращается к народу Мелье и призывает его низвергнуть надменных тиранов (III, 360).

Но какова же конечная цель объединения трудового народа, к которому призывает Мелье? Цель эта заключается в том, чтобы построить новое общество, не знающее частного присвоения земных благ и дающее счастье всем людям без всякого исключения. «Объединитесь все в единодушной решимости освободиться от этого ненавистного и омерзительного ига их [знати] тиранического господства, равно как и от пустых и суеверных обрядов их ложных религий» (III, 364). Религией народа пусть станет стремление к уничтожению тирании, культа богов и идолов; его религией пусть будет культ справедливости и правосудия, культ общего труда и общей жизни, культ свободы, братской любви, нерушимого мира и доброго согласия.

Призывая народ прямо к вооруженному восстанию и не останавливаясь даже перед призывами к индивидуальному террору, вспоминая с благоговением Брута и Кассия, Клемана и Равальяка [1], Мелье рисует перед своими читателями картину нового общественного строя, не знающего частной собственности и эксплуатации.

Положительный идеал Мелье довольно узок, примитивен. Кругозор человека, весь свой век проведшего в глухой деревушке, не позволил ему создать картину пусть утопического, но все же крупного коммунистического государства: Мелье все время находится в плену своих чисто деревенских представлений. Сельский приход и городская община составляют у него производственно-потребительскую группу, причем все жители мыслятся Мелье одной братской семьей, члены которой пользуются совершенно одинаковой пищей, одеждой, и т. д. Для всех них обязателен общий труд, организацией которого ведают старейшины, избранные самими же

[1] Брут и Кассий, как известно, убийцы Цезаря; монах Клеман убил короля Франции Генриха III, а Равальяк — Генриха IV.

членами. Группы самодовлеющих общин объединяются между собой в добровольной федерации. Мелье идет назад от коллектива Мора и Вераса, так как мыслит осуществление своего идеала в виде некоего общинного коммунизма, столь характерного для многих мечтателей-сектантов средних веков. Он, следовательно, отражает в своем «Завещании» не столько чаяния городских низов и городской интеллигенции, сколько чаяния и надежды деревенской бедноты, той самой, которая в век Людовика XIV неоднократно и постоянно поднималась на борьбу против своих феодальных эксплуататоров.

Мелье, таким образом, даже в известной мере отступает назад по сравнению со своими предшественниками. Но это нисколько не мешает именно ему быть первым французским революционером-демократом. И хотя он черпает свою аргументацию преимущественно из христианской литературы, которую, как священник, хорошо знает, его произведение должно занять в истории социалистической мысли почетное место. Голос автора «Завещания» — это голос угнетенной и порабощенной французской деревни начала XVIII в., голос, услышать который, в связи с отсутствием исторических источников, не так-то просто. Заканчивая свою книгу, Мелье выражает надежду, что «ревность к справедливости и истине», к освобождению стонущего народа должна в конце концов побудить всех разумных и влиятельных людей к тому, чтобы «беспрестанно изобличать, осуждать, преследовать и сокрушать все возмутительные заблуждения и все возмутительные тирании, ...пока не сметут и не уничтожат полностью их все» (III, 377). «Пусть погибнут все злодеи, пусть погибнут все тираны», — призывает он в заключение.

«Кодекс природы» Морелли

Если «Завещание» Ж. Мелье — книга, оставленная человеком горячего любящего сердца, страдающего за все беды и горести человечества, то книга другого коммуниста XVIII в. — Морелли, вышедшая в 1755 г., написана человеком строго логического ума, склонным к систематизации и несколько суровым.

Мы почти ничего не знаем о жизненном пути автора «Кодекса природы», опубликовавшего и другие произведения, в частности утопическую поэму в прозе «Бази-

лиада» (1753). Долгое время вообще полагали, что за псевдонимом Морелли скрывается Дени Дидро, в собрание сочинений которого в 1773 г. даже ошибочно был включен «Кодекс природы». Но кем бы ни был автор, след, оставленный им в истории социалистической мысли, весьма значителен: именно его труд оказал самое серьезное влияние на Бабефа, попытавшегося, как известно, в 1796 г. воплотить в жизнь идеи, изложенные в «Кодексе природы», и лично указавшего на Дидро, как на своего учителя в своей защитительной речи. И Бабеф, как видим, считал знаменитого философа-материалиста XVIII в. творцом «Кодекса природы». Дидро для него — вдохновитель «Равных»!

Автор «Кодекса» стоит целиком на рационалистических позициях, столь характерных для всех социалистов XVIII в. Он, однако, больше, чем кто-либо другой, лишен способности рассматривать явления общественной жизни в их исторической связи, в их развитии, и больше чем все другие верит во всесилие человеческого разума. В первых трех частях своей книги Морелли, идя чисто умозрительным путем, устанавливает, что корень всех зол — в невежестве людей, в неумении первых создателей письменных законов мудро обеспечить сохранение первобытных и естественных и, следовательно, соответствующих разуму порядков. Он твердо убежден, что просвещение, и оно одно, способно снова возвратить человечество на тот благостный путь, по какому оно шло при патриархально-коммунистическом строе древности, и обеспечить людям возвращение к тому «золотому веку», который был ими в далекие времена утрачен в связи с распространением частной собственности и личного присвоения того, что по началу принадлежало всем.

Повествуя о том, при каких обстоятельствах среди людей распрострапились представления о частной собственности и как утеряли они порядки первобытной коммунистической общины, в ценности которой не отдавали себе еще отчета, Морелли указывает на постепенное забвение людьми старинных законов родственной привязанности и любви, существовавших будто бы у древних скифов и существующих еще и по сей день у индейских племен Северной Америки. По мере роста числа семейств и их членов родственные узы ослабевали, а это неизбежно вело к разложению связей патриархального периода,

особенно ускорявшемуся во время переселений. Наступали раздоры и смуты, делавшие необходимыми писаные законы, ранее людям совершенно неизвестные. Тутто и совершалась роковая ошибка: законодатели не сознавали еще необходимости блюсти сохранение естественного порядка и своими постановлениями только закрепляли порядки, противоречившие естественным. Вместо сохранения в незыблемости естественной общности имуществ они узаконивали частное присвоение, а это вело к распространению неизвестной ранее алчности и других пороков.

Для того, чтобы помочь человечеству восстановить «золотой век» на новых и еще более великолепных основаниях, Морелли в четвертой и наиболее интересной части своей книги предлагает целый план законодательства, при введении которого в жизнь станет возможным преодоление пороков и недугов существующего общества, основанного на принципе частной собственности.

Во главу угла всех своих рассуждений Морелли кладет свое представление о трех «основных и священных законах». Первый из этих законов говорит о том, что в обществе «ничто не будет принадлежать отдельно или в собственность кому бы то ни было» (210) [1], кроме вещей личного пользования. Второй закон объявляет каждого гражданина «должностным лицом, обеспеченным работою и получающим содержание на общественный счет». Третий обязует каждого гражданина содействовать общественной пользе «сообразно своим силам, дарованиям и возрасту», т. е. обязывает всех трудиться.

Все остальные законы, в качестве производных, выводятся из этих трех основных. Это законы распределительные, земельные, городского благоустройства, о роскоши, форме правления, брачные и другие.

Разумеется, и в государстве Морелли «ничто не будет ни продаваться, ни обмениваться». Все выработанные продукты, выдерживающие длительный срок хранения, будут направляться в особые склады, а скоропортящиеся — прямо на рынки для дарового распределения между всеми гражданами «по потребности». Только в том редком случае, когда какого-либо продукта не будет хватать всем, будут устанавливаться временно нормы.

[1] Цит. по изданию 1956 г.

Земельные угодья в количестве, достаточном для прокормления жителей, будут приписаны к каждому городу и станут в обязательном порядке обрабатываться всеми гражданами, достигшими возраста 20 лет, в течение пяти лет. Молодежь, следовательно, будет выполнять сельскохозяйственные работы, не теряя в то же время приобретенной ранее — в возрасте от 10 до 20 лет — профессиональной выучки: только дети до 10-летнего возраста освобождаются от обязательного труда — сперва до 5 лет они находятся на руках у матерей, а затем в детских домах, с 10 до 20 лет они обучаются какой-либо профессии, после чего 5 лет трудятся на земле, а с 25 лет снова работают в определенной профессиональной корпорации, т. е. в общественной мастерской. Только достигнув сорока лет, гражданин может сам перейти к работе в какой-нибудь избранной им самим области. Все граждане у Морелли — ремесленники и остаются ими до глубокой старости, т. е. пока будут в состоянии «содействовать» обществу. Рабочий день не определен, но рабочая неделя лишь четырехдневная, так как каждый 5-й день — день общественного отдыха.

Вся производственная система Морелли напоминает цеховую. Низкая ремесленная техника побуждает его сохранять в личной собственности необходимые и примитивные орудия производства — топоры, молотки, колодки и т. д.

Семейно-брачные отношения мыслятся им в форме моногамной семьи. Он, однако, устанавливает принудительное вступление в брак всех достигших 15—18-летнего возраста. Развод весьма затруднен, хотя и допускается после десяти лет совместной жизни, но и в этом случае разведенные не имеют права вступать в новый брак с лицами по возрасту более молодыми. Кроме того, чтобы сделать расторжение брака менее соблазнительным, разведенным воспрещается вступать в новый брак также «с холостыми еще или незамужними молодыми особами»! Вопрос о детях разведенных решается Морелли в интересах отца, а не матери, и потому дети остаются при отце. Вообще и у него можно найти много пережитков старины, патриархальности.

Чрезвычайно характерны у него законы против роскоши. Морелли является ее врагом и в этом отношении мало отличается от своих предшественников. Регламен-

тация жизни отдельных граждан подчас мелочная, тягостная. Например, только с 30-летнего возраста гражданам разрешается одеваться по своему вкусу, а до этого вся молодежь носит форменное платье из одной и той же материи, причем каждая корпорация — другого цвета. Вообще Морелли любит симметрию и стандарт: в его городах даже общественные магазины построены «в однообразном и приятном стиле», а кварталы, где проживают сами граждане, — «одинаковых очертаний» и имеют дома одинаковой формы.

Законы должны соблюдаться под страхом строжайших наказаний. Жестоко карается также прелюбодеяние.

Что касается вопросов воспитания подрастающего поколения, то и тут Морелли озабочен прежде всего предупреждением последствий «слепой снисходительности отцов к своим детям» и ратует за введение единообразных форм воспитания и образования.

Государство Морелли — демократическая республика, отличающаяся тем, что не знает особых должностных выборных лиц. Каждый отец семейства, достигший 50 лет, становится сенатором. Отцы семейств управляют по очереди и делами в отдельных семьях, трибах, городах. Наконец, каждая провинция «поочередно дает пожизненного главу всего государства» (225).

Общая характеристика взглядов Морелли

Морелли — самый последовательный коммунист-рационалист не только XVIII в., но и всего предшествующего научному социализму периода. Он, однако, далек от реальной жизни и из собственной головы рождает отдельные, кажущиеся ему «естественными» законоположения. Даже формула всякого общественного приказа-распоряжения у него начинается словами: «Разум требует». Но выводя все свои предписания из указанных выше умозрительных законов, Морелли, в противовес современным ему буржуазным просветителям, действительно устанавливает в своем утопическом государстве «нераздельную связь личного счастья с общим благом», которое одно является для него важным. В век индивидуализма, в век, начавший проповедовать вместе с представителями классической политической экономии принципы волчьей морали, Морелли не мог не оказать силь-

нейшего влияния на связанную с народом трудовую интеллигенцию. Будучи главным учителем Бабефа и членов «Заговора равных» 1796 г., он же позднее воздействовал и на умы представителей французского коммунистического движения 30—40-х гг. XIX в. И Бланки, и Дезами, о которых мы будем еще говорить, были безусловно его горячими поклонниками. Мелье же они почти не знали, а учение другого коммуниста XVIII в.— Мабли казалось им, и не без оснований, малопоследовательным и недостаточно революционным.

Аббат Мабли и его биография

Аббат Мабли, действительно, в отличие от Мелье и Морелли, не верил в возможность пустить вспять колесо истории и вернуться к принципам «золотого века» первобытного коммунизма. Кроме того, он — только мыслитель, не борец, человек, лишенный по существу революционного темперамента. Тем не менее, высказанные им в многочисленных сочинениях мысли по поводу общественного неравенства, а также последовательная защита в них коммунистических порядков как порядков, отвечающих «природе человека» и «естественным законам», произвели на современников глубочайшее впечатление. Сочинения Мабли оказали длительное влияние на умы всех без исключения представителей демократического лагеря Французской революции 1789—1794 гг.

Габриэль Бонно де Мабли (1709—1785), родившийся в Гренобле в дворянской семье, был родным братом философа Кондильяка и двоюродным братом другого философа д'Аламбера. Образование он получил религиозное, но отказался от духовной карьеры и всецело посвятил себя науке, прежде всего изучению античной литературы. Одно время Мабли находился на дипломатической службе, но скоро отказался от нее и вернулся к своим научным занятиям, перейдя от литературы к истории и философии. Жил он уединенно, отклоняя даже такие, казалось бы, заманчивые предложения, как преподавание наследнику престола и вступление в Академию: Мабли прямо заявил, что преподавал бы дофину, что «короли созданы для народов, а не народы для королей», а вступать в Академию отказался, так как это было связано с необходимостью произнести речь в честь

кардинала Ришелье, поборника и идеолога французского абсолютизма.

Основные сочинения Мабли и его главные идеи

Помимо ряда сочинений чисто исторического характера, среди которых особое место занимают замечательные «Заметки по истории Франции», Мабли за свою долгую жизнь написал ряд политических и философских трактатов, в том числе «Сомнения, предложенные философам-экономистам по поводу естественного и необходимого порядка политических обществ» (1768), «О законодательстве или принципы законов» (1776) и многие другие. В этих трактатах и изложены идеи Мабли о том общественном строе, который отвечает истинной природе человека.

Хотя Мабли и признает эгоизм одним из основных свойств человеческой природы, он, наряду с ним, усматривает в человеческой природе и сострадание, благодарность, соревнование. Эти-то качества и толкают людей к сближению, ведут к образованию общества. Люди не могут жить в одиночку, им свойственно стремление к объединению, к общественной жизни. Им также присущ разум, заставляющий их поддерживать ради общего блага определенные законы и сдерживать свои страсти.

Единственным источником всякой власти является сам народ, и он всегда сохраняет за собой право менять существующее правление. Если это правление — тираническое, противоречащее естественным правам человека на свободу и безопасность, народ вправе изменить его любыми средствами, не останавливаясь даже перед насильственной революцией, даже перед террористическими актами. Не призывая, подобно Мелье, прямо к народному восстанию, Мабли все же оправдывает его. Он считает, что революции — на пользу человечеству. Но он остается теоретиком, считающим, что даже во Франции конца XVIII в. реформы, проведенные созванными королем Генеральными штатами, могут предотвратить возникновение гражданской войны.

В теории Мабли, конечно, республиканец, и образцом для него всегда остаются примеры Афин и Спарты, особенно пример республики Ликурга. Но практически он не призывает к ее насильственному установлению и

готов удовольствоваться такой монархией, где король только царствует, но не управляет. Поскольку накануне революции 1789 г. даже Марат и Робеспьер не требовали еще республиканской формы правления и готовы были на определенных условиях примириться с королевской властью, политические идеалы Мабли при всей их практической умеренности, были близки и понятны не только представителям состоятельной буржуазии, но и широким слоям мелких собственников и трудовой интеллигенции.

Однако важны для нас не эти политические убеждения Мабли, а его взгляды на существующие во Франции и в других странах имущественные отношения. Он далек от идеализации буржуазных порядков, которую мы встречаем у большинства просветителей-философов XVIII в. В замечательном своем трактате «О законодательстве» Мабли заставляет одного богатого милорда-англичанина вступить в спор с философом-шведом по вопросу о том, какие социальные порядки лучше и дают больше счастья человечеству, порядки ли богатой и буржуазной Англии или порядки бедной, не знающей излишеств Швеции. Спор позволяет Мабли выразить устами вымышленного философа свое собственное отношение к тому, что следует понимать под «счастием» для народа. «Политика и законы общества хороши постольку, поскольку они сообразуются с намерениями провидения, которое, конечно, не связывало счастье с несправедливостью, порождаемой тщеславием и жадностью», — пишет он (стр. 49) [1]. Чтобы судить о наиболее полезных для общества законах, надо знать, к какому счастью человек призван природой, и долг законодателя, продолжает Мабли, «состоит в том, чтобы содействовать проявлению социальных качеств, побуждающих нас объединяться в общество». Законы эти не должны идти вразрез с желаниями Природы и не должны противоречить им. Последняя же «сделала равенство законом для наших предков», сделала всех людей равными, дала им одинаковые органы, одинаковые потребности, одинаковый разум. «Где вы найдете основание неравенства? — спрашивает Мабли. — Разве расточаемые ею [природой] на земле блага не принадлежали всем сообща? Разве она дала каждому осо-

[1] Цит. по изданию 1950 г.

бую вотчину? Разве она провела межи на полях?» (стр. 79).

Мабли подробно показывает, как в результате возникновения имущественного неравенства — следствия лености части граждан или злоупотреблений со стороны должностных лиц — общество распалось на богатых и бедных, а вместе с этим возникла первопричина всех людских зол.

Таким образом, Мабли прямо и недвусмысленно восхваляет коммунистические порядки древности и полагает, что отход от них привел человечество к тому печальному состоянию, в котором оно оказалось в XVIII в. Возникающие первоначальные общества людей не знали никакой собственности, люди тогда работали сообща и сообща убирали урожаи. Почему же не могли бы они и дальше существовать без нее?

Поставив таким образом вопрос о возможности для современного общества возвратиться к прошлому «золотому веку», Мабли уделяет много места доказательству существования «непреодолимых препятствий» на пути к восстановлению разрушенного равенства. Порожденная имущественным неравенством алчность, эта яростная страсть, уже не может быть побеждена в открытой борьбе. Законодатель должен употребить хитрость и искусство для того, чтобы по возможности уменьшить зло, порождаемое неравенством.

Необходимо введение таких мудрых законов, которые способствовали бы установлению простых потребностей и нравов и создали бы «систему управления, предупреждающую или задерживающую разрушения, производимые жадностью», порождаемой наличием имущественного неравенства и частной собственности (стр. 129).

Революционность мелкобуржуазного уравнительства в борьбе с феодализмом. Мабли и Руссо

То, что предлагает Мабли для уменьшения зла, каковое, по его мнению, уже невозможно полностью искоренить, приобретает особый интерес на фоне социально-экономических воззрений широких кругов населения дореволюционной Франции. Круги эти — мелкие непосредственные производители, ремесленные мастера, мел-

кие торговцы и предприниматели, — страдая от гнета крупного капитала и ненавидя откупщиков, банкиров-ростовщиков и мануфактуристов, выдвигали различные уравнительные, эгалитарные проекты. Необходимо строго отличать эгалитаризм от социализма, поскольку первый оставляет при всем радикализме своих требований в неприкосновенности существующие отношения собственности, а второй требует в интересах предпролетариата или пролетариата полного переустройства всех общественных отношений. Хорошо известно, что в наши дни требования уравнения состояний, выдвигаемые, в частности, различными реформаторами из рядов мелкой буржуазии, носят сугубо реакционный характер. Следует, однако, иметь в виду неоднократные указания Ленина о том, что теории мелкобуржуазной «уравнительности» выражали передовой, революционный мелкобуржуазный демократизм в борьбе с порядками абсолютизма и крепостничества. Именно вследствие этого различные эгалитарные теории, выдвигавшиеся в XVIII в., играли крупнейшую роль в деле борьбы против феодализма, а в отдельных случаях, как мы узнаем, позднее, прямо соприкасались с социалистическими теориями и перерастали в них. Поэтому-то и эгалитарные теории Мабли представляют для нас, так же как и аналогичные взгляды Жан-Жака Руссо, большой интерес. Основное различие между ними состоит в том, что Мабли считал общество существовавшим еще до появления частной собственности и имущественного неравенства, а Руссо полагал, что само возникновение общества связано с появлением частной собственности. Нет у Руссо и сколько-нибудь схожих с Мабли представлений о первобытном коммунизме. Руссо уверен, что инстинкта общественности у естественного человека вовсе нет. У первобытных людей, полагает он, нет никаких моральных связей, нет у них ни индивидуального брака, ни семьи, ни собственности. Мабли совершенно иначе представляет себе детство и юность человеческого рода и в этом отношении близок к Морелли. Общественная жизнь, по его мнению, существовала еще до возникновения собственности. Первобытные люди соединяли свои силы для общего труда и сообща владели землей. Естественные страсти влекли людей к тому, чтобы соблюдать равенство, которое только много позднее подверглось разрушению в силу, как мы уже

знаем, лености одних и злоупотреблений других. Первобытным людям присущи были определенные нравственные достоинства, которые в дальнейшем были утрачены благодаря неравенству. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы по возможности приблизиться к прошлому блаженному состоянию.

Таким образом, теоретически у Руссо и Мабли совершенно разные взгляды, но поскольку первый из них также полагает, что частная собственность, и особенно частная собственность на землю, принесла с собою неравенство, нищету и рабство и способствовала порче нравов и искажению морального облика человека, — оба они в своих практических требованиях выдвигают различные только в частностях требования и оба одинаково являются эгалитаристами. Но в то время как Мабли в теории является последовательным защитником коммунистического строя и, только по необходимости, не веря в возможность возвратиться к нему, выдвигает уравнительные требования, Руссо выступает как принципиальный уравнитель-эгалитарист вообще: общество без бедных и богатых, но с сохранением частной собственности, является для него единственным решением социального вопроса.

Какие же эгалитарные мероприятия предлагает провести Мабли, чтобы по возможности приблизить общество к утерянному раю золотого коммунистического века? Это — законы, уничтожающие жадность или, по крайней мере, предотвращающие часть тех зол, что неизбежно возникают в государствах, сохраняющих частную собственность, и первый из них — закон, направленный против роскоши во всех ее видах. «Искусство законодателя состоит в уменьшении потребностей государства, а не в увеличении доходов, облегчающих удовлетворение его потребностей» (стр. 130). Государство должно способствовать установлению простых потребностей и нравов, и вследствие этого, всякий закон, идущий навстречу этому, «является спасительным и мудрым». Законы против роскоши должны распространяться на все: «на мебель, жилище, стол, слуг, одежду» и, чем суровее будут эти законы, тем «менее опасным будет неравенство имущества» (стр. 143).

Второй закон должен вести к отказу государства от какого-либо покровительства торговле и купечеству, по-

сколько присущий коммерции дух алчности противоречит духу всякого хорошего правления.

Третий предусматривает регулирование порядка наследования. Имущество завещателя должно равномерно распределяться между членами его семьи или, лучше, вообще должно дробиться возможно больше или даже переходить в руки неимущих данной округи. «Пусть... богачи приучатся смотреть на неимущих, как на своих сыновей, братьев и наследников», — советует Мабли.

Четвертый закон должен ограничивать величину самих владений отдельных граждан, устанавливая пределы им. Не следует разрешать «владеть землей сверх определенного количества», — подчеркивает Мабли.

Хотя для своего времени, когда историческое развитие выдвигало задачи антифеодальной революции, уравнительная программа Мабли была прогрессивной, сама по себе она являлась типичной мелкобуржуазной утопией. Она подобна другим, весьма многочисленным в XVIII в. уравнительным проектам, среди которых проекты Руссо занимали особенно важное место. Последний также предлагает мероприятия, направленные в интересах мелких собственников против крупного землевладения и капитала, дополняя их только еще требованием введения жесткого прогрессивно-подоходного налога, всей своей тяжестью ложащегося на богачей.

Заслуги Мабли

Можно сказать, что именно Мабли, так же, разумеется, как и Руссо, накануне революции 1789 г. и во время ее прочно владел сердцами и умами всех без исключения представителей революционной демократии.

Исторически более важным в наследии Мабли оказались, однако, не его уравнительные взгляды и проекты, а его вывод, что только коммунистический строй соответствует природе справедливо построенного человеческого общества. Именно этот вывод Мабли содействовал в XVIII в. распространению и пропаганде социалистических идей не только во Франции, но и за границей. Наряду с идеями Морелли, теоретические положения аббата Мабли легли в основание революционного коммунистического учения Бабефа и «Рав-

ных», которые в 1796 г. готовились насильственно изменить социальный строй буржуазной Франции.

Мабли вместе с тем одним из первых указал в XVIII в. на борьбу социальных групп внутри самого третьего сословия. «Кто не видит, что наши общества разделены на различные классы людей, которые по причине существования у них земельной собственности, по причине жадности и тщеславия, имеют интересы, не скажу разные, но противоречивые?» (стр. 198). Говоря о тружениках и противопоставляя их интересы интересам богачей, Мабли указывает, что на протяжении всей истории «они страдали из-за неравенства имуществ». Он ставил в прямую зависимость собственность и власть в государстве, считал, что последняя принадлежит в государстве именно собственникам и целиком направлена против неимущих, т. е. большинства народа. «Постоянный барьер отделяет интересы государства от интересов его подданных», — указывал он (стр. 145).

Стоит в заключение отметить, что Мабли приветствовал борьбу за независимость в Северной Америке, современником которой являлся, и благожелательно отзывался о конституциях штатов. В конце своей книги «Замечания об управлении и законах Соединенных Штатов Америки», написанной Мабли за год до смерти, он, однако, обращал внимание на рост денежной аристократии в них, а также на прогрессирующее неравенство имуществ, что неизбежно приведет к тирании богачей.

Эти критические замечания французского философа и историка обратили на себя внимание по ту сторону океана и вызвали во многих городах США выступления местной буржуазии против Мабли и его книги. В конце 1784 г. они волочили по пыли и грязи улиц книгу Мабли и даже повесили чучело, изображающее французского аббата. Вполне прав советский историк С. С. Сафронов, утверждая, что уже тогда американская буржуазия видела в Мабли своего врага, человека, осмелившегося открыто осуждать священную для всех собственников частную собственность. Именно эта сторона учения Мабли и позволила Ф. Энгельсу прямо указать на наличие непосредственной связи между учениями Морелли и Мабли и современным научным коммунизмом-социализмом. «*Современный социализм*... по своей

теоретической форме, — писал он в варианте введения к «Анти-Дюрингу», — ...выступает сначала как более последовательное, дальнейшее развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века, — ведь первые представители этого социализма, Морелли и Мабли, также принадлежали к числу просветителей» [1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 16, прим.

ЛЕКЦИЯ III

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ПЕРИОД ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII в.

Новые условия революции во Франции по сравнению с ранними буржуазными революциями

Мы уже знаем, что в ходе Английской революции XVII в. возникло и заявило о себе коммунистическое по своему содержанию учение Д. Уинстенли. Мы знаем также, что оно не получило тогда широкого распространения и не оказало сколько-нибудь заметного влияния на ход событий. В ходе Французской революции XVIII в., протекавшей в значительно изменившихся условиях, в стране уже непосредственно стоявшей накануне промышленного переворота, социалистические идеи проявлялись в более разнообразных формах и имели значительно большее распространение на всех этапах движения. Народные массы являлись движущей силой революционного процесса, что наложило на весь ход борьбы отпечаток их часто еще далеко не осознанных социальных требований. Требования эти подчас вплотную подводили к тому рубежу, за которым уже нет больше места буржуазной частной собственности, а на последних этапах революции вылились в целое коммунистическое учение и движение, возглавленное Бабефом.

Маркс еще в начале 40-х гг. прошлого века обратил внимание на то, что во Франции «идея нового мирового порядка», т. е. идея социалистическая, коммунистическая,

вызвана была к жизни событиями 1789—1796 гг. В «Коммунистическом Манифесте» он прямо связывает распространение этой идеи в массах с «первыми попытками пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы» и указывает, что попытки эти имели место уже «во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества».

Позднее Энгельс в письме к Каутскому подчеркивал, что плебейство в ходе революции XVIII в., поддерживая против старого режима революционные требования буржуазии, вкладывало в эти требования смысл, которого там не было, и что плебеи довели равенство и братство до «крайних выводов», поставили буржуазный смысл этих лозунгов «наголову» и даже обратили эти требования «в свою противоположность»[1]. Энгельс, однако, нисколько не преувеличивает степень сознательности плебейских и предпролетарских масс того времени: выдвигая свои требования и ставя «наголову» те лозунги, которые выставляла в ходе революции буржуазия, массы эти не отдавали себе отчета в истинном смысле своих требований; «чего они хотели, никто сказать не мог до тех пор, пока, спустя долгое время после падения коммуны, Бабеф не придал этому определенную форму»[2]. Но стихийность выступлений плебейства, неоформленность его социальных требований вели к тому, что требования социального равенства, носящие лишь эгалитарный, уравнительный характер и еще не выводящие вовсе за пределы старого «мирового порядка», переплетались в живой действительности с требованиями социалистическими, выводящими за эти пределы. Различные идеи эти находились в постоянном взаимодействии и потому в ходе самой революции выдвигались не только глашатаи чисто мелкобуржуазной эгалитарной идеи и не только представители идеи чисто социалистической, но и носители идей промежуточных и переходных. Путь от Руссо к Бабефу, от чистого уравнительства к коммунизму, прошли в ходе революции далеко не многие деятели; бóльшая часть из них

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 408.
[2] Там же, стр. 409.

останавливалась на полпути и в их идейном багаже оказывалось много непреодоленных мелкобуржуазно-уравнительных тенденций. Ведь только одному Бабефу удалось, в конце концов, придать всем этим многообразным социальным идеям «определенную форму», форму коммунистическую.

Именно поэтому изучение социалистической мысли в период Французской революции XVIII в. представляет значительные трудности. Необходимо не упускать из вида наличие двух разных направлений идей и не забывать об их взаимодействии и переплетении. Мы не будем сколько-нибудь подробно останавливаться на первом, уравнительном идейном ряде, нас интересует развитие в ходе революции требований и идей, содержавших критику частной собственности. Однако, поскольку идеи эти вырастают обычно на почве идей эгалитарных, трудно, если не невозможно, вовсе отказаться от анализа развития этих последних.

Социалистические идеи накануне революции. Буассель

Известно, что накануне революции во Франции уже приобрели достаточно большую известность сочинения Морелли и, особенно, Мабли. Известно также, что социалистические идеи распространялись в дореволюционной Франции авторами многочисленных утопических романов (например, Ретиф де ля Бретоном), ставших после романа Вераса модным явлением в интеллигентских кругах. В той обширной политической литературе, которая в виде брошюр и памфлетов распространялась по всей Франции в 1788—1789 гг. в связи с выборами в Генеральные штаты, лишь изредка прямо заявляется о требованиях «четвертого сословия», например, в «Наказе четвертого сословия» Дюфурни де Вильи или в «Жизни и жалобах бедняка» Деверитэ. Требования эти обычно не идут столь далеко, чтобы выдвигать пожелание уничтожения частной собственности. Это, конечно, свидетельствует о том, что социалистические идеи тогда еще не оказывали заметного влияния на массы.

Среди политических сочинений предреволюционного периода, в которых социалистическая идея проведена

наиболее решительно и последовательно, выделяется «Катехизис человеческого рода» адвоката и публициста Буасселя (1728—1807) — книга, опубликованная уже после открытия Генеральных штатов 1789 г.

Буассель в своей критике существующих порядков «человекоубийственного, продажного, противообщественного строя» следует за Руссо, но, в отличие от последнего, подобно Морелли, считает вполне возможным полное переустройство общества. В качестве средства для постепенного перехода к полной отмене частной собственности он выдвигает устройство общественных мастерских и одновременно возлагает большие надежды на перевоспитание, которое должно, по его мысли, быть произведено за счет богатых собственников. Буассель, надо сказать, совершенно не оригинален, но его мысли представляют интерес, поскольку он не выдвигает абстрактных планов и не относит переустройство общества в далекое будущее, а совершенно конкретно и по деловому предлагает в целях этого переустройства провести определенные реформы.

Буассель, однако, в общем одинок. В наказах депутатам в Генеральные штаты, если и говорится о несправедливости крупной собственности, то собственности феодальной; попадаются кое-где и уравнительные требования. Коммунистических идей в них мы не находим вовсе.

Начало революции. «Декларация прав человека и гражданина» и критика ее Маратом

С началом революции и приходом крупной буржуазии к власти классовые противоречия во Франции еще более обострились. Вся законодательная деятельность Учредительного собрания показывала народным низам, что им нечего ждать от этого сборища крупных собственников. И «Декларация прав человека и гражданина», и все социально-экономическое законодательство 1789—1791 гг. обеспечивали именно крупным собственникам сохранение «священной и неприкосновенной» частной собственности. Закон же Ле Шапелье и все связанные с ним и проведенные летом 1791 г. репрес-

сивные мероприятия призваны были обуздать поднимавшиеся на борьбу массы трудового народа и тем самым укрепить устои все той же буржуазной государственности. Подобная политика, разумеется, не могла сразу же не вызвать резкого отпора в широких кругах демократии, оскорбленной и ущемленной, кроме того, и отказом во всеобщем избирательном праве и делением граждан на «активных» и «пассивных» и т. п. В июне 1790 г. Марат, лучше других отражавший глубокое недовольство масс результатами революции, горько жаловался и в то же время решительно заявлял в своем «Друге народа»: «Знаменитая Декларация прав была лишь приманкой на потеху дуракам, ибо в конечном итоге она сводится к передаче в руки богатых всех преимуществ»... «Для нас преимущества конституции сводятся к оставлению нас в нужде и грязи». И дальше Марат сопоставляет огромное число трудящихся с кучкой державших в своих руках власть богачей: «Что выиграл народ от реформ? — спрашивает он. — Как бы ни были удачны реформы, все они произведены только в интересах богатых».

«Социальный кружок» и его история

В этой насыщенной острой классовой борьбой обстановке создавались в Париже самые различные демократические организации — народные общества, клубы, секции, которые своею деятельностью способствовали углублению социальной критики. К числу подобных организаций, возникших еще на первом этапе революции, принадлежит и «Социальный кружок» (Cercle social). На деятельность этого кружка обратил особое внимание Маркс, указавший в «Святом семействе», что «революционное движение, которое началось в 1789 г. в *Cercle social,* которое в середине своего пути имело своими главными представителями *Леклерка* и *Ру,* и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором *Бабёфа,* — движение это породило *коммунистическую* идею... Эта идея, при последовательной ее разработке, есть *идея нового мирового порядка»,* — подчеркивает Маркс дальше [1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 132.

Свою деятельность «Социальный кружок» начал в январе 1790 г. Он был основан группой демократически настроенной интеллигенции с аббатом Клодом Фоше (1744—1793) и журналистом Николя де Бонвиллем (1760—1828) во главе. Первый из них еще накануне революции выступал с резкой критикой феодально-абсолютистских порядков, а второй получил во время выборов в Генеральные штаты прозвище «Народного трибуна» за свою горячую защиту интересов ремесленников. «Их права — это мои права», — писал он. По замыслу его организаторов, «Социальный кружок», должен был стать своего рода «трибуном народа», говорить от имени угнетенных. Отсюда и название его печатного органа — газеты «Железные уста» (Bouche de fer). Смысл этого названия ясен из помещенной на первой странице виньетки с изображением мужской головы в виде маски с открытым ртом. Такая же маска, изображавшая древнего галла, украшала лицевую сторону ящиков для корреспонденции, установленных у помещения редакции, а также в тех пунктах, где принималась подписка на газету. В открытый рот маски опускались письма с разоблачениями, проектами и предложениями.

«Социальный кружок» представлял собой, видимо, немногочисленную организацию, во многом преемственно связанную с масонскими ложами во Франции и с орденом иллюминатов, активным деятелем которого был Бонвилль. Имена членов кружка держались в тайне.

Под влиянием обострения политической и социальной борьбы в ходе революции руководители «Социального кружка», значительно расширяя первоначальный замысел, создают открытую организацию — «Всемирную федерацию друзей истины», начавшую свои заседания осенью 1790 г. в помещении цирка в Пале-Рояле, центре революционного Парижа.

Собрания «Федерации» привлекли внимание не только буржуазных демократов, но и многочисленного трудового населения окрестных кварталов. Аудитория состояла здесь из четырех, пяти и более тысяч человек. На собраниях аббат Фоше, выступавший от имени «Социального кружка», в цикле бесед комментировал политические и социальные демократические идеи «Общественного договора» Руссо.

Что же пропагандировали в «Социальном кружке» и связанной с ним «Федерации» Фоше, Бонвилль и другие их организаторы? Почему реакционеры и враги аббата Фоше называли его не иначе, как «пастырем черни» и «проповедником рынков»?

Идеи аббата Фоше и Бонвилля

Аббат Фоше принадлежал к тем немногим католическим священникам своего времени, которые делали из евангелия определенные, направленные против богачей выводы. В своих речах и проповедях он развивал, отправляясь от идей Руссо, программу крайних аграрно-уравнительных требований — равенства в обладании землей. Он требовал «свободного участка земли для свободного человека» и выдвигал мысль о наделении всех бедняков землей. Позднее, в феврале 1791 г., Фоше, конкретизируя свои требования, приходит к мысли о необходимости заставить богачей поделиться с беднотой своими излишками. Если конституция не обеспечивает каждому человеку достаточных средств к существованию, то это означает, что вообще нет никакой конституции, никакой свободы. Вместе с тем Фоше полагает, что «лень надо заставить умереть с голоду» и что, следовательно, труд должен быть обязателен для всех и для всех обеспечен. Таким образом, начав с требования перераспределения земельной собственности, Фоше скоро приходит к мысли о необходимости преобразования всего общества в целом и создания того, что он называет «социальным братством».

Как показывает одно из выступлений Фоше в феврале 1791 г., он видел прообраз такого рода «общества братьев» в первоначальных общинах христиан, ибо полагал, что у них «имущество было общим... все были равны, труд был уделом всех», так называемые собственники были лишь управителями, пользовавшимися только необходимым и отдававшими излишек. Мы знаем, что если говорить о типичных чертах раннехристианских общин, то они отнюдь не были такими, как рисовались Фоше. Весной 1791 г. Фоше, по словам современника, «с неистовством гремел против богачей и открыто проповедовал раздел имуществ, заявляя, что

Христос и апостолы пришли на землю, чтобы установить общность имуществ».

Таким образом, Фоше восставал против крайностей имущественного неравенства и подошел к грани, отделяющей мелкобуржуазное уравнительство от плебейского требования уничтожения всякой частной собственности, от требования «общности имущества». То, что выдвигалось им в качестве основного социального требования, в годы революции получило название «аграрного закона». Позднее в период жирондистского конвента требование аграрного закона преследовалось властями и каралось смертной казнью. Требование это, однако, в той или иной форме поддерживалось плебейской массой, выдвигавшей его на разных этапах революции и в разных формах. Понятно, что Фоше именно поэтому приобрел в 1790—1791 гг. популярность среди парижской бедноты и в то же время подвергался нападкам и преследованиям со стороны представителей богатых собственников.

Бонвилль не менее Фоше остро ненавидел социальное неравенство, эксплуатацию и угнетение. В своей книге «О духе религий», выпущенной летом 1791 г. в самый разгар политического кризиса того времени, он прямо и недвусмысленно требовал от Учредительного собрания произвести раздел всех земельных наследств на мелкие доли и установить определенный максимум на земельные владения. Он прямо говорил о «первородном грехе», т. е. частной собственности, требуя в будущем полного уничтожения даже самих следов этого «первородного греха». Как и Фоше, Бонвилль идеализирует проповедь раннего христианства, видя именно в ней признание того, что «земля, как и воздух, не является чьей-либо собственностью», и что «плоды ее предназначаются для всех». Пропагандируя в дни варенненского кризиса летом 1791 г. требование, идеал республики не только демократической, но и социальной, Бонвилль в газете «Железные уста» трактовал само понятие «республики» как «общее богатство». Ее прообраз он находил у древних франков, в основе строя которых лежала «великая социальная общность» или «социальная община», т. е. опять-таки отсутствие противоречий, порождаемых существованием частной собственности.

Разумеется, социальные требования Фоше и Бонвилля вполне соответствуют и их политическим, республиканским и демократическим взглядам. Их лозунг: «Все для народа, все посредством народа, все — народу»— говорит об этом. Правда, сам Фоше, искавший аргументацию своих требований в евангелии, не выдвигал никаких предложений осуществить свои идеалы насильственным путем. Он вообще был сторонником постепенной реформы, позднее сблизился с жирондистами и погиб на гильотине вместе с ними осенью 1793 г. «Социальный кружок» не надолго пережил политический кризис, связанный с бегством короля в Варенн и избиением на Марсовом поле в июне — июле 1791 г. Он прекратил свою деятельность под ударами контрреволюции как раз в это время. Значение выступлений его вождей, их пропаганды весьма велико; «идея нового мирового порядка» еще до конца не была ими раскрыта, но весной 1791 г. они сделали первые шаги к тому, чтобы признать простые уравнительные мероприятия недостаточными. Они поставили на собраниях и в печати вопрос об «общности имущества», они начали развивать и пропагандировать мысль об этой общности, и это не может не привлекать к ним и к их деятельности пристального внимания историков-марксистов.

Создание и деятельность «Социального кружка»— свидетельство проявления нового классового противоречия, которое, конечно, существовало и раньше, но только после первой победы буржуазии над феодализмом окончательно вышло наружу. Классовая политика восторжествовавшей буржуазии делает теперь борьбу народных низов против нее постоянным фактором политической жизни и, в то же время будит и толкает к дальнейшему развитию все более крайние социальные требования, все более смелую критику неприкосновенности частной собственности.

Продовольственные волнения 1792 г.; перерастание уравнительных предложений в социалистические

Первые крупные продовольственные затруднения неизбежно выдвинули на первый план вопрос о «священной и неприкосновенной» частной собственности

и этим дали толчок к поискам выхода из создавшегося положения путем коренного переустройства общества. Эти затруднения, как известно, наметились в начале 1792 г. в связи с восстанием негров на острове Сан-Доминго и прекращением притока из колоний сахара, кофе, хлопка и других товаров. Цены на привозные товары чрезвычайно возросли, а это вызвало в народных массах острое недовольство поведением многих торговцев, придерживавших свой колониальный товар на складах с тем, чтобы в дальнейшем продать его подороже. В связи с этим имел место следующий инцидент. В Законодательное собрание поступила просьба некоего д'Эльбе, бывшего плантатора с Сан-Доминго, о защите его склада в Париже от угрозы захвата его возмущенным спекуляцией народом. В письме, среди прочего, говорилось: «Я, господин президент, бывший собственник значительных поселений на этом несчастном острове... Мои владения разгромлены, мои поселения сожжены, но мой последний сбор, отправленный еще до беспорядков, благополучно прибыл сюда. И я заявляю, что еще до сентября месяца получил 2 тысячи фунтов сахара, 1 тысячу фунтов кофе, 100 тысяч фунтов индиго и 250 тысяч фунтов хлопка... Эти товары в настоящее время стоят 8 миллионов франков. Согласно существующим ценам, они должны уже стоить больше 15 миллионов... И я заявляю Национальному собранию, которое читает мое письмо, и всей Европе, которая слышит этот адрес, что я определенно не желаю в настоящее время продавать ни по какой цене товары, владельцем которых я состою... Чтобы испытать благородство конституции, чтобы убедиться, до какой степени она может гарантировать собственность, я заклинаю здесь власть оказать защиту гражданину, который не заставляет никого отдавать ему свое имущество, но который хочет целиком сохранить то, что он накопил». И дальше д'Эльбе просит Собрание распорядиться поставить у его склада стражу и тем самым подтвердить соответствующие статьи «Декларации прав человека и гражданина».

Письмо поставило Собрание в тяжелое положение, так как оно не могло и не хотело нарушать священное право частной собственности, но опасалось и открыто встать на сторону наглого спекулянта. Оно предпочло

положить его письмо под сукно. Но демократическая печать, в частности газета «Парижские революции», писала, что на складах спекулянта следует вывесить надпись: «Благо народа — высший закон». «Волею народа продаются 2 тысячи фунтов сахара по 30 су за фунт».

Уже из этой контроверзы видно, что провозглашение частной собственности священной и неприкосновенной не удовлетворило якобинцев — представителей широких слоев мелких собственников. Последние, вслед за Руссо, указывали на ограниченный характер этой собственности, подчеркивая, что благо государства выше интересов отдельных частных лиц. Но раз собственность может быть ограничена, раз высшая власть вправе ее урезывать и ставить в определенные рамки, то это толкает мысль иных, плебейских социальных групп, и в первую очередь их идеологов, к критике самого института частной собственности.

Уже весной того же 1792 г. в связи с убийством крестьянами мэра городка Этампа (под Парижем), воспротивившегося их попыткам установить твердые цены на зерно, простой деревенский священник Доливье в петиции, поданной Собранию в защиту арестованных крестьян, развивал именно такого рода критику. Доливье не напрасно относят к числу «бешеных» — первых идеологов плебса. Он прямо указывал, что «те, кого мы называем собственниками, являются ими лишь в силу закона» и что действительной собственницей земли является Нация. «Человек, не владеющий собственностью, чувствует, что для того, чтобы справедливость распространялась и на него, нужно, чтобы она была всеобщею», — утверждает Доливье, требуя от Собрания, чтобы оно признало, что «рука, труд которой наиболее плодотворен, должна была бы получить наилучшую долю».

Созыв Национального конвента после народного восстания 10 августа 1792 г., свергнувшего монархию, еще более усилил требования издания «аграрного закона» и предоставления земли на равных началах всем трудящимся. Усиление продовольственных затруднений по мере углубления революции только обостряло начавшуюся борьбу между собственниками и неимущими города и деревни. Уравнительные требования

теперь стали перерастать в социалистические. Примеров подобного обострения много. Так уже в самый день 10 августа в департаменте Шер местный кюре Птижан говорил своим прихожанам, идя по стопам Мелье и Доливье, что скоро «имущество будет общим; только одна житница и один подвал, откуда каждый может взять все, что ему необходимо». При этом будут обходиться совершенно без денег! Он предлагал крестьянам «добровольно отказаться от всякой собственности и согласиться на раздел имуществ»! За свои «зажигательные речи» деревенский кюре поплатился заключением в тюрьму на год.

Немного позднее в департаменте Эр два посланных сюда комиссара Коммуны Парижа, Моморо и Дюфур, распространили среди деревенского населения «Декларацию прав» собственного сочинения, вернее, 18-ю не существующую в действительности ее статью. Статья эта говорила о том, что, во-первых, Нация признает промышленную собственность и гарантирует ее неприкосновенность и, во-вторых, что она обеспечивает также неприкосновенность того вида собственности, который неправильно называют собственностью на землю, и гарантирует ее «впредь до издания новых законов по этому предмету». За этот намек на издание в будущем «аграрного закона» оба комиссара были арестованы, но затем вскоре освобождены.

Подобные примеры говорят о том, что страхи крупных собственников перед «аграрным законом» и истошные вопли всей жирондистской прессы того времени о происках «анархистов» вовсе не были лишены оснований. Крупнейший знаток этого периода, французский историк Матьез, признает: «Не подлежит сомнению, что существовало значительное число революционеров, требовавших углубления социальной революции и предлагавших для ликвидации экономического кризиса ряд мер более или менее коммунистического характера и более или менее значительные ограничения права собственности».

Выступление Ланжа

Особенно замечательными были в 1792—1793 гг. выступления в печати лионского муниципального чиновника Ланжа, которого многие историки революции

(Мишле, позднее Жан Жорес) считают предвестником социализма XIX в. и идеи которого в самом деле имеют много точек соприкосновения с идеями другого лионца — великого социалиста-утописта Шарля Фурье.

Ланж выступил в печати еще в 1790 г., выпустив брошюру: «Жалобы и представления пассивного гражданина гражданам активным». В ней он обрушивается на богачей, называет их «ленивцами, именующими себя собственниками», и указывает, что право лишать трудовой народ пропитания «есть разбойничье право». Во имя прав человека Ланж требует предоставления работникам права на участие в общественной жизни и на собственность. При этом он, что также характерно для будущих социалистов-утопистов, обращается к королю, взывает к благородству и человеколюбию господствующих классов!

В конце 1792 г. Ланж выступает с сочинением: «Простые и легкие средства закрепить изобилие и установить справедливую цену на хлеб». В нем он развивает целую систему социальных преобразований и прежде всего требует установления соответствия между рыночными ценами и ресурсами потребителей. Для этого Ланж предлагает осуществить широкую и постоянную покупку всего урожая всей совокупностью потребителей, организовав в масштабе целой нации ассоциацию-компанию по закупке сельскохозяйственных продуктов. «После каждого сбора урожая государственное продовольственное ведомство... обязано в установленный срок наполнить каждый склад продовольствием в количестве, достаточном для прокормления приблизительно 1500 чел.». Компания будет поставлять хлеб всем потребителям во Франции по единой твердой цене.

Таких складов Компания создаст до 30 000. Они явятся, по мысли Ланжа, еще и центрами кредита и страхования для сельских тружеников, центрами производства и прогресса. Предвосхищая мечты Фурье о счастливой жизни людей в фаланстерах, Ланж предается фантазиям о будущей благостной жизни под сенью указанной Компании: тогда «даже воды бурных водопадов начнут мирно орошать новые луга», «Франция станет земным раем», бесплодные земли получат орошение, болота будут осушены и т. п. Мы не рассматриваем здесь подробно предложенные Ланжем

планы. Отметим, что в самый разгар Французской революции XVIII в. он задолго до Фурье набросал план коренного переустройства общества, план, во многих своих чертах близкий социалистическому.

Разумеется, рассуждения лионского мечтателя тогда еще не имели никаких шансов овладеть массами, ведшими в 1793—1794 гг. жестокую борьбу за хлеб, за самое свое существование. В борьбе за установление твердых цен и искоренение спекуляции, однако, выказывались самые разнообразные взгляды более или менее эгалитарного характера. Да и само якобинское правительство в борьбе с дороговизной и под давлением народных масс вынуждено было столь сильно нарушать в интересах всего народа священное право частной собственности, что это вряд ли соответствовало воззрениям таких последовательных поклонников и учеников Ж. Ж. Руссо, какими являлись Робеспьер или Сен-Жюст.

«Бешеные» и эбертисты

В борьбе со все растущей дороговизной обострялась борьба отдельных фракций того революционного блока, который пришел к власти в результате чистки Конвента 31 мая — 2 июня 1793 г. от жирондистов. Голодающие низы плебейства в ходе борьбы выдвинули из своей среды защитников их интересов. От их имени страницы «Публициста» Жака Ру и «Пэра Дюшена» Эбера грозно напоминали собственникам о существующих и все более растущих классовых противоречиях.

Анализ социально-экономической программы «бешеных», а затем и эбертистов, программы, в основном не выходившей за рамки существующего капиталистического общества и формально не покушавшейся на самый принцип частной собственности, не входит в нашу задачу. Подчеркнем только, что Маркс вовсе не ошибался, когда говорил о том, что движение, начавшееся в «Социальном кружке» и приведшее в конце революционного периода к движению Бабефа, «в середине своего пути имело своими главными представителями Леклерка и Ру», т. е. вождей «бешеных» и эбертистов, как указывает он в черновике «Святого семейства». Хотя ни Ру, ни тем более Эбер не переступали черты,

отделяющей строй, сохраняющий частную собственность, от строя, ее не знающего, и не являлись вовсе коммунистами, они не отдавали себе отчета в истинном характере своих социальных требований и, громя спекулянтов и скупщиков, требуя для всех торговцев вообще жестоких кар, тем самым подготовляли умы для восприятия нового — социалистического общественного идеала. В ходе жестокой борьбы многим сторонникам голодающего народа приходила в голову мысль о том, чтобы вообще сохранить на будущее и увековечить такие законы, как закон о максимуме или закон против спекуляции, и в сознании многих из них простые эгалитарные требования незаметно перерастали в нечто большее, подготовляя то толкование якобинских лозунгов, которое мы найдем позднее у Бабефа.

Своеобразное перерастание одних лозунгов в другие иллюстрируется письмом одного знакомого Робеспьера из Арраса, написанным в феврале 1794 г. Этот знакомый указывает, что максимум в Аррасе не достигает цели. «Мы умираем с голоду посреди изобилия, — пишет он и продолжает, — я полагаю, что следует уничтожить торговую аристократию так же, как уничтожили аристократию попов и дворян. Коммуны в лице комитетов продовольствия и товаров должны одни допускаться к тому, чтобы заниматься торговлей... В этом случае все выгоды торговли будут служить на пользу Республике».

Еще до этого, осенью 1793 г., в одном из писем адвоката Греню мы встречаем мысль о том, что «принципы максимума ведут к общности, при которой каждый представляет продукт своего труда всем и для распределения между всеми... Это будет совершенством равенства и свободы... Это не аграрный закон, который не мог бы просуществовать и 24 часов, если вы сохраните свободу за индивидуальными притязаниями. Общность — вот великий принцип Республики».

В настоящее время в исследовании советского историка А. Р. Иоаннисяна освещен путь развития французской социальной мысли от эгалитаризма к коммунизму в первые годы буржуазной революции XVIII в. В этой же работе подробно, частью по новым материалам парижских архивов, изложены коммунистические идеи и кооперативные проекты как авторов, ранее уже изучен-

ных (С. Марешаль, Ланж, Ретиф де ля Бретон, Буасселъ), так и мало или совсем не известных науке (Грену, Сабаро, Лежэ).

Выделение предпролетарского ядра плебейства и начало бабувистского движения

Не подлежит сомнению, что под влиянием острейшей классовой борьбы внутри ранее объединенного общей ненавистью к старому режиму третьего сословия в период якобинской диктатуры начался процесс идеологического выделения предпролетариата как особой социальной группы из общей массы плебейства. Ведь даже якобинцы ничем, кроме временных и частичных мер, не облегчали тяжелого положения масс. Поэтому в плебейской среде продолжались усиленные поиски выхода и новых путей, которые не могли им указать самые революционные представители буржуазии. Отсюда шли попытки выработать новое миросозерцание и собственную программу действий, которые, разумеется, не могли еще быть сколько-нибудь последовательными и целостными: возникшее уже после контрреволюционного переворота 9 термидора бабувистское движение и явилось политическим выражением этого процесса. Именно бабувисты придали «определенную форму» неясным еще и достаточно смутным социальным чаяниям французского предпролетариата эпохи только что начавшегося в стране промышленного переворота.

Все главные сведения о движении Бабефа мы имеем из рук участника «Заговора во имя равенства» Ф. Буонарроти, написавшего одноименную книгу о нем [1].

Жизнь Бабефа

Франсуа-Ноэль Бабеф родился в Пикардии на севере Франции в 1760 г. в бедной семье. Его отец, потерявший службу офицер, вынужден был на склоне лет добывать средства к существованию трудом простого чернорабочего; мать — бывшая горничная знатной дамы — также на дому занималась прядением, по-

[1] Цит. по изданию 1948 г.

могая кормить большую семью. Франсуа рано покинул родной дом и был одно время поденщиком, потом помощником землемера. Накануне революции он стал работать по приведению в порядок феодальных архивов. Но вместо того, чтобы помогать сеньорам выискивать в старинных актах предлоги для усиления эксплуатации своих крестьян, Бабеф проникся ненавистью к феодализму и, изучая Руссо и особенно Мабли, скоро приобрел интерес к идеям и представлениям об обществе, не знающем частной собственности. По крайней мере уже в 1785—1787 гг. он высказывался за «великую революцию, которая должна принести великие изменения», и внес предложение Аррасской академии наук в качестве конкурсной темы выдвинуть вопросы: «Каково положение народа..., общественные учреждения которого будут таковы, что между всеми его членами будет установлено совершенное равенство, что земля, которую он населяет, будет принадлежать всем, все будет общим, вплоть до продуктов всех отраслей промышленности? Будут ли подобные учреждения оправданы естественными законами? Возможно ли существование подобного общества...?»

Советский исследователь Бабефа В. М. Далин, опираясь на еще не изданные хранящиеся в архиве Института марксизма-ленинизма (Москва) письма Бабефа, пришел к новым выводам о времени формирования его коммунистических взглядов. Оказывается, они начали складываться еще до революции. В середине 80-х годов Бабеф уже понял преимущества коллективного ведения хозяйства и даже выдвинул проект «коллективных ферм» в противовес крупным частным фермам.

Уже при составлении наказов в Генеральные штаты Бабеф выступил за уничтожение сословий и слишком большого неравенства имуществ. В октябре 1789 г. он представил в Учредительное собрание сочинение «Постоянный кадастр», в котором высказывался за уничтожение собственности на землю и ее раздел между всеми крестьянами. Вплоть до августа 1792 г. он вел большую пропагандистскую работу как республиканец и защитник бедноты у себя на родине и тем нажил себе большое число врагов среди местных богачей.

Последние сумели воспользоваться незначительным промахом Бабефа по службе, обвинили его в «подлоге» официальных документов и добились осуждения его уголовным судом на 20 лет каторжных работ.

В 1792—1793 гг. Бабеф, переименовавший себя в Камилла-Гракха, тщетно пытался оправдаться и добиться пересмотра приговора. Лишь в июле 1794 г. вышло постановление о приостановке приговора, и Бабеф окончательно поселился в Париже. Еще во время пребывания в тюрьме он сотрудничал в демократической парижской печати.

Разделяя тогда в основном взгляды эбертистов, Бабеф не сразу понял истинную сущность термидорианского переворота. Лишь во вскоре начатой изданием газете «Трибун народа» он подверг резкой критике политику термидорианского Конвента. Сам Бабеф позднее писал, что «очень зол на себя за то, что когда-то видел в черном свете революционное правительство». Обращаясь к «урне Робеспьера», он возглашал теперь: «Дорогой прах! Восстань и уничтожь низких развратников. Презри их, — весь французский народ, блага которого ты желал и для которого ты и твой гений сделали больше, чем кто-либо, — весь французский народ подымается, чтобы отмстить за тебя!»

Будучи уже осенью 1794 г. вновь арестован, Бабеф в тюрьме связался с рядом заключенных там демократов-республиканцев — робеспьеристов и эбертистов— и там же познакомился с Ф. Буонарроти. Выйдя на свободу в конце октября 1795 г., Бабеф немедленно возобновил выпуск своего «Трибуна народа» и создал нелегальную революционную организацию с целью путем тайно подготовленного вооруженного восстания свергнуть Директорию. В мае 1796 г. «Заговор равных» был раскрыт полицией по доносу одного предателя. Бабеф и Буонарроти были одновременно арестованы и вместе с другими участниками организации преданы суду.

Буонарроти

Ф. Буонарроти родился в Италии в городе Пизе в 1761 г., где и учился в университете. Получив известия о революции во Франции, он направился на о. Кор-

сику и стал издавать здесь газету «Друг итальянской свободы». В дальнейшем он принял участие в событиях французской революции на юго-западе страны, причем вся его деятельность носила ярко выраженный демократический, якобинский характер. После термидорианского переворота Буонарроти подвергся преследованиям и в тюрьме познакомился с Гракхом Бабефом. Из последовательного робеспьериста-якобинца он превратился, как и Бабеф, в коммуниста (см. стр. 235).

Теоретические воззрения бабувистов

Каковы же общетеоретические воззрения бабувистов?

Бабувисты стояли на почве коммунистического учения Морелли и, следовательно, как и он, были рационалистами. Как и он, они твердо верили, что тот коммунистический строй, за который они борются и который считают идеалом, целиком соответствует естественным свойствам, природе человека.

Бабеф, однако, внес в воззрения Морелли свои собственные коррективы. Согласно Морелли, человечеству просто необходимо вернуться к утраченному благодаря невежеству и злоупотреблениям первобытно-коммунистическому строю. Строй этот в его представлении наделяется различными идеальными чертами, идеализируется. В отличие от Морелли, Бабеф, участник революции, успевший познакомиться на практике с ожесточенной борьбой, раздирающей общество богатых и бедных, далек от идеализации первобытно-коммунистического строя и вовсе не зовет к его восстановлению. Он отличает понятия естественного состояния, в котором находились люди на заре своей истории, от того естественного строя, который в действительности соответствует свойствам человеческой природы. Подобного строя еще никогда не существовало. Естественное состояние первобытных людей далеко от какого-то ни было идеала, оно несовершенно и случайно. Тот коммунистический строй, который должен быть построен на развалинах царства лжи и неравенства, не есть возвращение назад к пройденной ступени в истории человеческого развития, но строй, являющийся продуктом

работы Разума, продуктом долголетнего опыта и размышлений. Строй этот соответствует не естественному состоянию первобытных людей, а естественному праву, которое еще должно быть отвоевано людьми в упорной борьбе против богачей.

Бабеф, следовательно, вносит в представление об осуществлении общественного идеала мысль о неизбежности борьбы. Это ведет к тому, что он отходит от характерного для Морелли чисто рационалистического представления; в его учении уже заметны некоторые, правда, слабые элементы историзма: борьба за естественное право людей на полное равенство пронизывает, согласно его учению, всю предшествующую историю человечества. «Война между плебеями и патрициями, между бедными и богатыми, начинается не только с того момента, когда она открыто объявлена. Она идет вечно; она начинается вместе с появлением институтов, стремящихся передать все богатства одним и отнять все у других»[1]. С точки зрения Бабефа и бабувистов, французская революция XVIII в. должна была стать последним эпизодом этой вечной борьбы и дать победу бедным и угнетенным. Об этом говорило все ее развитие до 9 термидора, но с момента гибели Робеспьера революция пошла назад: «Она не доведена до конца, так как не сделано ничего для обеспечения народного счастья и, наоборот, сделано все для того, чтобы заставить народ вечно проливать свой пот и свою кровь, собираемые в золотые сосуды ничтожной кучкой ненавистных богачей». А раз революция не доведена до конца, ее необходимо продолжить вплоть до того момента, пока не восторжествует естественное право, т. е. право народа, право бедных против богатых, действительное равенство, общность имуществ, общественное производство и потребление. «Французская революция лишь предвестник другой, более великой, более торжественной революции, которая будет последней» (II, 142).

Правда, Бабеф еще ничего не говорит ни о классах, ни о буржуазии и пролетариате. Прав, однако, В. П. Волгин, указывая, что в рассуждениях Бабефа о необходи-

---

[1] Цит. по книге: «Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений», ч. I, 1928, стр. 201.

мости продолжения революции «чувствуется приближение к тому духу трезвого и воистину революционного исторического реализма, который веет над «Коммунистическим Манифестом». Рассуждения эти являются, безусловно, тем новым, что внесли в развитие социалистических идей по сравнению с коммунистами дореволюционного периода Бабеф и его соратники.

Учение о коммунистической революции

Еще больше внесли бабувисты непосредственно в учение о коммунистической революции, до них почти совершенно не разработанное. Как революционеры-практики, участники великих событий 1789—1794 гг. бабувисты не могли пройти мимо и оставить без внимания вопрос о том, как на деле достичь осуществления своего коммунистического идеала, а это вплотную подвело их к разработке проблем переходного периода, проблем организации истинно народной власти после победоносного революционного переворота. Не менее важно для истории развития социалистических идей и то, как бабувисты эти проблемы разрешают.

Подготовленный Тайной директорией бабувистов «Акт о восстании» позволяет судить о том, какие мероприятия они предполагали провести уже с самого начала революции. «Целью восстания является восстановление конституции 1793 г., свободы, равенства и всеобщего счастия», — говорилось в его начале (II, 254). Для победоносного свершения этого восстания народные массы призывались завладеть всеми правительственными учреждениями, подавить всякое возможное сопротивление сторонников тирании и для этого обезоружить и арестовать их, в том числе членов обоих Советов (старейшин и пятисот) и Директории, «являющихся узурпаторами народной власти». В то же время восставшему народу, согласно «Акту о восстании», немедленно должны быть предоставлены различные преимущества: все виды продовольствия, доставляемые тут же на площади города; бесплатный хлеб; все имущество эмигрантов, заговорщиков и других врагов народа, подлежащее конфискации и немедленной раздаче защитникам отечества и неимущим; наконец, народу должно

быть немедленно предоставлено право вселяться в дома заговорщиков, а также получить обратно все заложенные в ломбардах предметы.

Выдвигая в качестве основного лозунга возвращение к якобинской конституции 1793 г., т. е. лозунг восставших плебейских масс Парижа в жерминале и прериале (весной 1795 г.), бабувисты, однако, не предполагали немедленно вводить эту конституцию в жизнь: в переходный период власть должна, согласно их представлению, сосредоточиться в руках временного революционного правительства — революционной диктатуры «Национального собрания», отнюдь не избранного, а непосредственно провозглашенного восставшим народом после переворота. Собрание это должно включать в свой состав всех наиболее преданных революции и мудрых людей. Кроме того, и сама конституция 1793 г. должна будет претерпеть коренные изменения, в частности в вопросе о собственности: бабувисты — последователи Морелли, а не Руссо — не могли идти по пути уравнительности и с самого начала считали необходимым определить свое отношение к частной собственности. Уже написанный поэтом Сильвеном Марешалем, одним из членов «Заговора равных», Манифест говорил о том, что «Равные» стремятся не просто к аграрному закону, а к общности имущества, что они не признают никакой частной собственности и стремятся к уничтожению всяких различий между людьми, кроме различий возраста и пола. Коммунистической идеей были пронизаны и все другие документы заговорщиков.

Управление, производство, распределение

Для характеристики общих воззрений бабувистов на задачи новой революционной власти по переустройству общества чрезвычайно важен проект декрета об управлении, который предполагалось издать после захвата власти народом. Декрет этот открывается статьями, говорящими о том, что лица, не приносящие никакой пользы отечеству, не могут в нем пользоваться никакими правами и по существу являются лишь «иностранцами». Как полезный труд рассматривается только деятельность в области земледелия, скотоводства, рыболовства, судоходства; в области машинного и ручного

производства; мелочной торговли; транспорта; военной службы, преподавания и науки. Разделяя граждан на полноправных патриотов и «иностранцев», закон бабувистов предусматривает лишение последних не только права носить оружие, но и права принимать участие в общественной жизни страны. Они находятся под непосредственным надзором администрации и являются лишь кандидатами на пользование политическими правами в случае, если они не только обнаружат свою лояльность по отношению к существующей власти, но и вступят в качестве членов в так называемую Национальную общину.

Сущность этого учреждения бабувистов выясняется из проекта их, относящегося к организации экономической жизни Франции после переворота. Статья 1 проекта экономического декрета гласит: «В республике будет учреждена большая национальная община» (II, 307). Последняя и будет являться собственницей различного принадлежащего нации имущества. Собственностью Национальной общины будут сообща пользоваться (ст. 8) все трудоспособные ее члены, которых она и будет содержать «в одинаковом и честном среднем достатке» (ст. 9). Для каждого члена Общины устанавливается обязательный труд и все они разделяются на определенные разряды соответственно тем полезным промыслам, в которых они найдут себе занятие (ст. 4 закона об общественном труде).

Особый закон предусматривает обеспечение каждого члена общины всем необходимым и наблюдение за тем, чтобы под страхом строгого наказания никто из них не занимался торговлей. Последняя не допускается даже с «иностранцами», так же как и какие-либо деньги. Хотя вступление в Национальную общину и происходит на добровольных началах, существуют все же меры косвенного принуждения, способствующие ее расширению; только за членами общины с определенного времени сохраняются политические права, поэтому пребывать на положении «иностранцев» — не слишком приятное положение. Кроме того, на нечленов Общины падают различные тяготы — например уплата тяжелого натурального налога, от которого свободны все члены Общины. Право наследования вообще отменяется, так что и с этой стороны положение «иностранцев» нечленов

Общины не слишком завидно. Вообще все имущество частных лиц по их смерти отходит к Национальной общине.

Таким образом, в принципе не признавая никакой частной собственности, бабувисты предполагают провести ряд мер, ускоряющих самое ее уничтожение и одновременно сосредоточение ее целиком в руках общества (т. е. Национальной общины). Во всяком случае даже у самых упорных противников общности имущество останется в руках только на срок их жизни, а затем неизбежно вольется в общенациональный фонд. Система переходных мер и отказ от введения коммунистического строя, так сказать, с помощью простого росчерка пера отличают, следовательно, бабувистов от их учителей и предшественников в XVIII в.

Но при всех положительных чертах, присущих бабувизму как революционной коммунистической теории конца XVIII в., невозможно пройти мимо и тех отрицательных сторон, которыми он, бесспорно, характеризуется. Черты грубой уравнительности, отражающие сравнительно низкий уровень развития, присущий тогда пролетариату, характерны для утопического коммунизма Бабефа, который в этом отношении, возможно, еще и превзошел Морелли.

Согласно документам «Заговора во имя равенства», в идеальной республике Бабефа должно быть запрещено все, что не может быть предоставлено каждому. Равенство, полное равенство, предусмотрено здесь даже в мелочах, вплоть до одинаковых костюмов и одинаково прилично меблированной квартиры. Даже развитие наук и искусств, способное породить неравенство между гражданами, ставится в известной мере под подозрение бабувистами. Понятно, что все это отражает только низкий уровень развития, присущий тем классовым группам, на которые опирались бабувисты и от имени которых они обращались к обществу. Тем не менее, несмотря на эти черты грубой уравнительности и аскетизма, дававшие Марксу и Энгельсу право характеризовать движение бабувистов как в известной мере реакционное, коммунизм Бабефа, бесспорно, представлял большой шаг вперед, так как в его учении имелось не мало ценных положений. Положения эти отличают учение Бабефа от учений его предшественников. Не прихо-

дится сомневаться в том, что именно Бабеф оформил в определенную систему те различные эгалитарные и социалистические идеи, которые вынашивали в течение всего революционного периода плебейские революционеры, многие из которых отдали свою жизнь за дело трудящихся, так и не разобравшись до конца в том, к чему в действительности стремились.

«Без изучения бабувистского движения нельзя полностью понять развитие социалистической мысли в течение десятилетий, непосредственно предшествовавших возникновению марксизма», — справедливо подчеркивает В. П. Волгин.

Конец Бабефа

Бабеф и другие участники «Заговора во имя равенства» весной 1796 г. были выданы полиции Директории и в 1797 г. предстали перед судом в провинциальном городке Вандоме, где в дальнейшем и должны были выслушать решение о своей судьбе. Буржуазная Директория не решилась судить Бабефа и бабувистов в Париже из боязни опасного для нее политического эффекта речей подсудимых. Судебный процесс продолжался долго — с февраля по май 1797 г. и только 26 мая двое подсудимых из 65 (18 судились заочно) были приговорены к смертной казни по обвинению в подстрекательстве к восстановлению якобинской конституции 1793 г. Это были Гракх Бабеф и Дартэ. Остальных подсудимых приговорили к ссылке, как Буонарроти, Жермена и других, или же оправдали. Приговоренные к смерти коммунисты не стали дожидаться исполнения приговора и тут же в судебном зале пытались покончить жизнь самоубийством, пустив в ход заранее припасенные кинжалы. Но либо ввиду непрочности кинжалов, либо же случайно они сумели нанести себе только тяжелые раны и были доставлены в тюрьму, обливаясь кровью. Кинжал так и остался вонзенным в тело Бабефа до следующего утра, когда его поволокли на казнь.

И во время судебного следствия, и на месте казни оба коммуниста вели себя, как герои. Бабеф в своих многочисленных речах клеймил судей, оспаривая их право судить его. Он открыто признал, что боролся за общность имуществ, что является коммунистом.

Накануне казни он написал свое последнее письмо родным — жене и детям. В письме этом он не выражает сожаления по поводу того, что пожертвовал собой ради народа. «Я не видел иного способа сделать вас счастливыми, как путем всеобщего счастья, — говорил он. — Я потерпел неудачу; я принес себя в жертву; я умираю также ради вас» (II, 324) [1].

---

[1] Интересно, что Бонвилль, возобновивший в 1796 г. издание газеты «Железные уста», назвал в ней коммунистическую идею Бабефа великой, но осудил при этом попытку ее осуществления методами революционного насилия.

ЛЕКЦИЯ IV

АНГЛИЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ КОНЦА XVIII—НАЧАЛА XIX в.

Окончательное утверждение капитализма и обострение классовой борьбы в Англии к концу XVIII в.

Перейдем к изучению развития социалистических идей в Англии во второй половине XVIII в. Чтобы понять особенности этого развития, необходимо не упускать из виду, что именно в Англии этого времени идеи утопического социализма впервые рождались уже на почве восторжествовавших капиталистических отношений. Как раз во второй половине века в Англии в основном завершился аграрный переворот, особенно бедственный для трудящихся английской деревни; одновременно началась промышленная революция, подкосившая устои привычной жизни мелких ремесленных мастеров, кустарей и мануфактурных рабочих. Фабрика безжалостно, подобно Молоху, поглощала жизни не только самих рабочих, но и тысяч втянутых теперь в производство их жен и детей. Страдания масс усугублялись невиданными по размаху и длительности войнами против Франции.

Быстрое, протекавшее на глазах двух-трех поколений разорение крестьян во многих графствах Англии, лишение их земли и превращение в «свободных, как птицы, пролетариев» не могли, разумеется, не привлекать внимания современников и не порождать различных проектов уравнительного характера, приводивших отдельных идеологов то к мысли о национализации земли, то к воспеванию первобытной общности имуществ и т. п.

С другой стороны, и бурное развитие нового способа производства в промышленности, порождая «язву пролетариатства» и все связанные с этим социальные бедствия, также привлекало внимание всех сколько-нибудь вдумчивых и прогрессивно настроенных людей, толкало их к попыткам найти корни зла и указать пути для их уничтожения.

Небывалое еще по своим масштабам и темпам развитие английского капитализма в XVIII и в начале XIX в. совпало с большими революционными потрясениями за пределами британских островов, вызвавшими в Англии самые живые и непосредственные отклики. В последней четверти XVIII в. буржуазно-аристократическая Англия дважды выступила душителем революций — американской и французской. Первая из этих революций развернулась в пределах самой Британской империи, а вторая — в непосредственной близости от ее метрополии. Оппозиционные силы в самой Англии черпали на рубеже XVIII—XIX вв. свой боевой дух и радикальные идеи из обеих молодых республик — североамериканской и французской. В обстановке острой классовой борьбы и сравнительной свободы печати лихорадочно работала общественная мысль. Мысль эта еще вращалась, конечно, в кругу буржуазных идей. Даже демократическое движение «корреспондентских обществ», включавшее немало рабочих и ремесленников и развернувшееся в годы французской революции, стояло на позициях буржуазного радикализма.

Тем не менее, во второй половине XVIII в. отдельные британские мыслители уже перешли на антикапиталистические позиции и создали в различных формах утопические проекты, хотя и не столь яркие и стройные, как проекты их французских учителей. Мыслители эти обычно принадлежали к разночинной мелкобуржуазной интеллигенции. Слой этот, как и вся средняя и мелкая английская буржуазия, был после реставрации Стюартов и «славной революции» 1688—1689 гг. отстранен от участия в политической власти и горячо ненавидел правящую финансово-аристократическую олигархию. Поэтому социалистические и коммунистические идеи передовых мыслителей шли рука об руку с развитием оппозиционной радикально-демократической идеологии. Отдельные представители нарождающегося британского

радикализма задумывались не только над тем, чтобы одолеть всевластие денежной и земельной аристократии, демократизировать парламентскую систему, но и над тем, как достигнуть социальной справедливости, как помочь массе тружеников, лишившихся своих орудий и земли.

Говоря об идейных истоках английского социализма того времени, обычно указывают на утопические романы, в изобилии появляющиеся в Англии со времен Реставрации (Вераса, Гаррингтона, Свифта, Дефо и др.), на теории естественного права, на этику утилитаризма, столь широко представленные в наиболее популярных сочинениях просветителей, английских и французских. Но, как мы увидим, своеобразие наиболее выдающихся представителей социалистической мысли в Англии XVIII в. определялось в первую очередь особенностями хозяйственной и политической жизни самой страны в это время.

Первая попытка теоретической защиты коммунизма: Уоллес

Едва ли не первым среди английских социальных реформаторов XVIII в. пришел к выводу о преимуществах коммунистического устройства общества шотландский священник Роберт Уоллес (1679—1771), хотя он сам же испугался своих умозаключений. Отправляясь в основном от «Утопии» Т. Мора и в особенности от «Кодекса природы» Морелли, он в своих «Различных сторонах человечества, природы и провидения» (1761) пришел к выводу, что «совместные стремления и совместная деятельность суть единственный фундамент, на котором люди могли бы создать себе простую жизнь, добродетельное поведение и духовный прогресс», и именно «коммунизм имеет наилучшие шансы изгнать бедность, устранить невежество и создать царство плодотворного труда, простого и приятного образа жизни, широко распространенного знания»[1]. Но, подчеркивая, что нет оснований сомневаться в устойчивости коммунизма как общественного строя, Уоллес все же приходит

---

[1] Цит. по книге: М. Бер. История социализма в Англии, т. 1, М., 1923, стр. 125, 126.

к выводу, что «как ни прекрасна и достойна человека перспектива коммунизма», перспектива эта «всегда останется только очаровательной фантазией»: реальному осуществлению коммунистического идеала будут оказывать препятствия «великие и власть имущие, извлекающие громадные выгоды из частной собственности». Кроме того — и это по мнению Уоллеса главное, — увеличение народонаселения, неизбежное при совершенной форме правления, быстро привело бы к исчерпанию земельного фонда и в конце концов к ликвидации коммунистической системы. Начав таким образом «за здравие», Уоллес в конечном счете приходит к пессимистическому выводу, и это снижает значение его протеста против развивающихся в Англии капиталистических отношений. Именно вследствие этого коммунистическая теория Уоллеса, в старости — придворного проповедника, получила самое незначительное распространение и не способна была оказать на англичан такого влияния, какое оказывали взгляды Мабли и Морелли на французов времен буржуазно-демократической революции XVIII в.

Чарлз Холл

Невелико было влияние на современников и Чарлза Холла (род. ок. 1740 г. и ум. ок. 1820 г.), автора книги «О действии цивилизации на народные массы в европейских государствах», опубликованной в 1805 г. Хотя в поле зрения Холла все время находятся аграрные условия, его понимание общественных отношений, бесспорно, связано было с наблюдениями над развитием промышленности. Он смело критикует складывающиеся капиталистические отношения и хорошо понимает неизбежность обострения классового антагонизма и социальной революции. В своей книге он рассказывает сперва о разделении общества на два враждебных класса, затем о природе и последствиях богатства. Богатство, по мнению Холла, «является причиной почти всякой власти в большинстве цивилизованных государств»[1], а рост его неизбежно приводит к увеличе-

[1] Цит. по книге: «Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений», ч. 1, М., 1928, стр. 256.

нию, могущества небольшого меньшинства народа и, наоборот, к увеличению бедности огромного большинства. Богатому «поистине нечего дать человеку бедному», поскольку богатые «предназначены для потребления благ, а не для их производства». Именно богатые потребляют «часто в десять раз, в сто раз, тысячу и десять тысяч раз больше», чем бедняки (стр. 260). Вследствие этого интересы богатых и бедных совершенно различны: первые потребляют общих продуктов труда не менее чем на 312 млн. фунтов стерлингов, в то время как на долю самого трудящегося населения приходится в виде заработной платы не более 40 млн., т. е. около $^1/_8$ части совокупного продукта труда. Все это, вместе взятое, позволяет заключить, что система цивилизации, основанная на принципе частной собственности, «несет не только дурные результаты для наибольшей части индивидов..., но также и для самого государства», что она, «вопреки принятому мнению, ослабляет его [государство], истощает и делает поистине более варварским» (стр. 266).

Таким образом и Холл, подобно Уоллесу, приходит к выводу о порочности всей капиталистической системы и преимуществах коммунизма, но одновременно, подобно Мабли, не верит в возможность его восстановления. Предлагаемые им реформы весьма робки и умеренны и далеко отстоят от уравнительных требований как Мабли, так и Руссо. Холл требует лишь отмены права первородства и запрещения тех отраслей промышленности, которые связаны с производством предметов роскоши. Даже уравнительных аграрных законов он не выдвигает! Тем не менее, позднее чартисты, интересовавшиеся вопросами социального переустройства общества, переиздали сочинение Холла, не обратившее в начале XIX в. на себя достаточного внимания современников.

Хотя Холл и был современником французской буржуазной революции и демократического движения на рубеже XVIII—XIX вв. в самой Англии, они отразились на его воззрениях куда меньше, чем впечатления от бурного хозяйственного переворота. Подобно Уоллесу, Холл остался далек от задач, от потребностей политической борьбы своих соотечественников.

Аграрные реформаторы и их проекты

Связь с жизненными интересами и демократическими требованиями англичан конца XVIII в. отчетливо видна в проектах английских аграрных реформаторов-утопистов этого времени. Хотя проекты эти и носят чисто уравнительный характер и авторы их целиком стоят еще на мелкособственнической основе, они замечательны не одной критикой капиталистической системы, но также и тем, что вплотную подводят к пониманию необходимости не только национализации земли, но и обобществления средств производства. Все это уравнительные проекты поэтому не прошли бесследно для развития социалистической мысли и позднее, в 30—40-х гг. XIX в., в годы чартизма, оказали немалое влияние на выработку воззрений О'Коннора, О'Брайена и других английских социалистов-чартистов.

Томас Спенс

Среди английских аграрных реформаторов конца XVIII в., бесспорно, наибольший интерес представляет Томас Спенс (1750—1814), человек твердых убеждений, готовый идти на жертвы ради них. В отличие от многих других уравнителей-демократов Спенс не довольствовался одной только пропагандистской деятельностью мирного характера, но в отдельных своих произведениях прямо поднимался до революционных призывов, что позволяет, как это отмечено было В. П. Волгиным, сблизжать его с французским коммунистом Жаном Мелье. Именно Спенс был идеологом и вдохновителем «Общества спенсианских филантропистов» — левого крыла английского демократического движения конца XVIII — начала XIX в.

Спенс — сын сапожника-мастера — сам в молодости сидел за колодкой. Получив некоторое образование, он стал сначала бухгалтером, затем школьным учителем. В 1775 г. в Ньюкасле на заседании местного философского общества Спенс выступил с большим докладом на тему о преобразовании общества путем отмены частной собственности на землю, позднее напечатанным под заглавием «Действительные права человека».

Аргументация Спенса в защиту прав всех людей на землю ничем существенным не отличается от обычных в XVIII в. доводов. И он целиком стоит на почве естественного права и, исходя из того, что «род людской имеет такую же равную и справедливую собственность на свободу, воздух и солнечный свет и тепло», что «первые землевладельцы были узурпаторами и тиранами» и что «человечество далеко от того, чтобы пожинать все те выгоды, которых оно может и должно от даров природы ожидать», предлагает продуманную им самим систему, «при помощи которой человечество могло бы пожинать больше сообразных с природой обществ выгод» (стр. 240—241).

Сущность сделанных им предложений сводится к принудительной передаче во всей Англии в руки приходских общин всех утерянных ими ранее прав на землю, становящуюся теперь «собственностью корпорации или приходской общины», подобно тому, «как лорд манора пользуется властью над своими землями, домами и пр.». В дальнейшем приходские корпорации—общины могут сдавать земельные участки в аренду отдельным своим членам, а из получаемых платежей покрывать все причитающиеся с них доли «той суммы, которую национальный конгресс каждый раз отпускает правительству». Все другие пошлины и налоги раз навсегда отменяются, «земля сдается в виде очень маленьких ферм», а это «дает занятие для большего числа рабочих рук, а также возможность производить большое количество всякого рода продуктов питания». И далее Спенс рисует перед слушателями блестящие перспективы, утверждая, что установленное подобным образом «царство разума и права» «пребудет вовеки». «...Насилие и развращенность, пытаясь его ниспровергнуть, одинаково потерпят неудачу, и все другие нации, исполненные изумления и восхищения его счастием и устойчивостью, последуют этому примеру; так вся земля будет в конце концов счастлива, и все люди будут жить, как братья» (стр. 245).

Вера Спенса в эффективность предложенной им «системы» поистине удивительна! Он твердо верит в возможность возвращения земли трудовому народу, в полную осуществимость своей аграрной утопии, и попутно дает едкую критику всех существующих в Англии XVIII в. политических порядков, говорит и о парламент-

ской коррупции, и о произволе властей, и о жестоком отношении к беднякам. В 1793 г., как раз в разгар якобинской революции во Франции, он выпустил свой доклад под заголовком «Действительные права человека» и начал распространять его среди граждан Ньюкасла по одному пенни за экземпляр. Революционная пропаганда доклада обратила на его автора внимание именитых граждан города, а затем и властей. Философское общество исключило его из числа своих членов, школа его опустела и он, чтобы иметь кусок хлеба, должен был перебраться в Лондон, где и перебивался мелкой книжной торговлей. В 1793—1795 гг. Спенс предпринял издание «для трудящейся части человечества» небольшого еженедельника под названием «Свиной корм» («Pig's meat»), в котором смело призывал трудовой народ к борьбе за свои попранные права:

«Откройте ваши глаза, вы, бедняки этой земли! Напрасно протянуты ваши руки и раскрыты ваши рты!.. Жалуетесь ли вы на ваше угнетение? — Да. — Но ведь то, что вы делаете, то и ваши отцы делали раньше вас, — и если вы не совершите чего-то большего, ваши дети точно так же будут жаловаться после вас. Проснитесь! Восстаньте! Вооружитесь истиной, справедливостью и разумом, объявите осаду развращенности, и ваше единство и непобедимость научат ваших угнетателей ужасным вещам... Тогда, и не ранее, вы узнаете на опыте, что такое всеобщий мир и непрестанное изобилие...» (стр. 246).

Все эти революционные призывы в годы начавшегося перехода правительства Питта Младшего в наступление на «корреспондентские общества» и преследования английских якобинцев стоили Спенсу свободы: он подвергся тюремному заключению. В тюрьме он сидел и позднее, когда временная отмена парламентом «Хабеас корпус акта» позволила правительственным властям сводить счеты со сторонниками подлинной демократии и свободы.

В начале XIX в. Спенс выпустил в свет новое сочинение «Восстановление общества в его естественном состоянии», за что подвергся 12-месячному тюремному заключению «за призыв к уничтожению прав земельной собственности». Незадолго до этого он составил и распространил проект новой конституции для своей буду-

щей воображаемой страны Спенсеаны, лежащей где-то недалеко от моровской Утопии. Здесь он требовал осуществления прав человека и гражданина на якобинский манер и, как раньше, широкой аграрной реформы. Радикализм Спенса в политической области к этому времени зашел так далеко, что он в своей утопической республике предоставлял даже равные избирательные права женской половине человеческого рода.

Умер Спенс в Лондоне в 1814 г. Немногие его ученики и приверженцы несли перед его гробом весы как символ социальной справедливости, борьбе за которую покойный действительно отдал всю свою жизнь.

Огилви

Аграрным реформатором XVIII в. являлся и Вильям Огилви, идеи которого не носили вовсе революционного характера и получили значительно меньше распространения, чем идеи Спенса. В 1780 г. он выпустил книгу «Опыт о праве собственности на землю», где доказывал, что человеку присуще право на известную долю земли, а также естественное право на весь прибавочный продукт его труда, приложенного к земле. Но Огилви вовсе не является сторонником принудительного отчуждения земли у собственников-помещиков. Он ратует только за возможное расширение круга землевладельцев и предлагает заставить крупных земельных собственников сдавать в вечную аренду мелким или же обезземеленным до половины своих угодий. Последние будут лишены права дробить свои участки и сохранят связи с помещиками, уплачивая им известную, небольшую, правда, ренту. Хотя проект земельной реформы, предложенной Огилви, и имеет уравнительный характер, на нем лежит явно компромиссный отпечаток. Это, однако, не помешало «Опыту» дожить до второго издания во времена чартистов и даже до третьего, в 1891 г. В предисловии к этому последнему изданию говорилось, что «опыт» показывает «жестокость, бессмыслицу и тиранию, к которым привела монополизация земли дворянством», и что идеи, высказанные здесь автором, «вечны и неизменны». Разумеется, что слова эти можно

отнести только к критике частной собственности на землю, которую мы встречаем у Огилви, а не к его робким проектам ее постепенного уничтожения.

Вильям Годвин и истоки анархизма в Англии XVIII в.

Сочинения Уоллеса, Огилви и Холла не получили широкого распространения у своих современников. Иная судьба ожидала вышедшее в 1793 г. двухтомное сочинение Вильяма Годвина «Исследование, касающееся политической справедливости и ее влияния на всеобщую добродетель и счастье». Сочинение это произвело на современников очень большое впечатление, привлекло к автору многих учеников и последователей и в течение ряда лет продолжало привлекать к себе внимание со стороны многих противников социального и имущественного неравенства, с одной стороны, и государства, как такового, с другой. Наибольшую известность Годвин заслужил как первый в Западной Европе проповедник анархизма, как первый его теоретик.

Чем объяснить, что в Англии мы не находим ни Морелли, ни Бабефа, но зато здесь на рубеже XIX в. распространяется учение Вильяма Годвина — предка современного анархизма? Прежде всего следует иметь в виду, что радикальная английская буржуазия, средняя и мелкая, все еще находилась под сильным влиянием диссидентского движения, т. е. различных сект и направлений в английском протестантизме, издавна соперничавших с государственной англиканской церковью. Враждебное этой последней диссидентство было фактически настроено достаточно враждебно и против покровительствующей ей государственной власти. Диссиденты отстаивали свободу гражданина от вмешательства не только со стороны епископов, но и от произвола властей, т. е. не только религиозную, но и политическую свободу. Большое воздействие оказывали на представителей демократической интеллигенции также и широко распространенные в кругах английской буржуазии теории рационалистического индивидуализма и раннего либерализма, сводившиеся в конечном счете к требованию освобождения промышленников и купцов от стеснительного государственного

вмешательства и вообще отводившие государству возможно меньшую роль, роль простого сторожа, с фонарем в руках в ночное время оберегающего спокойный сон мирных граждан от воров и грабителей.

И Иеремия Бентам и Адам Смит — эти признанные властители дум английской буржуазии конца XVIII в. — действительно явно склонялись к подобной умаляющей значение государства точке зрения. «Чем выше поднимается цивилизация, тем меньше нуждается общество в правительстве» — к этой мысли приходил и революционер-демократ Томас Пейн.

И традиции диссидентского движения, и буржуазно-либеральный индивидуализм, таким образом, толкали тех английских писателей-демократов, которые тогда задумывались над судьбами трудового населения и стремились указать пути для преодоления общественного зла, к анархизму. Отрицание частной собственности и решительное ее осуждение, в связи с этим, вело в Англии, в отличие от соседней Франции, не столько к построению различных коммунистических утопий и теорий, сколько к попыткам обосновать необходимость и жизненность существования человеческого общества без государства и его власти.

Жизнь Годвина

В. Годвин родился в 1756 г. в семье священника и сам, получив религиозное образование, стал проповедником в одной диссидентской общине. Он, однако, рано подпал под влияние английских и французских просветителей, стал склоняться к материализму и атеизму и в начале 80-х гг. окончательно порвал с христианством. Переселившись в Лондон, он занялся литературным трудом и вскоре примкнул к кругам разночинной интеллигенции, которая с конца 60-х гг. вела упорную борьбу за расширение избирательного права и демократизацию Англии.

Французская революция дала новый толчок развитию английского радикализма. Она вызвала энтузиазм в широких слоях английского народа и выдвинула на первый план социально-политические вопросы. Среди самой буржуазии выделилось прогрессивное меньшинство, с симпатией относившееся к идеям начавшейся во Франции

революции. И несмотря на то, что политические устремления и требования этого меньшинства были весьма умеренными и весьма далекими от требований якобинцев, они все же расшевелили накопившееся в массах недовольство, всполошили стоявших у власти аристократов и заставили их подумать об отпоре поднимающейся и в Англии волне революционного движения.

В 1790 г. один из идеологов политической реакции в Англии Эдмунд Бёрк, в связи с распространением в широких кругах населения революционных настроений, издал книгу «Размышления о французской революции», в которой резко отвергал все прогрессивные идеи французов. Э. Бёрк выступил открыто в защиту исторически сложившегося и «богом установленного» государственного порядка, направляя свои удары против английских приверженцев идей начавшейся по ту сторону Ламанша буржуазно-демократической революции. Сторонники этой последней сейчас же ответили на клеветнические утверждения Бёрка большим количеством отдельных сочинений, среди которых знаменитые «Права человека» Т. Пейна, бесспорно, занимали первое место. В результате борьба против аристократического правительства все более и более обострялась, особенно после создания в начале 1792 г. «Лондонского корреспондентского общества». Его основателем являлся шотландский сапожник Том Гарди и в нем, наряду с представителями радикально настроенной интеллигенции, принимали участие многие передовые ремесленники и рабочие.

Начавшиеся вскоре правительственные репрессии не остановили движения; наоборот, они окрылили радикалов. Победное развитие французской революции в 1793—1794 гг. и «торжество разума» во Франции вселяли в них уверенность в конечном торжестве истины и справедливости и в Англии. Вышедшая в 1793 г. книга В. Годвина явилась непосредственным откликом на подобные настроения и свидетельствовала о том, с каким восхищением было им самим встречено падение монархии во Франции. Написанное им «Исследование» было задумано как ответ Э. Бёрку, но в процессе работы переросло ранее намеченные рамки, вылившись в попытку обосновать идеал нового «разумного» общественного строя, не знающего ни государственной власти, ни частной собственности.

«Исследование о политической справедливости» Годвина

Проанализируем основные положения Годвина, из которых он путем дедукции выводит идеал нового общественного строя. В основе всех его рассуждений лежит мысль о всемогуществе человеческого разума, руководящего всеми поступками, действиями и помыслами индивида. От природы, по мнению Годвина, человек не зол и не добр. Никаких «врожденных» идей у него не существует. Но человек, однако, постоянно проявляет склонность «к справедливости, добродетели и доброжелательству», не являясь вовсе от природы тем «волком среди волков», каким изображает его Гоббс.

Разум заставляет каждого отдельного человека искать удовлетворения своих личных интересов, но одновременно тот же разум постоянно подсказывает ему заботу и о всеобщем благосостоянии. Личное, таким образом, вполне гармонирует с общественным и при разумном общественном строе не вступает с ним в противоречие, что объясняется самой сущностью человеческой природы — физическим и интеллектуальным сходством людей между собой. Таким образом, если бы все люди следовали только велениям своего разума и если бы на них не влияла порочная и нездоровая среда, они беспрепятственно двигались бы по пути прогресса и добились бы легко и личного счастья и всеобщего благополучия. Основная задача, стоящая перед человечеством, следовательно, заключается, по Годвину, в том, чтобы, вместо существующей порочной и нездоровой среды, создать новую — не знающую пороков и способную обеспечить человеческому обществу полную свободу развития разума, справедливости и морали.

Но в чем же состоит порочность существующей системы? Чем же противоречит она велениям разума, единым и неизменным?

Система эта опирается на насилие и основным ее злом является *принцип частной собственности.* Принцип этот коренным образом противоречит велениям разума, предписывающим людям искать источник личного блага в общем. Частное присвоение ведет к разделению людей на богатых и бедных и к распространению среди них различных низких качеств, низкопоклонства и угодничества

у одних, привычки к роскоши и ненужным прихотям у других. Оно, кроме того, приводит «к втаптыванию в грязь мыслительных способностей», «глушит искры дарования и погружает большую часть человечества в низкие заботы», увеличивает преступность, ведет к бедствиям войны, способствует уменьшению народонаселения.

Призванное охранять и защищать собственников государство — зло такое же, как и издаваемые им законы. Любая его форма, даже самая демократическая, препятствует свободному развитию разума и, следовательно, общему благосостоянию. Государство и всякое право находятся, таким образом, в противоречии с разумом, в особенности же право собственности, которое в конечном счете сводится к предоставлению отдельным группам людей права пользоваться продуктами труда других и больше, чем что-либо другое, способствует распространению принуждения и насилия.

В конце концов Годвин приходит к полному отрицанию всех без исключения учреждений современного ему общества и к требованию уничтожения всякой государственной власти, существующих законов и всяких принципов права, прежде всего права частной собственности. Идеальный общественный строй, полагает он, может быть только лишь *анархическим,* позволяющим свободное сосуществование ряда отдельных, абсолютно независимых работников, живущих на добровольных началах мелкими общинами. Продукты труда этих работников распределяются по потребностям между всеми трудящимися, участвующими в работах, необходимых для получения урожая. И это «представляет самую сущность справедливости» [1]. Годвин с насмешкой отклоняет часто встречающееся возражение, состоящее в том, что уничтожение права частной собственности скоро положит конец трудолюбию. Он убежден, что всеобщий и совершенно добровольный труд в предложенном им идеальном и разумном обществе составит лишь «легкое бремя» и будет похож скорее на приятное развлечение и легкий моцион, чем на труд.

Для доказательства возможности обеспечить всех всем необходимым по потребности Годвин ссылается на

---

[1] Цит. по изданию 1958 г.

то, что при существующей порочной организации общества, утопающего в роскоши и в различных излишествах, вполне достаточно лишь 10-часового ежедневного труда каждого двадцатого человека для того, чтобы обеспечить всех всем необходимым. При новом же здоровом общественном строе, не знающем праздности одних и рабского труда других, будет вполне достаточно лишь одного получасового труда всех для обеспечения общества всем необходимым. «Кто же может испугаться такой деятельности?» — вопрошает Годвин, совершенно убежденный в том, что, «работая ежедневно полчаса времени, мы во всех смыслах будем более счастливы, чем сейчас» (стр. 97). При этом он не видит никакой необходимости в общественной и коллективной организации труда. Ему совершенно чужда мысль о совместной обработке земли, общественных мастерских и складах, общих трапезах и т. п. Он отнюдь не коммунист и вовсе не стремится к обобществлению средств производства.

Нельзя также забывать, что Годвин был твердо убежден, что при наличии полной свободы разума и распространения просвещения человечество в скором времени поймет совпадение личных интересов с общественными и, избавившись от пороков, будет «дружески» решать в своих маленьких общинах все возникающие спорные вопросы, повинуясь при этом не какому-либо закону — их не будет существовать вовсе, — а лишь велениям своего рассудка.

Годвин, впрочем, считает возможным сохранить на некоторое небольшое переходное время особые суды присяжных для разрешения тех спорных вопросов, которые не удалось разрешить путем добровольных соглашений, а также народные собрания — в случае необходимости организовать оборону. С развитием и прогрессом человеческого разума и эти остатки государственной власти, по его мнению, отпадут и всякое насилие будет ненужным.

При всей радикальности убеждений Годвина он отнюдь не революционер: он глубоко убежден, что всякое насилие — результат неразумности. Это, однако, не мешает ему приветствовать французскую революцию и даже признавать желательность насильственного переворота в том случае, если в результате его утвердится проповедуемый им анархический порядок. Указывая на

жестокости, которыми неизбежно сопровождается всякая насильственная революция, Годвин подчеркивает, что «страшные картины» не должны заставить нас «отказаться от разума, от справедливости, от добродетели и счастья». Отказ от революционных средств борьбы для достижения счастья, полагает он, напоминал бы тот случай, «когда человек, повредивший свою конечность, отказался бы подвергнуться тому мучению, которое связано с ее вправлением» (стр. 152). Таким образом, Годвин теоретически все же допускает возможность и даже желательность насильственного революционного переворота, в результате которого воцарится, наконец, «политическая справедливость». Но в то же время он полагает, что полное освобождение человечества от рабства и угнетения, от государственного принуждения и частной собственности, может быть лишь результатом полного торжества разума над всеми заблуждениями и пороками и распространения среди людей образованности и просвещения.

Место Годвина в развитии английского социализма

Ф. Энгельс в одном из писем к К. Марксу подчеркивает, что учение В. Годвина отнюдь не является коммунистическим и лишь «граничит с коммунизмом». Ф. Энгельс при этом прямо пишет, что Годвин во всех основных выводах «решительно анти*социален*»[1]. Действительно, его учение должно быть причислено к радикальнейшему образцу мелкобуржуазного утопизма. Как всякий анархизм вообще, учение Годвина есть — применяя к нему слова Ленина — лишь «порождение отчаяния», «психология интеллигента или босяка, а не пролетария». Оно вызвано к жизни тяжелым положением английских мелких собственников, жестоко страдавших на рубеже XIX в. от промышленной революции и антинародной политики олигархического правительства. И тем не менее, несмотря на всю свою противоречивость и несмотря на то, что позднее оно было использовано анархистами XIX в. для борьбы против революционного пролетарского социализма, учение В. Годвина оказало

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 26.

серьезное влияние на развитие социалистической мысли вообще и на воззрения Роберта Оуэна, в частности.

Не следует забывать, что учение Годвина, в отличие от воззрений позднейших анархистов XIX в., вовсе не было заострено против пролетарского социализма; оно было направлено прежде всего против буржуазного государства, насилия и классового порабощения. Наряду с различными совершенно фантастическими рассуждениями о будущем анархическом обществе, мы находим у Годвина мысль о труде как единственном источнике всякого дохода, соединенную с чрезвычайно резкой критикой системы частной собственности, находим и мысль о совпадении интересов отдельной личности с интересами всего общества. Именно эти мысли Годвина и выводят его за пределы мелкобуржуазного уравнительства и дают возможность считать его «Исследование о политической справедливости» в той части, где автор рассуждает о частной собственности, «ценным материалом для просвещения рабочих» (эта часть книги Годвина опубликована В. П. Волгиным в серии «Предшественники научного социализма»).

Подрывающие устои буржуазного общества и государства идеи Годвина произвели немалое впечатление в Англии, переживавшей в 90-х гг. XVIII в. серьезный политический кризис. Сам автор «Политической справедливости» едва не был арестован, подобно многим членам «корреспондентских обществ». Годвин проявил большое гражданское мужество, подняв общественную кампанию в защиту своих друзей-радикалов, которым грозила смертная казнь. Напрасно В. Питт написал на полях его книги, что, поскольку она стоит три гинеи, она «не может принести много вреда среди тех, у кого нет и трех шиллингов». Всесильный премьер-министр Англии ошибался: имеются сведения, что «Политическую справедливость» с интересом читали английские рабочие, устраивавшие даже складчину, чтобы приобрести действительно дорогое издание.

Мэри Уолстонкрафт и защита прав женщин

Среди разночинной интеллигенции того времени и основное сочинение Годвина и его многочисленные социальные романы, герои которых были обычно людьми

«четвертого сословия», пользовались большим вниманием[1]. Увлечена была его идеями писательница Мэри Уолстонкрафт (1759—1797), замечательная женщина, первая поборница женских прав в Англии, впоследствии ставшая женой Годвина. Одной из первых она в книге «Защита прав человека» (1790) резко выступила и против наветов Эдмунда Бёрка. Развивая дальше идеи самого Годвина о буржуазном браке, Мэри Уолстонкрафт подняла свой голос за раскрепощение женщины, за совместное обучение и воспитание мальчиков и девочек, за свободную, не знающую принуждения любовь и изложила все это в книге «Защита прав женщины» (1792). Хотя Мэри Уолстонкрафт и не подвергала в своих произведениях прямой критике частную собственность и существующее капиталистическое общество, ее нападки на буржуазный брак и семью наносили удары по устоям современного общества и, как и сочинения ее мужа, также способствовали «просвещению» английских рабочих и росту их классового самосознания.

Англия после наполеоновских войн. Новый подъем демократического движения

Начало нового XIX в. ознаменовалось дальнейшим ускорением промышленного развития Англии. Внедрение машин сопровождалось ухудшением положения рабочих, и они отвечали на успехи промышленного переворота попытками разрушения машин (движение луддитов). Окончание наполеоновских войн сопровождалось рядом хозяйственных кризисов (1815—1816 гг.), особенно больно ударивших по текстильщикам и по нефабричному пролетариату. В промышленных округах страны вспыхнуло массовое антиправительственное движение (1816—1820 гг.). Радикалы развернули в массах широкую пропаганду парламентской реформы. Как показал советский исследователь Е. Б. Черняк, «на своем заключительном этапе радикальное движение, оставаясь буржуазно-демократическим по своему социальному содержанию, начало ста-

[1] Его роман «Калеб Вильямс» вышел в русском переводе в 1949 г. и в 1961 г.

новиться пролетарским по средствам и методам борьбы».

На этом фоне социального брожения понятно появление в Англии новых ярких выразителей идей утопического социализма. О наиболее крупном из них — Роберте Оуэне — будет подробно рассказано в особой лекции. Здесь же мы позволим себе остановиться на весьма своеобразной фигуре Шелли — первого великого поэта, стихийно выразившего в своем творчестве уже социалистические идеалы.

Социалистические идеалы Шелли

Мысли, высказанные В. Годвином в его «Исследовании», оказали влияние и на молодого английского поэта-романтика Шелли (1792—1822) — друга Байрона. Родившись в богатой дворянской семье в год провозглашения Французской республики, Перси Б. Шелли уже в свои молодые годы вступил в упорную борьбу с существовавшими в аристократическо-буржуазной Англии социально-политическими порядками и скоро, в силу своего полного пренебрежения к общепринятым нормам поведения, был изгнан из лицемерного, ханжеского «общества» и подобно Байрону покинул родину.

Еще в колледже он успел прочитать «Исследование о политической справедливости» и увлекся идеями Годвина. В 1812 г. он познакомился и с ним самим. По собственному утверждению Шелли, изучение этих идей «открыло его разуму новый и более широкий взгляд на мир». Он сблизился со своим учителем и в дальнейшем неоднократно помогал ему материально. Посещая дом Годвина в Лондоне, Шелли в 1814 г. познакомился с 17-летней дочерью последнего Мэри и, покинув жену, вскоре без ведома своего учителя, бежал с Мэри заграницу. И сам Шелли, и его молодая подруга были проникнуты идеями Годвина о свободной любви и порочности налагаемых обществом на людей уз официального брака. Они долгое время продолжали жить вместе, не оформив вовсе своих отношений. Но Годвин, в теории не признававший «неразумного» официального брака, на практике оказался обыкновенным разгневанным отцом-мещанином, и это надолго испортило отношения между ним и Шелли. Последний, однако, до са-

мой своей преждевременной смерти (он утонул в море) оставался верным приверженцем английского мыслителя и в своих стихах и поэмах развивал его основные идеи.

Шелли, разумеется, в своих поэтических произведениях не оставил нам никакой стройной социалистической системы. Гневные, направленные против существующего капиталистического общества строки перемешивались в них с различными мечтаниями о лучшем будущем, с фантастическими картинами иных, пока еще незнакомых людям отношений. Все это, однако, не помешало К. Марксу очень тонко подметить различие между ним и Байроном, заключающееся в том, что последний, умерший на 36-м году жизни, «сделался бы реакционным буржуа, если бы прожил дольше», в то время как Шелли, умерший 29 лет, «был подлинным революционером и всегда относился бы к авангарду социализма» [1].

Вся литературная деятельность Шелли была органически связана с утопическим социализмом. Сам Шелли рассказывает, что уже в молодые годы он дал себе клятву вести неуклонную борьбу против тирании; в посвящении к одному из лучших своих произведений, к поэме «Восстание Ислама», он пишет жене о том, какие настроения заставили его написать это свое «Видение XIX в.» и рассказать о грядущем торжестве порабощенного народа:

И руки сжав, я посмотрел вокруг,
Но слез моих никто не мог заметить,
Я был один, кругом был светлый луг,
И не боясь насмешки взора встретить,
Воскликнул я: «Хочу я мудрым быть,
Свободным, кротким, нежным, справедливым
Не в силах я ни видеть, ни забыть,
Что сильный может злым быть и счастливым».
И я решил быть твердым навсегда,
И кротким я и смелым стал тогда... [2]

Уже в университетские годы он смело бросает вызов господствующим классам и в ряде стихотворений клеймит реакционные политические порядки своей родины.

---

[1] «Маркс и Энгельс об искусстве», т. 1, М., 1957, стр. 435.
[2] Цит. по изданию 1904 г. (перевод К. Д. Бальмонта).

В годы наиболее яростной схватки буржуазной Англии с наполеоновской Францией он осмеливается высказывать страстную мечту о мире:

Придет ли светлый день, когда народ
Бессмысленность кровавых войн поймет,
Богатство, гордость, ложь и честолюбье
Исчезнут, словно сон, и братья люди
Под ярким солнцем счастья заживут, —
И там, где смерть царит, сады взойдут!

Шелли все больше ненавидит буржуазию. «Я задыхаюсь от негодования, когда думаю о серебре, о роскоши, о балах, о титулах и королях», — пишет он из промышленного Ноттингема другу. «Я видел картины нищеты, работники умирают с голода», — прибавляет он. И Шелли не только говорит об угнетенных и обездоленных в своих стихотворениях. Он принимает непосредственное участие в революционном движении порабощенного ирландского народа, пытается распространять в народе антиправительственные листовки, доказывая всем своим поведением, всем своим творчеством, что не зря писал следующие строки:

Кто может эгоистом жить холодным,
Забыв отчизны горе и позор,
Кто смеет называть себя свободным,
Презрев ужасной бедности укор?

Он отдает себе ясный отчет в том, кто повинен в ужасном положении трудящихся, и, обращаясь в 1819 г. к своим согражданам, пишет:

Британцы, вам горькая выдалась чаша,
Вы жатву сбираете, жатва не ваша,
Вы ткете одежды для ваших тиранов,
А сами — добыча холодных туманов;
Как боги, вы все им даете, их род
От ваших трудов беззаботно живет...

Как революционный поэт-романтик, Шелли живет в мечтах о лучшем, не знающем угнетения будущем: его до глубины души волнует судьба порабощенных капиталом простых людей Англии и он не перестает скорбеть — недаром он муж дочери Мэри Уолстонкрафт — о тяжелой доле женщины при капитализме. Не один раз спрашивает он в своих поэмах:

Как человек способен быть свободным,
Когда с ним рядом женщина-раба?

Почти во всех своих более крупных произведениях — поэмах, и прежде всего в «Королеве Маб» — Шелли сталкивает в смертельной схватке друг с другом добро и зло, небо и ад, народ и его тиранов. Как романтик начала XIX в., он делает это обычно в сугубо аллегорической форме, подменяя явления реальной, знакомой ему действительности картинами борьбы космических сил, видениями, пророчествами, мечтаниями о светлом будущем получившего свободу человечества.

Его юношеская поэма — «Королева Маб» может и в этом отношении дать нам представление о всех остальных. «Это, в сущности, изложенная стихами доктрина Годвина», — правильно заметил о ней советский литературовед Ф. Шиллер. Не станем останавливаться на раскрытии содержания этого поэтического произведения и укажем только, что сказочная фея показывает здесь поэту мир, где царствует зло, где все без исключения продажно, даже женская любовь:

Продажно все: продажен свет небес,
Дары любви, что нам даны землею!

А богачи, эти «раззолоченные мухи», эти «прожорливые трутни» бесстыдно жиреют за счет непосильного труда большинства людей:

Ремесленник пусть трудится, мужик,
Измученный давнишней голодовкой,
Пусть над землей упрямою корпит,
Чтоб из нее для них возникла жатва...

Но страшное настоящее неизбежно должно будет смениться «золотым веком»! Шелли глубоко верит в прекрасное будущее человечества, управляемое разумом, и не устает рисовать перед взором читателя лучезарные видения: медленно, медленно любовь оттесняет злобу, и рассвет загорается над миром. Тучи постепенно рассеиваются и то, что так страшно терзало человечество, медленно уступает свое место правде. Преступление и ложь исчезают. Мир наконец остается «без тяжких пут докучного закона».

В той или иной мере любая поэма Шелли обязательно завершается настоящим апофеозом прекрасного и не знающего зла будущего общественного строя. В «Восстании Ислама», другой замечательной поэме

Шелли, он так описывает будущее счастье человечества:

Взошла заря, прогнала тьму ночную,
Надежду пил в ее сиянии взор,
И вышел я за стену городскую,
На светлую равнину между гор;
То — зрелище пленительное было,
Оно рыданья вызвать бы могло:
Давнишняя завеса отступила
От власти человека, и светло
Глядя на мир, все вольны без изъятья
Толпились в дружных чувствах люди-братья.

* *
*

Таким образом, и в Англии начала промышленного переворота можно было наблюдать распространение острого критического отношения к капиталистическому строю и одновременно попытки создания картины новых, подлинно человеческих отношений будущего. При всей своей незрелости анархические мечтания В. Годвина, Шелли и других подобных им «революционных пророков» давали «драгоценный материал для просвещения рабочих», которые недаром внимательно читали их произведения. Ведь и трудная книга Годвина нашла себе дорогу в рабочие кварталы. А поэтические сочинения Шелли вообще читались по преимуществу только низшими сословиями, особенно их дешевые издания[1]. «День завтрашний придет!» — неустанно повторял английским рабочим Шелли, и они платили ему за это любовью и восхищением.

---

[1] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 513, 520.

ЛЕКЦИЯ V

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ СЕН-СИМОНА

Общественно-политические итоги XVIII в.

Промышленный переворот в Англии, с одной стороны, и победоносная французская революция, с другой, привели в первые десятилетия XIX в. к полному торжеству новых производственных отношений в двух ведущих странах Европы. По капиталистическому пути быстро продвигались после двух войн за независимость и США. Все то, о чем мечтали в течение всего XVIII в. философы-просветители, казалось, уже осуществилось и, вместо беспробудного сна средневековья, с его невежеством, предрассудками и суеверием, настало, наконец, желанное «царство разума», о котором, как о новом «золотом веке», не уставали говорить все представители «просвещенного» столетия.

На деле, однако, события конца XVIII в., приведшие к разрушению твердынь феодализма в главных странах Западной Европы, означали лишь замену одной формы эксплуатации другой; оказалось, что победа капиталистического способа производства не только не освободила человечество от голода и холода, но и несла за собой невиданные ранее бедствия. «Разумный» общественный строй, к которому стремились подготовлявшие антифеодальную революцию философы, привел в действительности лишь к увеличению пропасти между бедностью и богатством. «Противоположность между богатыми и бедными, вместо того чтобы разрешиться во всеобщем благоденствии, еще более обострилась вследствие устранения цеховых и иных привилегий, служив-

ших как бы мостом над этой противоположностью, а также вследствие устранения церковной благотворительности, несколько смягчавшей ее» [1].

«Государство разума потерпело полное крушение», — писал Энгельс, отмечая то жестокое разочарование, которое не могло не охватить широкие массы людей в связи с полным несоответствием ожиданий действительности начала нового века. «Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, — разъясняет он далее, — что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность. Государство разума, — общественный договор Руссо, — оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой» [2].

Оптимизм буржуазных мыслителей XVIII в. и разочарование масс

Разочарование и бедствия широких масс в начале XIX в. поражали передовые умы тем сильнее, что огромное большинство просветителей дореволюционной эпохи неустанно твердило в своих сочинениях о неизбежном и бесконечном общественном прогрессе. Огромные успехи человеческого знания как раз в XVII—XVIII вв., казалось, давали вере в бесконечный прогресс и в области общественных отношений определенное оправдание. Французский физиократ-философ Тюрго в 1750 г. в речи «О последовательном прогрессе человеческого ума» создал своего рода гимн человеческому разуму; великий немецкий философ Кант восхвалял разум и все историческое развитие представлял в виде движения в сторону торжества справедливости и права; другой немецкий философ — Гердер в книге «Идеи к философии истории человечества» (1781 г.) также не только проповедует веру в прогресс, но готов призывать человечество как бы отвлечься от своих бедствий и перед взором иметь

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 192.
[2] Там же, стр. 190.

всегда картину своих будущих великих судеб: «Сомнения и жалобы людей, что в истории — одна смута, что едва заметен рост добра, происходят от того, что печальный путник видит перед собою лишь небольшую часть дороги. Если бы он окинул шире взглядом и лишь беспристрастно сравнил века, более обстоятельно известные нам из истории; если бы он вник, кроме того, в природу человека и взвесил, что такое руссудок и правда, он бы так же мало усомнился в этом, как в самых достоверных истинах физической природы».

Но, пожалуй, всего более замечательна непреклонная вера в разум, в бесконечный прогресс и в лучшие судьбы человечества философа и математика Кондорсе. Будучи одним из вождей жирондистской партии, он после якобинского переворота вынужден был скрываться от революционного трибунала в Париже в каморке у одной знакомой. Здесь-то и написал он свой главный труд «Очерки успехов человеческого разума» (1793), в котором указывает, что человечество на своем пути успело уже пройти целых девять эпох — на очереди переход к десятой, устраняющей всякое неравенство и угнетение.

В Англии конца XVIII в. Адам Смит также был поражен фактами невиданного расцвета промышленности и торговли, свидетелем которого являлся. В книге «О богатстве народов» он прямо отождествляет общественное благо с личными корыстными интересами капиталистов и готов отпустить им их грехи. Частный интерес в конкурентной борьбе на рынке толкает их к увеличению «богатства народов», и, даже думая лишь о собственном кармане и нисколько не заботясь об обществе, они фактически творят благо обществу: «В действительности у такого лица вовсе нет общего намерения служить общему благу... Если такой человек пускает капитал в сферу национальной промышленности, то вовсе не из патриотизма... Но думая всюду о собственном выигрыше, он в данном случае, как и во многих других, направляется мановением невидимой руки к достижению цели, которая вовсе не входила в его мысли». И это, утверждает А. Смит, «не беда для общества. Добиваясь личного обогащения, люди часто гораздо сильнее и действительнее работают на благо общества, чем если бы они прямо искали этого блага».

Поиски причин обнищания в законах самой природы

Разумеется, резкое ухудшение в положении широких народных масс в конце XVIII и начале XIX в. явно противоречило всем этим оптимистическим рассуждениям. Вместе с ростом производительных сил повсеместно наблюдалось резкое падение заработной платы и невиданный ранее рост пауперизма. О гармонии интересов, о «братстве», не могло теперь быть и речи. Потребность найти причины растущего обнищания и объяснить, почему не исполняются радужные пророчества, охватила теперь многие умы и скоро заняла центральное место в трудах экономистов. Понятно, что идеологи поднимающейся буржуазии не могли объяснить причины бедности изъянами в самой капиталистической системе, существованием частной собственности и свободной конкуренции. Все они, как и следовало ожидать, искали причины пауперизма в вечных и стихийно действующих законах самой природы.

Мы не будем останавливаться здесь сколько-нибудь подробно на экономических воззрениях Мальтуса и Рикардо. Укажем только, что все глубоко пессимистические рассуждения их были своего рода ответом на вопрос о причинах крушения «царства разума». Оба они, и Мальтус со своим учением о «принципах народонаселения», доказывающим неизбежность существования нищеты, и Д. Рикардо со своим учением о «естественном» низком уровне заработной платы, делающем совершенно бесплодной всякую борьбу рабочих за улучшение своего положения, доказывали всю невозможность осуществления того «рая на земле», о котором, как мы уже знаем, на все лады твердили в своих трудах лучшие люди буржуазии XVIII в.

Реакционный романтизм

Однако «царство разума», оказавшееся в действительности царством буржуазии, не только вело к обнищанию широких народных масс. Оно тяжело отразилось и на положении и благополучии дворянства,

подкашивая в то же время устои существования многочисленных мелких собственников — ремесленных мастеров, торговцев, сельских хозяев. Все они задыхались в цепких лапах крупных капиталистов — ростовщиков и предпринимателей, постепенно прибиравших к своим рукам их небольшие состояния. Бальзак в своих замечательных социальных романах дал нам целую галерею подобных стяжателей нового типа и одновременно обрисовал также и ужасную судьбу их жертв. Вспомните, например, деятельность г-на Ригу из «Крестьян» или печальную судьбу Цезаря Биротто.

Из рядов дворянских идеологов с начала XIX в. все громче стали раздаваться голоса критики, направленные справа против деятельности различных мистеров Домби или Скруджей. Во Франции реакционный публицист Николя Ленгэ еще задолго до революции резко критиковал разделение общества на две части — предпринимателей и рабочих, которое принесли новые капиталистические отношения. Жалея о феодальном прошлом, Ленгэ бил по наиболее уязвимым местам нового буржуазного правопорядка. В своей «Теории гражданских законов», написанной еще в 1767 г., он указывал, что свобода — один из ужаснейших бичей, что все, что рабочий выигрывает от разрушения старого строя, это — свобода умирать с голоду, и что положение лошадей завиднее, чем положение рабочих на фабриках и мануфактурах, так как их, «к счастью, еще никто не вздумал освобождать».

В начале XIX в. и особенно в период Реставрации и во Франции, и в Англии появилось множество дворянских критиков нарождающегося капиталистического строя. Они, подобно Бональду или де Местру во Франции, роптали по поводу безбожного каменного угля, отравляющего повсеместно воздух, или пели гимны феодальному палачу и восславляли виселицы для якобинцев. Целая плеяда поэтов-реакционеров в Англии, вдохновляясь сочинениями реакционера Эдмунда Бёрка, также проливала слезы по погибшей «старой, веселой Англии». Так возникло реакционно-романтическое направление общественной мысли. В 30—40-х гг. XIX в. на идейной основе реакционного романтизма возник «феодальный социализм» (см. лекцию VIII).

Мелкобуржуазный социализм

Не менее, если не более злой критикой встречали успехи нового способа производства и защитники старинного полупатриархального цехового строя, идеологи мелких торговцев и ремесленных мастеров, также не без основания усматривавшие в победном шествии капитализма смертельную угрозу. Наиболее видным представителем подобного «мелкобуржуазного социализма», как назвали это направление авторы «Коммунистического Манифеста», во Франции и Англии являлся на рубеже двух столетий экономист Сисмонди (1773—1842), тешивший себя иллюзиями и наивно полагавший, что колесо истории может быть пущено вспять и что вполне возможно «восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними старые отношения собственности и старое общество» [1]. Сисмонди действительно, подобно реакционным романтикам, вздыхал об уходящем в прошлое мелком производстве, и, резко и подчас весьма метко критикуя новые капиталистические порядки, мечтал об обществе, не знающем противоречий буржуазного производства и в то же время сохраняющем в неприкосновенности частную собственность и товарное производство. Ленин, как известно, в своей работе «К характеристике экономического романтизма» подверг уничтожающей критике взгляды самого Сисмонди и его последователей, в частности русских народников 90-х годов.

Появление новых социалистических теорий

Разумеется, все эти попытки найти в возврате к прошлому выход из создавшегося в итоге промышленного переворота положения были заранее обречены на полную неудачу. «Быстрое развитие промышленности на капиталистической основе сделало бедность и страдания трудящихся масс необходимым условием существования общества» [2].

Всеобщее разочарование в «царстве разума», свежий горький опыт буржуазной промышленной цивилизации

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 450.
[2] Там же, т. 19, стр. 192.

со всеми ее пороками, неясные еще помыслы самих эксплуатируемых масс о другом, лучшем будущем рано или поздно должны были привести к появлению новых социалистических теорий. Творцы их впервые подвергли систематической критике сложившийся на их глазах мир торжествующего капитализма и принялись искать выход из создавшегося положения не позади, а впереди, не в прошлом, а в будущем, т. е. в построении нового общественного строя, не знающего присущих капиталистическому обществу пороков. Теории эти по необходимости должны были носить, и носили, незрелый характер. Они соответствовали самому «незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям». Вследствие этого они заранее обречены были оставаться утопиями и действительно являлись ими. В них, однако, легко найти «зародыши гениальных идей», и они давали «в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих». Именно вследствие этого мы уделим критически-утопическим системам трех великих социалистов, выступивших как раз на заре нового XIX в., — Сен-Симона, Фурье и Оуэна — особое внимание.

Жизнь Сен-Симона

Клод Анри де Рувруа, граф де Сен-Симон, — родился в своем родовом поместье в 1760 г. и принадлежал к старинному дворянскому роду, восходящему к Карлу Великому. Молодого графа воспитывали гувернеры, домашние учителя, среди которых был и знаменитый д'Аламбер. Чтение философов-просветителей скоро сделало свое дело и привело тринадцатилетнего Сен-Симона к его первому столкновению со средою, выступавшей в данном случае в лице старого графа-отца: Анри наотрез отказался конфирмироваться в церкви, ссылаясь на свое неверие, и был за это отправлен крутым отцом в крепость для исправления. Характер у молодого Сен-Симона был прямой и упорный; тщетно попытавшись уговорить тюремщика отпустить его, Сен-Симон набросился на него и, силой отняв ключи, совершил побег. Сердобольной тетке с трудом удалось уговорить отца принять строптивца снова в дом, но столкновения не прекращались, и однажды, возмущенный

видом розог, припасенных для него учителем, Сен-Симон всадил перочинный ножик в зад незадачливого педагога!

В 1777 г. семнадцатилетним юношей Сен-Симон поступает в полк и скоро получает первый офицерский чин. Вместе с полком он по собственному желанию в 1779 г. отправляется за океан в Америку, где принимает участие в боевых действиях против англичан. Он возвращается оттуда лишь в 1784 г., успев предварительно побывать и в Мексике. Хотя он и возвращается из-Америки другим человеком, но продолжает тянуть лямку офицера в провинциальном городке до того момента, пока во Франции не вспыхнула революция.

Сен-Симон, два брата которого стали эмигрантами, а сестра была арестована революционными властями, приветствует события антифеодальной революции. Он отправляется на родину, в Пикардию, и там добровольно решается на поступок, сразу отделяющий его от дворянского прошлого. Он не только отказывается от своего графского титула, но и принимает новую фамилию «Боном», т. е. «простак», подчеркивая тем самым свою приверженность народу.

Революция, лишившая Сен-Симона всех его графских привилегий, открывает перед ним тем не менее широкие возможности. Уже в Америке свойственная ему предприимчивость находит свой выход в различных проектах, среди которых есть и план прорытия канала, соединяющего два океана через Панамский перешеек. По возвращении на родину он одно время носится с проектом превращения Мадрида в морской порт, принимает участие в организации компании капиталистов для эксплуатации общественных карет-дилижансов. Во время самой революции он приступает к закупке в больших масштабах национализированных земель, связывается с одним немецким бароном-спекулянтом, наживает крупные деньги. В период Директории он держит целый салон в Париже и женится на красивой и образованной женщине. Но начало XIX в. застает его без гроша: все его крупное состояние уходит на всевозможные проекты, эксперименты, барские излишества и т. п. В своей автобиографии он сам рассказывает, что, будучи в крайней нужде, обратился к графу Сегюру с просьбой найти ему место хотя бы конторского служащего.

Он и получил должность переписчика в парижском ломбарде. Занимая эту должность и работая по 9 часов в день, от трудился над интересующими его научными вопросами по ночам, кашлял кровью и, вероятно, погиб бы, если бы не встретился со своим бывшим слугой Диаром, который дал приют своему прежнему барину. Но Диар в скором времени умер, и Сен-Симон снова очутился почти на улице.

О том, какое существование он влачил, говорит нам один отрывок из его записок, датированный 1812 г.: «Вот уже две недели я питаюсь хлебом и водой, работаю без огня; я все продал, вплоть до моей одежды, чтобы оплатить издержки на переписку моих трудов. Страсть к науке и общественному благу, стремление найти способ для прекращения мирным путем страшного кризиса, переживаемого всем европейским обществом, довели меня до такой нужды...» (I, 104) [1].

Несмотря на то, что к этому времени Сен-Симон имел уже нескольких преданных учеников, кое-как поддерживавших его материально, он в 1823 г., не выдержав испытаний, сделал попытку покончить жизнь самоубийством, но, лишившись левого глаза, остался жить. В 1825 г. смерть, наконец, избавила бывшего сеньора и богача от всех лишений.

Сочинения Сен-Симона

Только сорокалетним человеком Сен-Симон приступил к научной и литературной деятельности. Не имея никакого систематического образования, он до самой своей смерти остается дилетантом в науке, но дилетантом гениальным. Тщетно искать в его литературном наследстве каких-либо написанных по определенному плану сочинений. Это обычно письма, трактаты, отрывки и фрагменты, в которых наряду с гениальными мыслями легко найти и различные чисто фантастические домыслы, наивные рассуждения и проекты. Сен-Симон и на своем чердаке остается барином-аристократом XVIII в., вся литературная продукция которого испол-

нена таких же удивительных противоречий, какими ис-

---

[1] Цит. по изданию 1948 г. Римская цифра означает том, арабская — страницу.

полнена была и сама жизнь этого потомка Карла Великого.

Первое его сочинение, вышедшее в 1802 г., это «Письма женевского обитателя к современникам», иначе «Женевские письма». Вслед за этим первым сочинением выходит в свет ряд других, из которых главные: «Введение к научным трудам XIX в.» (1808); «Промышленная система» (1821); «Катехизис промышленников» (1823); «Новое христианство» (1825).

Идеи Сен-Симона об историческом прогрессе и закономерности исторического развития

Первое, что бросается в глаза при анализе историко-философских взглядов Сен-Симона, это его отказ искать опору для своих положений в естественном праве, на которое неизменно ссылались все рационалисты XVIII в. В отличие от них Сен-Симон рассматривает общественные явления с исторической точки зрения и в то же время, отвергая какую-либо случайность, как последовательный детерминист, усматривает в развитии человеческого общества определенную закономерность, аналогичную с закономерностью в мире природы. Недаром Энгельс заметил, что «Гегель, наряду с Сен-Симоном, был самым универсальным умом своего времени».

Сен-Симон подчеркивает стадийность в развитии общества: за стадией теологической, охватывающей античное и феодальное общества, следует стадия метафизическая, а за этой последней — стадия позитивная, при которой господство будет принадлежать уже не священникам и феодалам, как на первой, и не юристам и метафизикам, как на второй, а ученым и промышленникам.

Сен-Симон твердо верит в общественный прогресс, в движение человечества к лучшему будущему, к «золотому веку», находящемуся впереди, а не позади, как это думали многие просветители XVIII в., призывавшие вернуться к прошлым уже давно утраченным порядкам. В отличие, однако, и от Кондорсе, и от других сторонников теории общественного прогресса XVIII в. Сен-Симон не представляет себе прогрессивное развитие общества в виде непрерывно восходящей линии: в истории, по его мнению, органические эпохи развития

перемежаются особенно бурными критическими эпохами, когда социальный мир сменяется классовой борьбой в особенно ожесточенной форме и новое рождается в процессе разложения и уничтожения старого. Отдельные исторические периоды сменяют друг друга, поднимая человечество на новые ступени развития. Так, рабовладельческий строй прогрессивнее первобытного состояния, а феодальный прогрессивнее рабовладельческого. При этом смена отдельных периодов происходит не в связи с сознательным желанием людей жить при новом строе, а необходимо, в связи с внутренними законами самого общественного развития.

Идеализм Сен-Симона

Что же, согласно Сен-Симону, движет вперед общественное развитие? Его двигают вперед философские идеи, правящие миром, но рождающиеся не случайно в головах того или иного мыслителя, а возникающие вполне закономерно на основе успехов наук и потребностей самого общества. «Философ не выдумывает ее (философскую систему. — *С. К.*), а постигает,— замечает В. П. Волгин в своей статье о Сен-Симоне.— Постигнутая, она усваивается обществом как научная для данной эпохи, существует, пока общество может в рамках ее развиваться, затем разрушается, чтобы дать место новой, соответствующей новому уровню знаний, новой эпохе» (I, 20).

Признавая именно идеи основным фактором общественного развития, Сен-Симон, таким образом, целиком продолжает стоять на почве идеализма. Тем не менее изменения в общественном строе связываются им с изменениями в области экономики, с изменениями формы собственности. Изменения эти ведут к переменам и в политическом строе. Французская революция XVIII в. была вызвана прогрессом не только в области развития знаний, но и в области экономической жизни, выдвинувшим вперед на смену другим социальным группам промышленников. Сен-Симон, однако, далек от признания примата экономического фактора и материалистического объяснения истории: в основе смены отдельных периодов лежит прежде всего смена мировоззрений, что же касается экономических отношений,

то они сами, определяя тот или другой политический строй, целиком зависят от прогресса человеческих знаний и, в конечном счете, от смены мировоззрений.

Сен-Симон о феодализме во Франции

Для того, чтобы разобраться в том новом, что внес Сен-Симон в науку об обществе, и понять, какой большой шаг вперед по сравнению с философами-просветителями XVIII в. он сделал, следует познакомиться с его представлениями об общественном развитии на конкретном примере разъяснения им истории феодальной Франции и перехода ее к новым общественным отношениям в конце XVIII — начале XIX в.

Сен-Симон указывает, что феодальная политическая система, возникшая в эпоху средневековья, держалась на сочетании физической силы военных-феодалов с приемами, основанными на хитрости и обмане и изобретенными священниками, что в конечном счете и обеспечивало знати и духовенству возможность порабощения населения. Но, полагает Сен-Симон, лучшей системы и не могло установиться в эту эпоху: с одной стороны, тогда повсеместно царило невежество, а с другой, невозможно было увеличивать богатство народа иначе, как путем захвата сырья, принадлежавшего другим народам. Следовательно, экономическая отсталость — низкий уровень развития производительных сил — толкали человечество к созданию феодальной системы. Военные были тогда полезны для общества, так же как и в духовной сфере священники, просвещавшие народ и прививавшие ему более высокие, чем языческие, нравственные правила.

Постепенно в недрах феодального общества начинает развиваться промышленность, точные науки, наблюдается прогресс в области просвещения и знаний. С течением времени в связи с этим исчезает не только монополия духовенства в области культуры, но исчезает также и самая основа его могущества. Феодалы, со своей стороны, также оказываются вынужденными допустить освобождение крепостных, что в свою очередь дает значительно больший простор для развития промышленности. Кроме того, со времени изобретения огнестрельного оружия само военное дело попадает

в полную зависимость от промышленности, что неизбежно ведет к ослаблению военных феодалов. С тех пор, как в феодальном обществе стали развиваться новые элементы, сами феодалы и духовенство оказались вынужденными пойти на ряд уступок промышленникам («индустриалам»), вступившим в борьбу со старым, отживающим свой век общественным строем. Сен-Симон первый с такой отчетливостью представил историю Франции как борьбу франков-феодалов и галлов-горожан и крестьян, и тем самым вдохновил Тьерри и других историков периода Реставрации на характерное для них представление о прошлом Франции, как постоянной борьбе класса феодалов с третьим сословием.

К XVIII в. феодалы и духовенство были вынуждены отступить под напором новых общественных сил, и влияние перешло к «юристам» и «метафизикам», т. е. философам. Последние тогда выражали интересы «индустриалов» и говорили от их имени. Они постепенно подвергли критике все существовавшие при феодализме учреждения и, пока условия для утверждения нового индустриального общества еще не окончательно сложились, играли, безусловно, весьма полезную роль, подобную той, которую ранее играли феодалы и духовенство.

Взгляд на французскую революцию, империю и Реставрацию

Французская революция, по Сен-Симону, только завершила длинную цепь развития. Цель ее состояла в том, чтобы уничтожить остатки феодального общества и в то же время окончательно утвердить новый индустриальный строй, длительное время уже вызревавший в недрах феодализма. Эпоха Французской революции была лишь заключительным периодом процесса падения старой социальной системы, процесса, совершавшегося в течение пяти-шести веков и к тому времени почти законченного, подчеркивает Сен-Симон. «Настоящей целью революции, — указывает он дальше — ...было образование новой политической системы» (II, 49—50).

Она, эта цель, заключалась далее в том, чтобы обеспечить все права «индустриалам» и создать наилучшие условия для экономического и политического развития Франции. И цель эта, безусловно, была бы благопо-

лучно достигнута, если бы во главе революции стояли те «индустриальные» элементы, интересам которых она призвана была служить, — банкиры, фабриканты, торговцы, ученые, крестьяне и рабочие. К несчастью, занятые полезным трудом, эти группы населения передоверили политическое руководство юристам и отвлеченным мыслителям-метафизикам. Последние в погоне за осуществлением свободы для всех членов общества упустили из виду, что «смутная и метафизическая идея свободы» сама по себе бессильна принести благосостояние обществу. Для этого необходимо создать общественный строй, способный действительно развивать все духовные и материальные силы общества, строй, не отделяющий каждого отдельного гражданина от другого, а, наоборот, сближающий всех граждан в одной общей ассоциации. В результате не промышленники («индустриалы») оказались после уничтожения феодализма во главе государства, а тот «класс», которому должна была принадлежать лишь одна только «посредствующая» роль.

Этот «посредствующий класс», который Сен-Симон называет иногда «буржуазией», включает в свой состав три категории разночинцев (т. е. недворян): 1) юристов, 2) военных и 3) землевладельцев-рантье. Именно этот класс побудил в 1789 г. народную массу восстать против дворян и изгнать их. Но, захватив с помощью народа верховную власть, «посредствующий класс» уже не выпустил ее из своих рук. «Он выбрал из своих рядов буржуа, которого сделал государем», т. е. выдвинул Наполеона, затем наделил титулами князей, герцогов, графов тех из своих членов, которые играли главную роль в революции, создал снова майораты в интересах нового дворянства и «восстановил феодальную систему в свою пользу» в виде наполеоновской империи (II, 150).

Реставрация Бурбонов сохранила то же неблагоприятное положение. Поэтому, писал Сен-Симон в 20-х гг. XIX в., для промышленников крайне важно избавить себя одновременно от господства «франков» (т. е. феодалов) и от верховенства «посредствующего класса». Но Сен-Симон не хочет новой революции. «Промышленный класс... должен соединить свои усилия с королевской властью для установления промышлен-

ного режима, т. е. режима, при котором наиболее видные промышленники составят первый класс в государстве и получат в свои руки управление государственным достоянием» (II, 150—151). «Промышленный класс» должен занять первенствующее положение между всеми, необходимо, чтобы все прочие классы ему были подчинены, указывает Сен-Симон.

Иллюзия солидарности фабрикантов и рабочих

Как мы видим, ясного понятия об общественных классах и классовой борьбе у Сен-Симона нет. В основу классовых делений он кладет различные признаки: то идеологические — деление на «теологов», «метафизиков», «ученых», то профессиональные — деление на «военных» и «юристов», то производственные и имущественные — классы «рантье» и «промышленников».

Под «промышленниками» («индустриалами») Сен-Симон подразумевает не только трудящихся города и деревни, не только рабочих, ремесленников и крестьян, но также и значительную часть крупных и средних собственников — организаторов промышленных и торговых заведений, а также банков. Разумеется, Сен-Симон не может не видеть противоречий среди самих «индустриалов», но он считает, что противоречия эти отступают на задний план ввиду общей для всех «индустриалов» цели — свержения власти непроизводительных классов общества, неиндустриалов. Расцвет торговли и промышленности отвечает интересам и предпринимателей — организаторов хозяйственной жизни — и работников, поскольку он ведет к уничтожению безработицы и повышению технической квалификации рабочих и их заработной платы. Именно предпринимателям следует в будущем доверить руководство народным хозяйством: по самой природе вещей руководители промышленных предприятий (являющиеся подлинными вождями народа, так как именно они командуют им в сфере его повседневных работ) в своих собственных интересах всегда будут стараться возможно более расширить свои предприятия, а благодаря их усилиям в этом направлении

максимально возрастет — в пределах возможного — общая масса работ, выполняемых «людьми из народа».

Разумеется, мысль о совпадении интересов предпринимателей и рабочих, возможно, навеянная Сен-Симону воспоминаниями о предреволюционной борьбе и предпринимателей, и трудящихся против ненавистных всем привилегированных, является совершенно неверной, утопической. Относительно отсталая экономика Франции, только еще вступавшей при Наполеоне в период промышленного переворота, затушевывала в известной мере классовые антагонизмы, и, кроме того, предприниматели того времени еще обычно непосредственно участвовали в хозяйственной жизни в качестве организаторов производственного процесса. Это в известной мере наталкивало Сен-Симона на ошибочную мысль о солидарности интересов между промышленниками — собственниками средств производства и рабочими, мысль, нужную ему для обоснования своего положительного общественного идеала.

Общественные идеалы Сен-Симона

Выясняя положительные идеалы Сен-Симона, следует подчеркнуть, что предложенные им реформы общественного строя носят совершенно мирный, исключающий какое-либо насилие характер. «Способ убеждения есть единственный, который мы можем употреблять для достижения нашей цели», — подчеркивает он. — «...Если бы даже нас преследовали, как первых христиан, пользование физической силой было бы для нас совершенно исключено».

Реформы должны вместе с тем вводиться постепенно, имея своей основной целью, и это неизменно подчеркивается Сен-Симоном, прежде всего «наивозможное улучшение участи того класса, у которого нет иных средств существования, кроме собственных рук». «Моя цель — облегчить участь этого класса не только во всей Европе, но и во всем мире», — указывает он, отмечая, что первый же расходный параграф бюджета государства, составленного министром финансов, принадлежащим к классу «индустриалов», должен «гарантировать существование людям, не имеющим собственности, обеспечив работу лицам трудоспособным и материальную помощь инва-

лидам». Именно об этих людях, пишет он, должны были бы главным образом думать правительства, а между тем они меньше всего заботятся об их интересах.

Начать коренное переустройство общества следует, по Сен-Симону, с частичных реформ: устранения наследственной знати; выкупа земель у землевладельцев, не занимающихся сельским хозяйством; облегчения положения крестьянства и т. п. Затем, после проведения этой подготовительной работы, возможно будет приступить к полной реорганизации политического строя путем отстранения от власти непроизводительных классов и передачи всего управления и политикой, и экономикой наиболее талантливым предпринимателям из рядов «индустриалов», причем сам народ не должен будет принимать в этой реорганизации никакого участия: «Задача будет разрешена в его интересах, но сам он остается в стороне, пребывая пассивным», — указывает Сен-Симон.

Во главе будущего общественного строя будут, следовательно, стоять наиболее образованные и способные банкиры, фабриканты и купцы вместе с наиболее видными учеными. «Прочь Александры, уступите место ученикам Архимеда!» — патетически возглашает Сен-Симон уже в первом своем произведении — «Письма женевского обитателя» в 1802 г. Позднее он развил эту сторону своего учения, подробно разъяснив значение передачи всех функций управления в руки особо сведущих людей. Предположим, рассуждает Сен-Симон, что Франция внезапно теряет по пятидесяти своих лучших физиков, химиков, поэтов, заводчиков и т. д. В этом случае «нация стала бы телом без души». «Для Франции потребовалось бы по крайней мере целое поколение, чтобы поправить это несчастие» (I, 430). Совершенно иным был бы результат, если бы Франция, сохраняя всех своих гениальных людей, имела бы несчастие в один день потерять всех сановников, чиновников, судей, самых богатых землевладельцев. Эта гибель тридцати тысяч человек причинила бы боль лишь чувствительности французов, так как для государства из нее не проистекло бы никакого политического несчастья (I, 431).

Организованный труд при сохранении частной собственности

Власть в реорганизованном обществе, по мысли Сен-Симона, должна быть исключительно в руках высокоодаренных «индустриалов», заседающих в трех отдельных палатах — палате изобретений, палате исследований и палате исполнения. Все они образуют новый парламент, облеченный высшей политической властью и одновременно являющийся и высшим хозяйственно-планирующим органом в стране. Частная собственность при этом не уничтожается, и индивидуальные капиталы в руках банкиров и фабрикантов сохраняются в неприкосновенности, но экономическая жизнь будет носить организованный характер, исключающий всякую анархию производства со всеми, присущими ей социальными последствиями — безработицей, пауперизмом и т. д.

Не трудно понять, что картина грядущего строя, нарисованная Сен-Симоном, есть в сущности не социалистическое, а только идеализованное капиталистическое общество. Мысль его о том, что передача всей полноты власти предпринимателям-промышленникам и ученым способна принести социальное освобождение трудящимся, есть чистая утопия, несбыточная мечта, способная в устах идеологов капитализма служить орудием пропаганды солидарности классовых интересов и доказательством «возможности» построения «организованного» общества частных собственников.

Но сам Сен-Симон не думал ни о чем подобном! Незадолго до смерти, подводя в «Новом христианстве» итог пройденному пути, он писал: «Всякое общество должно заботиться о возможно более быстром улучшении нравственного и физического состояния бедного класса; оно должно организоваться таким способом, который всего более соответствует достижению этой цели». Поэтому-то К. Маркс и говорил, что лишь в последней своей работе Сен-Симон «прямо выступил от лица рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений», в то время как его более ранние произведения «фактически представляют собой лишь прославление современного буржуазного общества в противоположность феодальному или прославление промышленников и банкиров в противоположность

маршалам и фабриковавшим законы в наполеоновскую эпоху юристам»[1].

Сен-Симон защищает не столько организованный капитализм, сколько организованный труд, привлекая к руководству капиталистов-промышленников не как капиталистов, а как организаторов производства. Он не отдавал себе отчета в том, что последние могут организовать труд лишь по-капиталистически. Но если отвлечься от этой ошибочной мысли, остается все же то бесспорное положение, что именно Сен-Симон первый выдвинул идею преодоления анархии капиталистического производства не путем построения мелких, распыленных общин, а путем организации производства в мировом масштабе, путем организации единой всеобъемлющей производственной ассоциации.

«Новое христианство»

По сравнению с гениальными прозрениями Сен-Симона, сумевшего раньше других послереволюционных мыслителей подняться над капиталистическим хаосом и верно схватить направление общественного развития, второстепенное значение имели его религиозные искания. На склоне своих дней он пытался спасти религию для будущего общества, согласовав ее с успехами науки (отсюда и название его последнего труда «Новое христианство»). Не следует думать, что сохранение религии понадобилось Сен-Симону для утешения или обмана масс, для укрепления господства капиталистов в обществе будущего. Вовсе нет: «Новое христианство» Сен-Симона и его ближайших учеников весьма далеко от реформированного христианства. Оно выражало, в первую очередь, стремление Сен-Симона и его учеников-социалистов придать религиозную санкцию задаче общественного преобразования, облегчить пропаганду своего учения среди имущих классов и, лишь во вторую очередь, — отражало их недоверие к растущей активности пролетарских масс.

Сен-симонисты

После смерти Сен-Симона его учение было развито и углублено его учениками и последователями Базаром (1791—1832), Анфантеном (1796—1864) и Род-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 154.

ригом (1794—1851). В 1829 г. они выпустили книгу «Изложение учения Сен-Симона»[1], являющуюся попыткой не только передать основные историко-философские воззрения учителя, но и развить их дальше уже в чисто социалистическом духе.

Сен-симонисты значительно уточняют воззрения Сен-Симона, носившие противоречивый и не всегда ясный характер, и, в отличие от него, уже не усматривают в «индустриалах» один общий класс: для сен-симонистов рабочие представляют особый класс эксплуатируемых, имеющий собственные интересы. В выпущенной сен-симонистами книге пролетариату и праву собственности посвящена отдельная глава, говорящая о «последовательном преобразовании эксплуатации человека человеком» и носящая подзаголовок: «Господин, раб.— Патриций, плебей.— Сеньор, крепостной.— Праздный, трудящийся». Здесь указывается, что эксплуатация, носившая в прошлом прямой и грубый характер и осуществлявшаяся в форме рабства, в настоящее время «находит в значительной степени свое продолжение в отношениях между собственниками и трудящимися, между хозяевами и наемными рабочими». «Отношение хозяина к наемному рабочему есть последнее преобразование, которому подверглось рабство». И далее указывается, что соглашение между ними в действительности вовсе не носит добровольного характера, «ибо рабочий... должен под страхом голодной смерти согласиться на предлагаемую ему сделку» (стр. 227—228).

Самую возможность эксплуатации труда капиталом сен-симонисты прямо связывают с институтом частной собственности и вследствие этого требуют его отмены путем уничтожения права наследования с передачей накопленных отдельными лицами богатств государству. Они прослеживают развитие и изменение в ходе истории различных форм собственности и приходят к выводу, что необходимо ее «последнее изменение».

Государство — наследник всех богатств — должно положить конец свободной конкуренции и создать новую плановую организацию производства и распределения — ассоциацию трудящихся. Государство не должно брать на себя непосредственную организацию производства.

---

[1] Цит. по изданию 1947 г.

Этой организацией следует заняться банкам с особым центральным банком во главе. Они должны будут распределять между работниками средства производства и собирать необходимые сведения о потребностях и нуждах страны.

Сен-симонисты считают, что в будущей ассоциации не будет существовать равного вознаграждения за проделанный на пользу общества труд: «каждому по его способности, каждой способности по ее делам» — таков основной лозунг сен-симонистов. Тем самым они рассчитывают стимулировать в ассоциации производительность труда и избегнуть того коммунизма потребления, который накладывал на учение Морелли и Бабефа отпечаток грубой уравнительности.

Разумеется, что и сен-симонисты — такие же утописты, как их великий учитель. И они вовсе не связывают осуществления своего социалистического идеала с классовой борьбой пролетариата. И если они уже не обращаются больше к сильным мира сего, например к королю, как это делал Сен-Симон, то взывают все-таки не к рабочему классу, а ко всему человечеству в целом. Они так же, как и сам Сен-Симон, убежденные противники насильственных мер и рассчитывают осуществить предложенную ими социальную реформу постепенно, путем одного лишь убеждения.

Верные заветам своего учителя, сен-симонисты проповедовали «новое христианство» и даже готовы были сохранить обряды, сходные с католическими. Объединение сен-симонистов именовалось «церковью», а его руководители — Анфантен и Базар — «отцами». Но религия сен-симонистов носила пантеистский характер: у них «бог не есть чистый дух. Бог — все, что существует, — все в нем; все через него; все — он» (В. П. Волгин). Политическое устройство преобразованного общества сен-симонисты мыслили себе как иерархию, но не знатности и богатства, а иерархию способностей. Члены будущего общества в зависимости от их способностей распределяются на «три больших аспекта социальной деятельности будущего: священники, ученые, промышленники — вот общество в целом» (стр. 44). Руководят обществом священники, глава его — верховный первосвященник — носитель высшей любви, олицетворение закона.

Таким образом, сен-симонисты, не видевшие вокруг себя общественной силы, способной преобразовать жизнь людей, склонялись к идее теократии, что сближает их с ранними утопистами, с Кампанеллой. В революционное творчество масс сен-симонисты не верили, к демократии относились с насмешкой.

Распад школы сен-симонистов

Школа сен-симонистов оставила крупный след благодаря заложенным в «Изложении...» социалистическим идеям. Однако для практической пропаганды социализма и для осуществления сен-симонистских планов она сделала весьма немного: уже вскоре после Июльской революции община последователей Сен-Симона распалась, а отдельные эпигоны сен-симонизма с течением времени выродились в дельцов крупной капиталистической складки: Анфантен, например, нашел себе место директора в частной железнодорожной компании, а Родриг в числе других французских финансистов в 40-х гг. участвует в железнодорожном строительстве, организации сберегательных касс, обществ взаимопомощи и т. п.

Оценка Сен-Симона классиками марксизма

К вырождению своей школы сам Сен-Симон имел, понятно, весьма малое отношение. Конечно, он целиком разделяет с Фурье и Оуэном те ошибочные положения, о которых говорится в «Коммунистическом Манифесте». Но он делит также с ними славу людей, смело показавших в годы жестокого разочарования, наступившие вслед за крушением «царства разума» и всех связанных с ним надежд, выход из создавшегося, казалось бы, безнадежного положения.

Анализируя основные положения Сен-Симона, Ф. Энгельс прямо указывает, что «теоретический немецкий социализм», т. е. социализм научный, стоит и на его плечах. В книге «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельс уделяет большое место рассмотрению его идей, которые прямо называет гениальными. Ф. Энгельс хорошо видит характерную для Сен-Симона противоречивость и подчеркивает, что у него «рядом

с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное»[1]. Все это, однако, не мешает Энгельсу подчеркивать огромное значение трудов Сен-Симона, этого бывшего французского знатного сеньора, а затем бедняка-интеллигента, для всего позднейшего развития социалистических идей.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 191.

ЛЕКЦИЯ VI

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ ШАРЛЯ ФУРЬЕ

Характер творчества Фурье

Почти одновременно с системой Сен-Симона сложилась социалистическая система Шарля Фурье. Обе системы выросли на одной и той же почве Франции конца XVIII и начала XIX в. Сравнивая обоих мыслителей, молодой Энгельс отмечал то важное преимущество Фурье, что у него есть «нечто, чего не найти у сен-симонистов, а именно — научное изыскание, трезвое, свободное от предрассудков, систематическое мышление, короче — *социальная философия*, между тем как сен-симонизм может быть назван только *социальной поэзией*»[1]. Несмотря на то, что и в учении Фурье легко найти много фантастического и даже сумасбродного, несмотря на религиозно-мистический покров, прикрывающий многие его мысли, мы не пойдем по стопам Дюринга, не сумевшего разглядеть за «чудачествами» Фурье «зародыши гениальных идей», и не будем забывать, что, по словам Энгельса, научный социализм «стоит на плечах» и этого великого социалиста-утописта.

Ш. Фурье оставил богатое литературное наследство. Его труды не столь бессистемны, как сочинения Сен-Симона, но, пожалуй, еще более трудны для понимания и усвоения, так как Фурье прибегает не только к различным образам и аналогиям, но и к словотворчеству,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 528.

уснащая свой текст такими выражениями, которые порой понятны были лишь ему самому.

Тем не менее, несмотря на многие странности, встречающиеся в его учении, Фурье «беспощадно вскрывает все материальное и моральное убожество буржуазного мира»[1], и именно это заставляет нас с особым вниманием отнестись к высказанным им взглядам.

Жизнь Фурье

Фурье родился в купеческой семье в 1772 г. в г. Безансоне и после нескольких школьных лет должен был проходить выучку в различных торговых домах Лиона. Семья готовила его к торгашеской деятельности, к которой еще у Фурье-мальчика возникло отвращение. В 1792 г. Фурье по требованию родных был вынужден открыть в Лионе собственную колониальную лавку, но недолго оставался у прилавка: наступил 1793 год, мятеж жирондистов в Лионе; город заняли якобинцы. Молодой Фурье был мобилизован в войска мятежников, а товары его были ими реквизированы,— он не только потерял свое состояние, но и сам чуть было не погиб. Ему удалось бежать из Лиона в родной Безансон, где он вскоре вступил уже в революционную армию. Из рядов последней он был уволен в связи с плохим здоровьем в 1796 г. и до 1800 г. служил в различных торговых предприятиях Лиона, Парижа, Марселя. То, что он видел в этих «мастерских лжи», дало ему богатый материал для критики самых различных сторон существующего общества, к которой он позднее обратился.

К литературной деятельности Фурье приступил в 1800 г. и три года спустя опубликовал небольшую статью «Всемирная гармония», где в зародышевой форме уже содержались все его главнейшие идеи.

В 1808 г. Фурье выпустил в свет свое первое крупное сочинение «Теорию четырех движений и всеобщих судеб», в котором дал первое изложение своего общего миропонимания, концепцию развития человечества в ходе истории, дал и критику существующего социального строя и высказал свои взгляды на будущее. Позднее он написал еще три крупные работы: «Трактат о домовод-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 196.

ческо-земледельческой ассоциации» (1822, в посмертном издании — «Теория всемирного единства»); «Новый хозяйственный и общественный мир» (1829) и «Ложное хозяйствование — раздробленное, отталкивающее, обманное — и его противоположность — хозяйствование, сообразное с природой, согласованное, привлекательное, истинное, дающее учетверенный доход» (1835—1836).

Писал Фурье и по внешнеполитическим вопросам и в то же время, подобно Сен-Симону, носился с различными проектами и планами в самых различных областях: то изобретал новую систему нотного письма, то выступал с предложением строительства деревянных, а затем и железных рельсовых путей с целью облегчить конную перевозку грузов!

Средства к существованию Фурье добывал конторской работой и частными уроками. С 1829 г. он окончательно перебрался в Париж, жил здесь одиноко, не имея семьи. Наивность его не знала никаких границ: сделав однажды объявление в газетах о том, что будет ждать у себя в определенный час того капиталиста, который пожелает разделить с ним самим славу освободителя человечества и даст миллион франков, необходимых для организации первого фаланстера, он в дальнейшем всегда в указанный час оставался дома, все поджидая этого капиталиста. Гейне рассказывает, что часто встречал на улицах Парижа в начале 30-х гг. старика Фурье в сером поношенном сюртуке, когда тот шел в лавку купить себе хлеба и вина — пищу французов-бедняков. Надломленный жизненными неудачами и крушением надежд увидеть при жизни осуществление предложенного им «социетарного строя», непонятый современниками, даже собственными учениками и последователями, он, больной, упорно отказывался от всякой помощи и ухода. 10 октября 1837 г. консьержка, поднявшаяся поутру в его скромное жилище, нашла Фурье мертвым. Немногие друзья и ученики проводили его тело на недалекое Монмартрское кладбище.

Общефилософские взгляды

Общефилософские взгляды Фурье не оригинальны: он во многом повторял идеи просветителей XVIII в., в особенности Гольбаха и Гельвеция.

Маркс указывает, что Фурье непосредственно исходил из учения французских материалистов и это прежде всего относится к тем двум идеям, которые лежат в основании всех его рассуждений, всего его мировоззрения: во-первых, к идее всемирного единства, т. е. к утверждению, что существует единство в движении мира материального и духовного; и, во-вторых, к идее всеобщей закономерности. Обе эти идеи легко можно обнаружить у французских материалистов XVIII в., и Гельвеций, например, в своем сочинении «О человеке» утверждал, что «в мире нравственном происходит то же, что и в мире физическом». Фурье подчеркивает единство вселенной и ее частей, единство природы и человеческого общества. И природа, и человеческое общество подчинены одним и тем же всеобщим законам, открыть которые и должно разумное человечество. В основе и природы и общества лежит движение. Великий Ньютон открыл в XVIII в. закон всемирного тяготения, вскрыл закономерности, лежащие в основе движения материального; Фурье же, как он сам полагал, открыл законы движения человеческого общества, законы, управляющие социальным миром.

Место бога в учении Фурье

Фурье выдавал свое «открытие» за «план провидения», а самого себя объявлял скромным провозвестником «воли божией» и свои высказывания облекал в религиозно-мистическую оболочку. В связи с этим необходимо здесь дать некоторые пояснения. В произведениях Фурье бог — верховное существо — то наделяется человеческими страстями, подобно античным богам (эта антропоморфизация распространяется у Фурье на всю природу!), то изображается неким триединством, формально напоминающим христианскую троицу. Но по сути дела ничего общего с божеством какой бы то ни было религии этот бог не имеет. В учении Фурье бог — это только выражение единства мироздания, стремящегося к гармонии. Триединство Фурье состоит из трех извечных и несокрушимых начал природы: одно из них — бог, или дух, — начало активное, движущее; другое — пассивное, движимое — материя; третье начало — математика, или справедливость, начало нейтральное,

регулятор движения, выражающий закономерное отношение между двумя первыми началами.

Бог Фурье действует отнюдь не по своему произволу. Он подчиняется твердым и неизменным математическим законам, от него не зависящим, и, будучи одним из начал природы, сливается с нею в высшем единстве мироздания. В своих действиях бог, по Фурье, имеет целью привести человека к счастью. Но он не вмешивается непосредственно в жизнь человека, не навязывает ему свою волю.

Поскольку бог и природа составляют однозначное единство, вера Фурье в бога означает не что иное, как неограниченное доверие к природе. Поскольку же угодный богу порядок — это порядок, соответствующий требованиям природы, то человек должен постигнуть божественные законы, познавая законы природы. На основе такого познания человек сможет осуществить новый, природосообразный общественный строй, строй гармонии. Путь к такому познанию — не старое религиозное откровение, а новая «социальная наука», ведущая к «социальному откровению». Эта наука обладает ключом к судьбам вселенной и человечества. Отныне, следовательно, в мире нет ничего такого, что не поддается научному познанию.

Как видно из сказанного, идеалистическая в своей основе метафизика Фурье внешне напоминает деистические и пантеистические учения XVII—XVIII вв. Она весьма своеобразна: проникнутая верой во всемогущество рационального научного познания, она сочетается с элементами монизма, детерминизма, материализма, диалектики. Как полагает советский исследователь И. И. Зильберфарб, своеобразная религиозно-мистическая оболочка, в которой Фурье преподнес свое мировоззрение, была создана им (как до него поступали многие передовые мыслители вплоть до Руссо, Робеспьера и Бабефа), дабы придать предлагаемой социальной теории форму, приемлемую для широкого круга современников, в том числе людей верующих.

Наличие в учении Фурье бога, от имени которого он выступает, его нападки на атеизм и видимая религиозность не имеют ничего общего с религией церкви. С церковью Фурье не имел в своей жизни никаких связей, часто восставал против нее со всей решитель-

ностью, и католическая церковь, со своей стороны, отвечала ему взаимностью — осудив его учение и включив его труды в «указатель запрещенных книг».

Учение о страстях

В чем же суть возвещенного Фурье «открытия»? Он полагает, что в основе развития человеческого общества, точно так же как и в основе физического мира, лежат законы всеобщего тяготения и притяжения. Во вселенной небесные тела стремятся друг к другу согласно законам, открытым Ньютоном, законам всемирного тяготения и притяжения. В человеческом обществе люди стремятся друг к другу по законам притяжения и отталкивания по страсти. «Я подозревал, что эта аналогия могла бы распространяться от общих законов до законов частных, что притяжения и природные свойства животных, растений и минералов были, может быть, координированы по тому же плану, что и притяжения и свойства человека и небесных тел, — указывает сам Фурье. — ...Так была открыта новая точная наука — аналогия четырех движений: материального, органического, животного и социального...» [1]. Так, отправляясь от идеи единства и всеобщей закономерности природы и человека, Фурье пришел к выводу, что присущие человеку страсти являются проявлением господствующего в мире общего закона тяготения и притяжения материи.

Притяжение по страсти, присущее человеку, следовательно, правит миром социальным. Раскрыть страсти, описать и классифицировать их, согласно Фурье, — единственный путь к реорганизации общественных отношений и построению нового общественного строя, не знающего бедствий, присущих современности. При этом все страсти заложены в человеке богом не случайно, а по определенному плану. Все они, даже, казалось бы, самые отвергаемые, полезны и необходимы. Они могут и должны быть использованы при попытках коренной реорганизации общественных отношений.

Фурье посвящает анализу присущих человеку страстей и их подразделению большое место, так как именно учение о них лежит в основании всех его главнейших

---

[1] Цит. по изданию 1951—1954 гг., т. 1, стр. 106.

выводов и построений. При этом он, разумеется, далек от подлинной научности. Он перечисляет отдельные страсти, присущие человеку, исходя исключительно из данных своих наблюдений, своеобразно систематизированных. Предложенная Фурье система классификации страстей, при всей ее фантастичности, не лишена здравого смысла и, во всяком случае, является вполне оригинальным его творением.

Согласно Фурье, люди обладают тремя группами страстей. Первая их группа направлена к удовлетворению «аппетита чувств» и охватывает стремление человека к роскоши внутренней (здоровье) и внешней (богатство) и обозначена Фурье словом «люксизм»; вторая относится к удовлетворению «аппетита души», охватывает страсти, направленные к образованию «душевных» связей между людьми, и обозначена словом «группизм»; третья, наконец, относится к удовлетворению «аппетита духа», выражает присущее людям стремление к образованию творческих объединений, которые Фурье называет «сериями» — отсюда ее наименование — «серизм».

Каждая группа включает соответствующие страсти. Так, «люксизм» охватывает пять страстей, связанных с нашими органами чувств; «группизм» — четыре страсти привязанностей — дружбу и человеколюбие в качестве бóльших, любовь и семьелюбие в качестве меньших; «серизм» охватывает три направляющие страсти: страсть к интриге, к соревнованию — «кабалиста»; страсть к переменам, к разнообразию — «папийонна»; страсть к согласованию, к творчеству, создающая увлечение, энтузиазм — «композита». Наконец, Фурье полагает, что согласованная игра всех двенадцати страстей приведет к выявлению еще и особой тринадцатой страсти. Страсть эту, пока еще неизвестную обществу, он называет «унитеизмом», страстью к единству: это — высшая, «стержневая» страсть, выражающая стремление человека сочетать свое личное благополучие с благополучием всего человеческого рода, стремление к всеобщему благу.

Те страсти, которые в существующих условиях не в состоянии проявить свои положительные качества, при других условиях, наоборот, будут служить общественному целому и мощно двигать общество вперед. Это относится к трем страстям «серизма» прежде всего.

Страсть к интриге, или «кабалиста», например, поможет развертыванию соревнования между отдельными людьми и группами их. Она, эта наиболее презираемая в настоящее время страсть, станет мощным рычагом для подъема производительных сил. Из этой страсти «родится общее усовершенствование хозяйства», она принесет при своем развитии «чудесный расцвет человеческих способностей». То же самое и со страстью, которую Фурье называет «композитой». Труд, не дающий никакой радости в существующих условиях, станет творческим, будет при иных условиях сопряжен с огромной радостью, весельем, энтузиазмом. Страсть к перемене также получит свое полное удовлетворение лишь при иных общественных условиях. Люди стремятся к разнообразию, к переменам в своей трудовой деятельности. При соответствующей организации необходимых обществу работ, позволяющей людям трудиться в самых различных областях, «порхание», переход от одного вида трудовой деятельности к другой, будет иметь большое значение и будет способствовать значительному повышению производительности труда.

Фурье, следовательно, кладет в основу всех своих социологических построений самую природу человека и страсти, присущие человеку. Все эти страсти он считает заложенными в человеке богом с целью обеспечить людям свободное их удовлетворение. Дурных страстей, по мнению Фурье, не существует вовсе, и все, что заложено в нас богом, может и должно быть направлено на пользу всего общества.

Историческое развитие человечества у Фурье

Общественно-исторические взгляды Фурье так же весьма оригинальны. Исходя из своего учения о притяжении по страсти, аналогичном будто бы закону всемирного тяготения Ньютона, он полагает, что человечество в своем историческом развитии проходит ряд фаз и периодов, продвигаясь сперва к гармоническому общественному строю, а затем снова возвращаясь к дисгармонии и распадению. Хотя сама схема исторического развития человечества и построена Фурье из головы, чисто рационалистическим путем, в ней много глубокого,

подсказанного познанием подлинной истории человечества. За фантастическим покровом, как и всегда у Фурье, скрываются важные, если не гениальные мысли.

Всех фаз в развитии человечества четыре. Они аналогичны развитию и отдельного человека, проходящего фазы детства, юности, зрелости и старческого одряхления, предшествующего смерти. Фазы, в свою очередь, делятся на периоды. Первая фаза, или «детство», человечества проходит через семь отдельных периодов и длится около 5 тыс. лет. Периоды эти — первоначальный, или «эденический», дикость, патриархат, варварство, цивилизация, «гарантизм» — начало перехода к счастью — и, наконец, рассвет счастья — «социантизм».

Следующие — вторая и третья фазы — различные ступени «гармонизма» — охватывают по девять периодов каждая и в общей сложности должны длиться до 70 тыс. лет. Четвертая фаза, распадающаяся на 7 периодов, длится снова лишь 5 тыс. лет. После 80 тыс. лет земного существования должен наступить конец человеческого рода, в связи с прекращением жизни на нашей планете. Поскольку, по мнению Фурье, человечество к его времени, т. е. к началу XIX в., прошло еще только первые четыре периода первой фазы и вступило в пятую—период цивилизации, ему предстоят еще многие тысячи лет гармонического и вполне счастливого существования. Задача мыслителя, постигшего самый смысл человеческого существования и понявшего божественное предначертание, состоит в том, чтобы разъяснить людям их будущие судьбы и облегчить и ускорить переход от периодов, когда человечество испытывает лишь одну «тень счастья», к периодам, когда уже намечается «рассвет счастья», а затем через скачок «от хаоса к гармонии» — к долгим векам гармонического существования.

Фурье указывает, что человечество появляется на земле уже с теми страстями, которые созданы богом в предвидении будущего гармонического существования. Первоначально страсти эти не вступают в противоречие с общим благом, так как тогда удовлетворение потребностей при редком населении не представляет для людей никаких трудностей. Лишь позднее, по мере размножения, первоначальная гармония разрушается, на смену первобытным группам-ассоциациям приходят семьи, объединяющиеся в свою очередь в орды. Появляются

вожди, и женщина попадает в подчиненное положение. На почве раздоров, связанных с нуждой, возрастает власть отца, и общество переходит в патриархальный период своего развития. Но и при патриархате производство еще значительно отстает от потребностей, и это приводит к возникновению деспотизма и распадению общества на два класса — господ и рабов. Это — период варварства, период порабощения и закрепощения большинства людей и, в частности, женщины. Но появление рабства позволяет значительно продвинуть вперед производство и вместо мелкого производства перейти к более крупному. Появление же крупного производства создает материальные предпосылки для перехода к цивилизации. В дальнейшем с развитием строя цивилизации уже вполне возможен переход к гармонии, так как «цивилизация» создает науки и искусства. Возможность организации согласованного крупного хозяйствования создает все условия для того, чтобы «тень счастья» сменилась его «рассветом».

Критика строя цивилизации

Цивилизация уже дошла до высшей точки своего развития, до своего апогея. Она создала все условия для перехода к счастью. Она привела к освобождению ранее порабощенных масс и раскрепостила женщину. Но то, что уже выполнило свое предназначение, должно неизбежно или дать дорогу новому, или же начать клониться к своему упадку. Это-то и происходит с цивилизацией: двигаясь ранее вперед, она ныне двинулась вспять. Сами прежние достижения, ранее служившие на пользу человечеству, теперь стали приносить ему вред: свобода стала вырождаться в торговую анархию, ведущую к монополии торговых компаний, она снова стала вести человечество к новому рабству, основанному не на тирании феодалов-дворян, а на тирании союзов крупных собственников-капиталистов. «Цивилизация начала свое существование с крупных вассалов или олйгархов..., она должна его закончить возвращением крупных вассалов, принявших другой образ — образ директоров или шефов акционерных компаний»[1].

---

[1] Цит. по книге: Арк. А-Н. Шарль Фурье. М., 1922, стр. 120.

Фурье, отмечает Энгельс, «рисует порочный круг» непреодолимых и вечно возобновляющихся противоречий, в котором движется цивилизация, всегда достигая результатов, противоположных тем, к которым искренне или притворно она стремится. Например, по мысли Фурье, «бедность рождается при строе цивилизации из самого изобилия» (III, 91). «Фурье, — заключает Энгельс, — ...так же мастерски владеет диалектикой, как и его современник Гегель»[1].

Переход от одного социального строя, от одного периода в развитии человечества к другому совершается, согласно Фурье, прежде всего под влиянием развития производства. «Если бы было возможно, чтобы крупное производство народилось в первом обществе (т. е. периоде — *С. К.*), — указывает он, — род человеческий был бы избавлен от необходимости пройти через пять злосчастных периодов... и поднялся бы непосредственно от первого к седьмому...» (I, 168), т. е. к строю ассоциации, называемому им социантизмом, через который человечество должно достичь гармонизма.

В «Новом промышленном мире» Фурье, подчеркивая особенно положительную роль хозяйственного развития, указывает, что строй цивилизации, начинающийся с государств древнего мира, особенно замечателен тем, что созданные им крупное производство, наука и искусство являются средствами, «чтобы подняться выше по восходящим ступеням общественного развития, не коснеть навеки в этой бездне страданий и смехотворных явлений, именуемой цивилизацией...» (III, 40).

Таким образом, современную эпоху Фурье характеризует как эпоху упадка цивилизации, успевшей создать в виде крупной промышленности, наук и искусств все, что необходимо для перехода к новым, более высоким ступеням развития, но неспособную совершить этот переход и потому пошедшую по пути своего разложения. Признаки разложения, пороки современной ему цивилизации Фурье усматривает прежде всего в том вопиющем беспорядке, в той анархии, которые царят при строе цивилизации. «...Можно ли увидеть более ужасающую

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 197.

неурядицу, чем та, что царит на этом земном шаре? Половина земли захвачена хищными зверями или дикарями... Что касается другой половины, которая возделывается, мы видим, что три четверти ее захвачены головорезами, или варварами, которые порабощают женщин и земледельцев... Остается, таким образом, одна восьмая часть земного шара, доставшаяся плутам, или людям строя цивилизации, которые похваляются совершенством, поднимая нищету и испорченность на самую высокую ступень» (1, 144).

Таким образом, именно беспорядок и анархия повинны в недостатке продуктов для пропитания всего населения земного шара. Виноват в том, что на пиру жизни не всем людям уготованы приборы, существующий общественный строй, который может и должен быть коренным образом изменен.

Почему человечество испытывает постоянный недостаток в продуктах питания? Прежде всего повинно в этом то, что около $^2/_3$ населения живет паразитически, т. е. живет за счет остальной $^1/_3$, ничего не давая обществу и только потребляя то, что ею не произведено. Фурье различает три группы паразитов, существующих в цивилизованных обществах: паразитов домашних; паразитов социальных; паразитов побочных, или дополнительных. К домашним паразитам он относит женщин, детей и прислугу. Все они или вовсе не работают, или тратят свой труд, свои силы непроизводительно. Социальные паразиты еще более многочисленны. Это — военные всякого рода, чиновники, промышленники-фабриканты и особенно купцы. К паразитам дополнительным следует отнести лентяев и безработных, а также людей праздных, людей, живущих своим языком, — адвокатов, экономистов, философов всякого рода и т. д., наконец, людей, представляющих различные отбросы общества: преступников в тюрьмах, проституток, мошенников и т. д. Наряду с паразитами Фурье указывает еще на людей, занимающихся разрушительной работой, и на людей, занимающихся вредным или бесполезным трудом: это, как он их называет, агенты «положительного разрушения» например, те же военные, и агенты «отрицательного производства», например, люди, истребляющие необходимые обществу леса, возводящие бесполезные здания и т. п.

Раздробленность производства, вражда личности и коллектива

Недостаток в продуктах питания объясняется не только тем, что часть населения не занята полезным трудом: сама производительность труда работающих совершенно незначительна, что связано с целым рядом характерных для этого строя явлений. Производство при строе цивилизации носит в большинстве случаев раздробленный, мелкий характер, не допускающий никаких технических новшеств. С другой стороны, и в крупном производстве, если оно имеется, рабочие не заинтересованы в результатах своего труда и последний носит исключительно подневольный и, следовательно, недостаточно производительный характер. Если бы каждый работал исходя из собственной склонности, соответствующей присущей ему страсти, то производительность труда была бы много выше, чем сейчас. При существующих же отношениях почти никогда не случается, чтобы человек, например, имеющий склонность к той или другой трудовой деятельности, мог применять свои силы именно в той области, куда влечет его страсть: тот, кто учит детей, хотел бы быть инженером, а инженер, возможно, мечтал стать врачом.

Особенно тяжело отражается на развитии производительных сил при строе цивилизации присущий этому строю антагонизм между интересами отдельной личности и интересами всего коллектива, всего общества. «Врач желает, чтобы было как можно больше болезней, а адвокат — судебных процессов. Архитектор и строитель мечтают о пожарах, которые бы уничтожили четверть города, а стекольщик — о граде, который перебил бы все стекла. Портной и сапожник очень довольны, если публика получает скверные ткани и непрочную кожу, так как в этом случае одежда и обувь изнашиваются втрое быстрее к их вящему благополучию». «...В цивилизованном обществе, — подчеркивает Фурье, — каждый индивид находится в состоянии непрерывной войны с коллективом»[1]. Фурье рассказывает о том, что сам в молодости видел, как в портовых городах выбрасывались в море рис и кофе, столь нужные

[1] Цит. по книге: Арк. А-Н. Шарль Фурье, стр. 40.

населению, чтобы позволить купцам нажить на оставшемся товаре большие деньги. «При строе цивилизации, — иронизирует он, — сто молочниц несут на рынок триста крынок молока» (III, 55), тогда как при строе ассоциации все это молоко будет перевозиться одним человеком в одной бочке; при строе цивилизации 300 отдельных кухонь занимают непроизводительным трудом 300 отдельных хозяек, в то время, как общественная печь обойдется куда дешевле массы маленьких домашних очагов.

Воцарение «торгового феодализма»

Обрушиваясь со всей решительностью на свободу конкуренции, Фурье предсказывает, что с началом разложения цивилизации будут развиваться монополии разного рода. В них, пишет Фурье, «зародыш обширной феодальной коалиции, которая вскоре захватила бы всю промышленную и финансовую системы и породила торговый феодализм» (I, 225). Не трудно заметить, что история в дальнейшем вполне подтвердила это предсказание Фурье: в начальной стадии «свободного» капитализма он уже гениально предвидел развитие из него капитализма монополистического, империалистического! «Да, строй цивилизации становится все более отвратительным с приближением его крушения...» — пророчески указывает Фурье (II, 139).

Однако Фурье не раскрывает с такой же конкретностью и глубиной антагонизм между трудом и капиталом в сфере производства. Его внимание в большей мере устремлено не на промышленный капитал, а на капитал торговый и ростовщический. Отсюда и рабство рабочих, о котором он много говорит, носит для него не столько социально-экономический, сколько чисто моральный характер. Он не понимает вовсе механизма капиталистической формы эксплуатации и усматривает порок цивилизации в том, что рабочие просто не участвуют в прибылях и вынуждены покупать на рынке продукты по спекулятивным ценам. Зато Фурье целиком отдает себе отчет в историческом характере капиталистического строя и далек от того, чтобы приписывать частной собственности и другим категориям «строя цивилизации» вечный и естественный характер.

Он в этом отношении на голову выше всех представителей классической буржуазной политической экономии.

Анализ экономических порядков цивилизации в фазе ее упадка, т. е. капитализма, стоит в центре внимания Фурье, но он не менее резко клеймит и все свойственные этому строю надстроечные явления — политические порядки, философские идеи, искусство и т. п. Не будучи материалистом, он тем не менее хорошо подмечает связь и зависимость между базисом и надстройкой и, например, хорошо понимает, что государственная власть, наука, философия, религия и мораль обслуживают интересы господствующих классов, богатых. У Фурье мы находим критику не только социально-экономических явлений существующего строя, но и критику, притом проницательную и яркую, всех других его сторон — любовных, семейных и личных отношений, воспитания, науки и пр. Его критика, поистине всесторонняя и всеобъемлющая, показывает несостоятельность, порочность и обреченность буржуазной цивилизации во всех отношениях.

Положительный идеал Фурье

Усматривая порочность во всех сферах жизни при строе цивилизации, Фурье, естественно, стремится помочь человечеству ускорить поиски путей к лучшему будущему. Он отрицательно относится к недавней французской революции, поскольку она не осуществила возлагавшихся на нее надежд на коренное переустройство общества в интересах народных масс. Ни народный суверенитет, ни всеобщее избирательное право, ни республика — ничто не в силах улучшить жалкое положение трудового народа, если не будет осуществлен переход к новому устройству общества на началах ассоциации. С установлением этого ассоциативного строя производство приобретает общественный, истинный и привлекательный характер, и человеческое общество, пережив разложение строя цивилизации, перейдет через гарантизм и социантизм к желанным высшим фазам в своем развитии — гармонизму — и будет в дальнейшем целых 70 тысяч лет пользоваться невиданным ранее счастьем.

Фаланга

Характерной особенностью «нового хозяйственного и социетарного мира» станет, согласно Фурье, наличие людского производственного коллектива — ассоциации. Коллектив этот будет насчитывать примерно 1600 человек и будет называться фалангой. Таких фаланг, в общем друг от друга совершенно независимых и самодовлеющих, но объединенных согласованными интересами в рамках отдельных стран, континентов и всего земного шара, будет насчитываться множество, и все они будут устроены принципиально одинаково.

Самые размеры фаланги определяются в зависимости от уже известного нам учения Фурье о страстях. Он считает, что страсти, присущие людям, дают в общем до 810 различных характеров и их гармоническое объединение сделает фалангу многосторонней и всеобъемлющей. Среди членов фаланги можно будет найти людей, имеющих склонность к различным видам деятельности — так сказать, прирожденных учителей, садоводов, нянек, врачей, слесарей и т. д.

Фаланга — производственное и потребительское товарищество, и основной вид труда в нем — сельское хозяйство, к которому, по мнению Фурье, до $^2/_3$ людей имеют особое тяготение. Отсюда именно оно должно занимать первое место, а промышленность — второе. Земля, следовательно, должна быть приобретена для фаланги в первую очередь, что будет стоить вместе с необходимым обрудованием 4 миллиона франков. Необходимый капитал составляется не только из взносов рядовых членов ассоциации, но и из вкладов отдельных капиталистов, становящихся тем самым пайщиками товарищества и получающих вследствие этого определенный доход.

Несмотря на то, что среди членов фаланги сохраняется, таким образом, известное неравенство, Фурье рассчитывает преодолеть классовый антагонизм путем установления дружеской связи между ними. Связь эта обеспечивается: 1) одинаковостью воспитания; 2) участием богатых в производительном труде; 3) развитием соревнования между всеми членами ассоциации; 4) уничтожением заработной платы и наличием взаимных услуг. Конечно, что чисто утопическая мысль, столь

же утопическая, как и мысль Фурье о распределении общественного дохода в фаланге. Доход этот будет распределяться с расчетом выделения $^5/_{12}$ труду, $^4/_{12}$ капиталистам, $^3/_{12}$ талантам в целях их поощрения; при этом доля труда будет постепенно возрастать за счет уменьшения дивидендов на капитал. Фурье исходит из того, что в природе человека — трудиться и помогать друг другу. Он верит в присущий людям альтруизм и убежден, что каждый бедный член фаланги станет другом богатых людей.

Фурье — враг установления равенства, но в своей заботе о бедняках хочет, чтобы каждый из них владел хотя бы некоторой частью акций фаланги и был заинтересован в ее развитии и процветании. Главенствующую роль он сохраняет за трудящимися. Он глубоко убежден, что огромное возрастание производительности труда в фалангах, по сравнению с производительностью при строе цивилизации, позволит и самым последним членам товарищества — ассоциации располагать такими исключительными материальными благами, перед которыми будут казаться ничтожными те блага, которыми при прошлом строе располагали одни богачи!

Труд в фаланге не будет ни длительным и однообразным, ни принудительным. Исходя из своего учения о страстях, Фурье твердо убежден в стремлении каждого нормального человека к трудовой деятельности, соответствующей преобладающим в нем склонностям и страстям. Поэтому работа в ассоциации должна организовываться по различным «сериям» и «группам», участие в которых позволит членам ассоциации по собственному почину и, главное, с удовольствием выполнять ежедневно самые различные по своему характеру, но одинаково полезные для общества работы.

При этом получат удовлетворение все 12 страстей, о которых мы говорили выше, и даже 13-я высшая страсть — унитеизм. Поработав рано утром в конюшне и огороде, член ассоциации будет по доброй воле переходить к работе в поле или в какой-нибудь мастерской. Работа в группах будет продолжаться недолго, час-два, и будет перемежаться трапезами и различными развлечениями. При этом капиталисты будут с таким же рвением отдаваться приятному труду, как и другие члены. Правда, они будут освобождаться от самых

тяжелых видов работ, например, в поле, на конюшне или в мастерских, и для них будут резервированы такие виды труда, как рыболовство, охота или садоводство в оранжереях, но, главное, и они будут заниматься полезной для всей фаланги деятельностью. День Луки, так условно Фурье называет рядового члена фаланги, будет отличаться от дня Мондора, т. е. капиталиста, но, по мнению Фурье, это вовсе не будет отражаться на отношениях между ними — благосостояние бедняков станет условием для счастья богачей (см. III, 553). Все, решительно все члены ассоциации, будут жить дружно, не зная нездоровой зависти и свободно предаваясь собственным страстям и склонностям.

Фаланстер

Центром всей хозяйственной и умственной жизни фаланги будет так называемый фаланстер — поселение-дворец, в котором разместятся мастерские, столовые, кухни, школы, библиотеки и т. п. Жить члены ассоциации будут так, как они этого захотят: отдельными семьями, питаясь порознь или же в общественных столовых. Но и условия жизни отдельных членов будут различны, так что в фаланстере будут и различные по своим размерам частные помещения, и различные по своему качеству и изысканности обеды и т. д. Это будет своего рода большая гостиница, позволяющая людям разных достатков жить в свое удовольствие, пользуясь всеми благами общественной кооперации и общественной дружбы.

Как хозяйственная ячейка, семья утрачивает всякое значение, но она сохраняется для тех, кто имеет к ней склонность, как свободный союз двух любящих друг друга людей. Женщина будет целиком раскрепощена и займет в фаланге одинаковое положение с мужчиной. Она также будет освобождена от всего того, что при строе цивилизации делает ее рабой своего собственного отдельного очага: ясли, детские сады, общественные прачечные и кухни дадут ей возможность наравне с мужчиной повышать свой культурный уровень.

Воспитание в фаланге будет с самого начала носить трудовой и смешанный характер и иметь целью развитие всех способностей человека. Все детское население

должно состоять в двух организациях, учитывающих склонности мальчиков и девочек, в «маленьких ордах» и «маленьких дружинах». Орды, где численно преобладают мальчики, будут в фаланге выполнять различные неприятные работы, например, заниматься уборкой улиц, уходом за домашними животными, ассенизацией и т. д. «Дружины», где больше девочек, чем мальчиков, будут охранять цветники, разводить огороды, ухаживать за птицами и т. д. Все будут соревноваться между собой и свой детский труд превращать в постоянный праздник. Проблемы воспитания разработаны в сочинениях Фурье с исключительной глубиной, и его взгляды на воспитание, по признанию основоположников научного коммунизма, «представляют наилучшее, что имеется в этой области, и содержат в себе гениальнейшие наблюдения».

Фантазии Фурье

Нет смысла подробно следить за всеми различными сторонами привольной жизни в фаланстерах. Фурье с его любовью к систематизации детально рассказывает о том, как будет организовано производство и распределение при строе гармонии. Он глубоко убежден, что не только люди, но и сама природа претерпят изменения в результате нового гармонического строя. Молочные реки, буквально, будут тогда течь в кисельных берегах! Так, он предвидит появление «океана-лимонада» и нового светила «Северный венец», которое расплавит арктические льды. Даже хищные звери, дикие и злые при строе цивилизации, изменят с течением времени свою природу, как изменят ее и сами люди: будут существовать антитигры и антильвы, которые смогут быть хозяйственно использованы! И на морях появятся антиакулы и антикиты, которые могут быть использованы в качестве средств морского транспорта! Все это, понятно, чистая фантазия, граничащая подчас с безумием. Мы, однако, не будем забывать слова Энгельса, сказанные им в «Анти-Дюринге» как раз для тех, кто за многими смешными сторонами в учении Фурье не видел «рациональное зерно», несомненно присущее его идеям: «Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров зародыши

гениальных идей и гениальные мысли, которых не видят эти филистеры»[1]. Мы не будем также забывать слов, сказанных Марксом русскому ученому М. М. Ковалевскому, что в одном мизинце Фурье скрыто для человечества больше залогов счастливого будущего, чем в надерганной отовсюду энциклопедической осведомленности его сурового критика Дюринга, не раз величавшего творца фаланстеров «главою социалистов-идиотов».

Фурьеристы

Авторы «Манифеста Коммунистической партии» относили Фурье к тем основателям систем критически-утопического коммунизма, которые «были во многих отношениях революционны», тогда как «их ученики всегда образуют реакционные секты». В частности ученики Фурье во Франции, по словам Маркса и Энгельса, «являются прямыми антиподами Фурье, буржуазными доктринерами». В связи с этим надо сказать несколько слов о судьбах фурьеризма.

Во Франции фурьеристы имели большой успех в 30—40-х гг. XIX в., и молодой Энгельс с полным основанием писал, что к ним примыкают многие лучшие умы современной Франции. Самый выдающийся их представитель — *Виктор Консидеран* (1808—1893) еще юношей приобщился к идеям Фурье и в дальнейшем, отказавшись от многообещающей карьеры талантливого инженера, целиком отдался делу «Социетарной школы», которую он возглавил после смерти ее основателя. Выступая как теоретик, пропагандист, организатор и политический деятель, как редактор фурьеристских журналов, Консидеран олицетворял фурьеризм со всеми его сильными и слабыми сторонами. В ряде своих книг, брошюр и статей он раскрывал процессы развития капитализма, концентрации капитала, подавления мелкой и средней промышленности крупной, усиления эксплуатации труда и обострения классовой борьбы.

Но, будучи мелкобуржуазным идеологом, проникнутым неверием в созидательные возможности рабочего класса и страхом перед разрушительными силами социальной революции, Консидеран призывал к предотвра-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 269.

щению последней путем мирных социальных реформ. Очень показателен в этой связи «Манифест демократии в XIX веке», опубликованный Консидераном в 1847 г. Документ этот со своей проповедью примирения классов представляет собой принципиальную противоположность боевой программе классовой борьбы пролетариата, обнародованной Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» почти в то же самое время. Консидеран требует «заставить прекратить борьбу» и призывает не только рабочих, но и капиталистов идти мирным путем, через ассоциации, к социализму.

В 1832 г. под Парижем была сделана (на средства одного капиталиста, последователя Фурье) попытка организовать фалангу и построить фаланстер. Дело, однако, дальше начала строительства не пошло. Неудача несколько обескуражила фурьеристов, но пропаганда их не прекращалась. С 1836 г. стал выходить журнал «Фаланга». Появились и другие журналы, а с 1843 г.— ежедневная газета под характерным названием «Мирo-творческая демократия».

Печатные и устные выступления французских фурьеристов в эти годы представляли, с одной стороны, дальнейшее развитие имеющегося у Фурье анализа противоречий капиталистического строя, с другой стороны,— отход от решительного антиреформизма и аполитизма Фурье на позиции мелкобуржуазно-демократического социал-реформизма. В связи с этим фурьеристы приветствовали февральскую революцию 1848 г., надеясь, что новая республика пойдет по предложенному ими пути социальных преобразований. В Учредительном собрании и в Законодательном собрании они примыкали к Горе, требовали провозглашения права на труд, поддерживали проекты Луи Блана об «организации труда», вносили предложения об учреждении министерства прогресса, об организации опытной социетарной общины и др. Кровавые июньские события развеяли их утопические надежды, а политика восторжествовавшей буржуазной реакции толкнула наиболее передовую часть фурьеристов к активной борьбе против нее, в частности к участию во внепарламентском выступлении 13 июня 1849 г. Поражение мелкобуржуазной демократической оппозиции, лишенной поддержки масс, привело к полному идейному банкротству и эпигонов фурьеризма. Неспособные

извлечь исторически правильные выводы из поражения мелкобуржуазного социализма в 1848—1849 гг., французские фурьеристы в дальнейшем делали попытки возродить «Социетарную школу» и продолжать какую-то деятельность как в самой Франции, так и за рубежом. Так в конце 40-х гг. была основана Североамериканская фаланга, к началу 1852 г. уже сумевшая удесятерить свой капитал. Эта фаланга, как и другие, погибла, так как различия в воззрениях отдельных членов, мелкобуржуазная психология многих из них, невозможность выдержать конкурентную борьбу с капиталистическим окружением — все это делало труд в фаланге мало привлекательным и способствовало ее распаду. В США многие фаланги возникли в связи с экономическим кризисом 1847 г. и, когда кризис миновал, стали представляться их членам ненужными.

Итак, все попытки практического фурьеризма, заранее обреченные на неудачу, ни к чему не привели, и фурьеризм как самостоятельное и прогрессивное движение в конце первой половины XIX в. сошел с исторической сцены, хотя небольшие кучки эпигонов фурьеризма, не понимающих новой эпохи и упорствующих в своих заблуждениях, сохранялись во Франции до недавнего времени.

Эпигонский крохоборчески-реформистский фурьеризм, внешне сохраняя доктринерское правоверие, цеплялся за все ошибочное, реакционное, преходящее, обусловленное незрелостью общественных отношений и связанной с этим незрелостью социалистической мысли в учении Фурье. По духу же, по существу своему, он был прямо противоположен основным устремлениям самого Фурье, который, будучи страстным врагом буржуазной «цивилизации», всегда подчеркивал, что дело не в отдельных частичных реформах и усовершенствованиях этого строя, не в предварительном воспитании человека, а в необходимости полной, коренной и единовременной перестройки всего общества (его производственной системы прежде всего), так как иначе отдельные реформы и усовершенствования дадут не положительный, а отрицательный эффект, поскольку они лишь содействуют поддержанию и укреплению отжившего и порочного общественного строя. В условиях своего времени Фурье не понимал и не мог еще понять

(хотя и не исключал безусловно) необходимость революционного насилия для достижения высшей ступени общественного развития; но самое требование, которое он обосновывал, было по существу своему революционным.

Общая оценка Фурье

Из сказанного следует, что было бы большой ошибкой, исходя из того, что Фурье не ставит вопрос об обобществлении всех средств производства и, сохраняя нетрудовой доход, не уничтожает в своих фалангах частной собственности, исключать его из круга социалистов. Неправильно было бы относить к Фурье то, что Маркс говорит о его эпигонах. Сами основоположники научного коммунизма, как мы видели, считали Фурье патриархом социализма и, указывая на отдельные слабые стороны в его утопическом учении, подчеркивали, что «фантастические описания будущего общества возникают из первого, полного предчувствия порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества».

Идеи Фурье оказали большее или меньшее влияние на различные направления и на различных представителей общественной мысли, в частности и в особенности социалистической, как в самой Франции, так и в Англии, Бельгии, Голландии, Швеции, Германии, Швейцарии, Италии, Испании, Румынии и других странах, в том числе и внеевропейских (особенно в США). Своеобразным было восприятие и использование идей Фурье в России, где они получили примечательное развитие среди петрашевцев. В каждой стране идеи Фурье принимались на вооружение передовыми политическими течениями, пробуждали общественную мысль и порой толкали даже к революционной борьбе. Наибольшая историческая значимость идей Фурье заключается в том, что они, будучи всесторонне и критически изучены Марксом и Энгельсом, оказались использованными — наряду со многим иным из идейного наследства передовых мыслителей прошлого — при создании теории научного коммунизма.

ЛЕКЦИЯ VII

УТОПИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ РОБЕРТА ОУЭНА

Начало жизненного пути

Роберт Оуэн (1771—1858) вышел из народа. Он родился в захолустном городке Ньютауне в семье ремесленника и к девяти годам окончил начальную школу, в которой с семи лет исполнял обязанности помощника учителя. Еще мальчиком Оуэн обнаружил незаурядные способности, страсть к чтению и умение самостоятельно мыслить, а также весьма твердый характер. Десяти лет, решив начать самостоятельную жизнь, Оуэн отправился в Лондон. Там он начал работать «мальчиком» в одной из торговых фирм. Вскоре Оуэн переехал в Манчестер — крупнейший промышленный и торговый город Англии того времени. К двадцати годам, благодаря своим исключительным организаторским способностям, Оуэн уже имел собственную фабрику по изготовлению текстильных станков. Вслед за тем он стал управляющим одного из крупнейших текстильных предприятий Англии и постепенно приобрел международный авторитет как знаток всех тонкостей текстильного производства, как автор ряда усовершенствований. Однако Оуэн не только развивал кипучую предпринимательскую деятельность. Он сблизился с рядом ученых и мыслителей: Дальтоном — создателем химической атомной теории, Фультоном — будущим изобретателем парохода, поэтом Колриджем, тогда еще горячим поклонником французской революции, с крупным философом-утилитаристом Иеремией Бектамом.

Именно через Бентама Оуэн воспринял учение рационалистов о решающей роли среды в формировании характера человека. В этот период, под воздействием быстрых успехов науки и техники, сложилась «натурфилософия» Оуэна. «Вселенная — не более, чем обширная лаборатория, а человек — соединение химических веществ» — таково было его философское кредо, выдержанное в духе механистического материализма. Следует отметить также пантеизм Оуэна, для которого понятие бога сливалось с понятием природы. Оуэн много сделал для борьбы с духовенством, церковью и религиозными предрассудками, однако в его мировоззрении еще оставалось место для «божественных законов», якобы открывающихся человеку через законы природы. Позднее он даже допускал сохранение «рационалистической религии» в качестве высшего освящения будущего коммунистического общества (см. стр. 171).

Оуэн — буржуазный филантроп. Нью-Ленарк

В 90-х гг. XVIII в., при отсветах яркого пламени французской революции, Оуэн вступает на путь социального мыслителя и реформатора. Он предпринимает свои первые опыты по улучшению положения 500 рабочих, занятых на управляемом им предприятии крупного капиталиста Дринкуотера, в Манчестере. Весьма интересно, что Оуэн подошел к вопросу о положении рабочих, с одной стороны, как человек глубоко сочувствующий им, с другой, — с чисто деловых позиций, стремясь сделать вверенное ему предприятие наиболее рентабельным. Вопреки всей тогдашней официальной экономической науке, он считал, что, проявив заботу о рабочих, он улучшит их нравы, привяжет их к предприятию, сделает грамотными и культурными, отчего их труд станет более производительным. Эксперимент оказался успешным. Это произвело на самого Оуэна огромное впечатление. Будучи человеком деловым, он настойчиво стал искать возможность провести свои идеи в более широком масштабе и в более благоприятных условиях, чем на предприятии Дринкуотера, где он был связан волей предпринимателя.

В 1800 г. Оуэн стал совладельцем и управляющим крупной текстильной фабрикой в Нью-Ленарке,

в одном из отдаленных и диких уголков Шотландии. Население Нью-Ленарка, доходившее до 2,5 тысяч человек, состояло преимущественно из бродяг, пьяниц, нищих, преступников и детей бедняков, фактически купленных на несколько лет у приходских попечительств. Эти люди как бы воплощали все пороки, развивающиеся под влиянием нечеловеческих условий жизни при капитализме. Пользуясь тем, что его компаньоны редко появлялись в этом «забытом богом и людьми» уголке, и терпеливо завоевывая доверие сначала наиболее сознательных рабочих, а затем и всего населения Нью-Ленарка, Оуэн принялся настойчиво проводить в жизнь задуманные преобразования. «Мне предстояло, — писал он в своей «Автобиографии», — теперь серьезно приступить к великому опыту... Предстояло установить на фактах: возможно ли посредством замены плохих условий хорошими освободить человека от зла и преобразовать его в интеллигентное, рациональное и доброе существо». Оуэн сократил рабочий день до 10 $^1/_2$ часов, отменил штрафы и вычеты; во время кризиса 1804 г. он выплачивал рабочим полную заработную плату, хотя предприятие простаивало. Рабочие были помещены в дома с уютными дешевыми квартирами, в поселке наведены чистота и порядок. Для детей младшего возраста Оуэн устроил ясли и детские сады. Дети постарше посещали школы, где преподавание велось на основе принципов, разработанных Оуэном, придававшим большое значение наглядности, сознательному усвоению материала, физическим упражнениям, сочетанию обучения с производительным трудом. В 1816 г. им был основан «Новый институт для образования характера» — настоящий комбинат для обучения и воспитания детей всех возрастов. Чтобы «образовать характер» взрослых рабочих, Оуэн стремился установить среди них сознательную дисциплину, пробудить в них дух соревнования, развить заинтересованность в труде, основанную на понимании того, что чем плодотворнее будет труд, тем лучше положение рабочих. Через несколько лет после начала реформаторской деятельности Оуэна Нью-Ленарк стал неузнаваем. Он превратился, по выражению Энгельса, в образцовую колонию. Главное заключалось в том, что изменились люди и отношения между ними. Большинство рабочих поражало грамотностью, относительно высо-

ким уровнем культуры поведения, почти исчезли пьянство, преступления, взаимная вражда на религиозной почве. Полиция, уголовные суды, попечительство о бедных стали почти неизвестными явлениями. При всем том приносимая фабрикой прибыль продолжала возрастать. Слава о «чудесах» Нью-Ленарка, прозванного «Счастливой долиной», широко распространилась. Этому способствовал выход в свет в 1812—1814 гг. четырьмя выпусками первого сочинения Оуэна «Новый взгляд на общество, или опыты об образовании характера». Оуэн разослал сотни экземпляров своих «Опытов» министрам, представителям высшего духовенства, монархам, надеясь, что «сильные мира сего», вняв голосу разума, примутся проводить рекомендуемые реформы в масштабах целых государств, благодаря чему постепенно будет перевоспитано все человечество и мир будет преобразован без революционных потрясений.

Оуэн нью-ленаркского периода — это фабрикант-филантроп. Частная собственность и создаваемые ею классовые отношения оставались в Нью-Ленарке нетронутыми. Именно поэтому Нью-Ленарк привлек к себе благосклонное внимание представителей имущих классов. Туда началось настоящее паломничество. За короткое время число посетителей, среди которых много было иностранцев, достигло 20 тысяч. Как метко подметил Добролюбов в известной статье об Оуэне, это были преимущественно либо фабриканты, которым казалось, что Оуэн «изобрел игру, в которой все играющие оставались бы в выигрыше», нашел «средство эксплуатировать работника так, чтобы им было от этого хорошо, а ему не было дурно», либо аристократы, видевшие в Оуэне «какого-то укротителя зверей, смирителя анархических порывов», либо высокопоставленные особы, члены царствующих фамилий, для которых он сочетал в одном лице «школьного учителя и бургомистра», являя образ «патриархального правителя»[1]. К последней категории посетителей относился и великий князь, будущий царь Николай I, даже предложивший Оуэну переселиться в Россию с двумя миллионами эмигрантов для устройства промышленных общин наподобие Нью-Ленарка. Оуэн

---

[1] См.: Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений. М., 1937, т. IV, стр. 15—16.

стал кумиром «высшего общества». Министры, архиепископы, парламентские комитеты и съезды фабрикантов совещались с ним, а в аристократических семьях даже стало модным воспитывать детей «по нью-ленаркской системе». Все, кто стремился сохранить старый мир таким, каков он есть, лишь подправив его немножко, видели в Оуэне чуть ли не волшебника, знающего секрет, как это сделать.

Между тем в мировоззрении и во всей деятельности Оуэна назревал крутой перелом.

Борьба Оуэна за фабричное законодательство

Стремясь расширить общественную сферу своей деятельности, Оуэн в 1815 г. развернул пропаганду за законодательное сокращение рабочего дня детей на всех текстильных предприятиях Англии. Подготавливая материал для законопроекта, он объехал фабрики севера и юга. Небывалый торгово-промышленный кризис перепроизводства, бешеный рост цен в связи с введением хлебных законов, приносивших груды золота лендлордам, массовая безработица, чудовищное обнищание трудящихся, ничем не ограниченная эксплуатация рабочих, в особенности женщин и детей, — такова была картина Англии, только что вышедшей победительницей из войн с наполеоновской Францией. Казалось, огромная по тому времени промышленная мощь, обеспечившая Англии победу, теперь как бы обернулась против самого английского народа. Доведенные до отчаяния массы ответили движением разрушителей машин, поджогами помещичьих имений и т. д. Началась полоса классовых столкновений, кульминационной точкой которых стали кровавые события на Питерлоо в 1819 г. Это зрелище потрясло Оуэна. В «Замечаниях о влиянии промышленной системы» (1815) и ряде других работ одним из первых в мировой литературе он дал критический анализ экономических и социальных последствий промышленного переворота, ставшего причиной «вопиющего общественного неблагополучия» (I, 81) [1].

---

[1] Цит. по изданию 1950 г.

Четыре года, не жалея сил, вел Оуэн агитацию за «гуманное фабричное законодательство». Он предлагал запрещение труда детей до 12 лет и сокращение рабочего дня до 12 часов (включая 1,5-часовой обеденный перерыв) для детей и подростков моложе 18 лет. Но фабричное законодательство должно было лишь подготовить почву для более обширных реформ. «Общенародная система воспитания бедных, низших слоев населения с санкции правительства, но под наблюдением страны и при ее руководстве» (I, 85) — таким был в тот период конечный идеал Оуэна, уже выходивший за рамки буржуазной филантропии. Наконец, в 1819 г., благодаря поддержке видного буржуазного политического деятеля Роберта Пиля старшего, законопроект стал законом, но в столь урезанном виде, что возмущенный Оуэн отказался от авторства. К тому же другие проблемы волновали Оуэна, который к этому времени уже окончательно перешел с позиций буржуазной филантропии на позиции утопического коммунизма.

Переход к утопическому коммунизму

Оуэна все меньше удовлетворяли результаты, достигнутые им в Нью-Ленарке. Он все яснее отдавал себе отчет в том, что положение, которое он создал для своих рабочих, еще не соответствует человеческому достоинству, что условия, в которые они поставлены, еще далеко не достаточны для правильного всестороннего развития их характера и ума, не говоря уже о свободной жизнедеятельности. «Фабричные, — пишет он, — были рабами, предоставленными на мою милость» (II, 155).

Умственному взору Оуэна все ясней открывались, с одной стороны, огромные возможности, созданные для человечества благодаря появлению машин, с другой, вся нелепость общественного устройства, при котором сама «волшебная сила машин» оборачивается против человека. Рабочая часть населения Нью-Ленарка, насчитывающего 2,5 тыс. человек, рассуждал Оуэн, «производила ежедневно в интересах общества такое количество благ, для создания которого менее чем полвека тому назад потребовалось бы 600 тыс. рабочих. Я задавал себе вопрос, что стало с разницей между количеством

благ, потребляемым 2 500 человек, и количеством, которое было бы потреблено шестьюстами тысячами?» (II, 156). Ответ был ясен. Эту разницу присваивали владельцы фабрики, которые получали 5% на вложенный капитал и сверх того 300 000 фунтов стерлингов ежегодной прибыли. Но в еще большей степени все эти соображения были применимы ко всем другим фабрикам Англии. При мысли об этом «предо мною еще ярче прежнего вставала вся ошибочность и все неразумие нынешней системы, причиняющей всем столько бедствий, в особенности же — производящим классам, в то время как в распоряжении общества находятся в полном пренебрежении такие огромные производительные средства и такие возможности создать всеобщее благоденствие» (II, 156). Новые могучие производительные силы, служившие до сих пор только обогащению единиц и порабощению масс, должны стать основою для общественного преобразования и работать только для общего благосостояния всех в качестве их общей собственности. То, что создано рабочим классом, должно быть ему возвращено. Таков был вывод, к которому пришел Оуэн.

Переломным в мировоззрении и деятельности Оуэна стал 1817 г. В марте этого года Оуэн, втянутый в дискуссию о причинах безработицы и мерах борьбы с ней, выступил с «Докладом комитету Ассоциации для облегчения положения промышленных и сельскохозяйственных рабочих». «Зло происходит из положения вещей, порожденного самим обществом», — заявил Оуэн и в качестве радикального средства для ликвидации безработицы предложил тщательно разработанный план создания рабочих поселков, построенных на коммунистических началах. Архиепископ и другие члены комитета слушали Оуэна, онемев от растерянности. Доклад произвел на них впечатление разорвавшейся бомбы. Против Оуэна была начата кампания нападок и клеветы. Парламентский комитет, куда обратился Оуэн, отказался даже выслушать его. Тогда Оуэн, пренебрегая немедленно начатой против него кампанией клеветы и нападок, перешел к пропаганде идей, изложенных в докладе, перед широкой общественностью в прессе, на митингах. В «Дальнейшем развитии плана, содержащегося в Докладе комитету Ассоциации», в «Описании ряда заблуждений и бед, вытекающих из прошлого и

настоящего состояния общества», опубликованных в лондонских газетах в июле — августе 1817 г., Оуэн уже выдвигает идею переустройства всего общества в объединение коммунистических поселков и объявляет существующий строй обреченным на неминуемую гибель. Эти выступления Оуэна лишь подлили масла в огонь, усилив ярость его противников. Особенно «отличались» мальтузианцы и представители духовенства — эти далекие предшественники современного антикоммунизма.

Однако открытые диспуты между Оуэном и его противниками, как правило, приносили победу Оуэну, против логических доводов которого им трудно было возражать. Как-то в ходе заседаний одного из многочисленных комитетов, в которых участвовал Оуэн, некий Филиппс — фабрикант и ханжествующий святоша — привязался к Оуэну с ядовитым вопросом: каково его отношение к религии. В глазах общественного мнения буржуазной Англии не могло быть обвинения более страшного, чем обвинение в атеизме. Оуэн смело принял вызов. 21 августа 1817 г. с трибуны одного из крупнейших залов столицы — «Таверны лондонского Сити», расположенного в двух шагах от лондонской биржи — этого «Храма золотого тельца», Оуэн публично ответил Филиппсу. Повторив свою аргументацию в пользу коммунистических поселков, Оуэн воскликнул: «Но нас могут спросить: «если новая предлагаемая система действительно обладает всеми изложенными преимуществами, почему же она не была введена на практике в течение прошедших веков?» Ответ Оуэна гласил, что причиной столь длительных бедствий человечества являются грубые заблуждения, входящие в состав основных представлений всякой религии. Эти заблуждения превратили человека «в слабое глупое животное, в ожесточенного ханжу и фанатика, в несчастного лицемера; если бы эти качества были перенесены не только в проектируемые поселки, но в самый рай, рай перестал бы существовать» (I, 170). То был самый драматический момент в жизни великого утописта. «Оуэна не разорвали на части за это: время физической мести в делах религии прошло. Но никто не может безнаказанно оскорблять дорогие нам предрассудки», — писал буржуазный журнал «Вестминстер ревью». Через тридцать пять лет

Оуэн с гордостью восклицал: «Это величайший день в моей жизни, я исполнил свой долг».

Оуэн стал изгоем, преследуемым буржуазным обществом. В 1818 г., совершив поездку по Европе, он представил «Докладные записки в пользу рабочего класса» державам Европы и Америки и монархам — участникам «Священного союза», собравшимся на конгрессе в Аахене. Ответом явились циничные слова Гейнца — секретаря германского сейма и литературного холопа Меттерниха: «Мы вовсе не желаем, чтобы массы стали жить в достатке и приобрели независимость: как же мы стали бы тогда ими управлять?» Вскоре последовал разрыв Оуэна с компаньонами по Нью-Ленарку. С 1824 г. Оуэн уже не управлял им, а с 1829 г. порвал всякую связь. «С той минуты, — пишет Герцен, — как попы, лавочники догадались, что потешные роты работников и учеников — дело очень серьезное, гибель New Lanark'a была неминуема». Окруженный, подобно островку, бушующим океаном капиталистической стихии, Нью-Ленарк неминуемо должен был пасть.

Оуэновская система утопического коммунизма

Отныне Оуэн целиком отдался пропаганде своей утопической коммунистической системы, разработка которой была им в основном завершена к 1820 г., когда он опубликовал «Доклад графству Ленарк». В последующих работах — «Книга о новом нравственном мире» (1836), «Революция в сознании и деятельности человеческого рода, или грядущий переход от неразумия к разумности» (1849) и др. Оуэн, не внося ничего принципиально нового, только конкретизировал свой план переустройства общества, дополняя его все новыми и новыми деталями.

Как и другие социалисты-утописты, Оуэн глубоко проникся уверенностью, что сделал открытие, способное обеспечить счастье человечества. «Я задавал себе вопрос, какое у меня есть основание начинать в одиночестве, с каким бы то ни было шансом на успех, войну против самых старых и распространенных в мире предрассудков как в области принципиальной, так и в области практической?

На эти вопросы Природа дала следующий ответ: «Принципы, которые я внушала тебе, это мои принципы, и потому они представляют вечные истины... Будь снисходителен к общему невежеству и невольному заблуждению. Будь стойким ...и мое заверение поможет тебе преодолеть все трудности, пока власти и народы всех стран не признают твои принципы и порядки и не станут навсегда добрыми и счастливыми». Для завоевания «такой победы усилиями одного человека при противодействии восьмисот или девятисот, а может быть даже тысячи миллионов людей было необходимо тщательно продумать все мероприятия от начала до конца... требовались «мудрость змия и кротость голубя» (II, 139—140). Непоколебимая уверенность в том, что он призван осчастливить человечество, придавала Оуэну, человеку огромной воли, колоссальную энергию. Только за 12 лет он обнародовал 500 воззваний, произнес около тысячи речей, написал две тысячи статей, совершил 200 поездок с целью убедить власть имущих и состоятельных людей ввести новый порядок.

Антибуржуазная направленность оуэновского рационализма. Критика капитализма

Оуэн по своему мировоззрению оставался человеком XVIII в., верным учеником французских материалистов-рационалистов. Но как же это могло случиться? Ведь первые боролись против феодальных порядков, а Оуэн — против капиталистических! Дело в том, что французские философы-материалисты, исходя из положения, что человек является продуктом обстоятельств, считали разумным только такой строй, который отвечает природе человека. Но формула эта крайне отвлеченная. В нее можно вложить различное классовое содержание. Философы XVIII в., выступавшие от имени угнетенного третьего сословия, объявляли неразумным, противоречащим природе человека феодально-абсолютистский строй, а Оуэн, как и другие социалисты-утописты, выступавший от имени трудящихся, угнетенных победившей буржуазией, объявляет неразумным, противоречащим природе человека капиталистический строй. Устами Оуэна и других социалистов-утопистов рационализм

как бы произносит приговор над своим собственным детищем. Идеи, под знаменем которых буржуазия победила и утвердилась как господствующий класс, оказались повернутыми против самой буржуазии.

И, действительно, рассуждал Оуэн, можно ли считать отвечающим природе человека строй, при котором ни один человек не может добиться счастья? Ведь счастье — цель всех человеческих усилий. Однако при существующей системе люди жертвуют знаниями, природными склонностями, талантом, здоровьем во имя приобретения богатства, стремясь к чисто личным целям, и даже когда эти чисто личные цели достигнуты в больших масштабах, оказывается, что они неизбежно разрушают счастье. В результате «человек теперь ни на иоту не ближе к счастью, чем во времена, от которых к нам дошли первые известия о людях» (I, 145). Далее, можно ли считать разумной систему, при которой машины, способные стать величайшим благодеянием человечества, стали его величайшим проклятьем, при которой богатство становится источником нищеты, большая часть людей пребывает в праздности против собственной воли и остальная часть общества вынуждена их поддерживать, чтобы спасти от голодной смерти, при которой слепые ведут слепых, ибо все люди от рождения до самой смерти пребывают в невежестве, окруженные предрассудками секты, класса, партии, национальности, а если кто-либо и пытается сказать правду, то его немедленно объявляют глупцом и безумцем; систему, являющуюся воплощением хаоса и похожую на сумасшедший дом? Если счастье — цель человека, то «нельзя создать худшей системы для достижения желаемой нами цели, чем действующая ныне у всех народов мира» (I, 141).

Оуэн даже отдает дань идеализации докапиталистических порядков, когда, как ему кажется, не было такого хаоса в общественных отношениях, такой вопиющей нищеты масс, производство и потребление находились в относительном равновесии, ибо производители преимущественно сами потребляли то, что производили; когда «взаимные добрые услуги» соединяли хозяев и работников «добрыми узами», а постоянная связь человека с землей облагораживала его характер. Но это не более, чем дань. Оуэн сумел преодолеть свои реакцион-

но-романтические иллюзии и его взор, как мы увидим, был обращен отнюдь не в прошлое, а в будущее.

Следует отметить, что, как критик капитализма, Оуэн в некоторых отношениях уступал Фурье. У Оуэна критика капитализма не столь остроумна, не столь ярка. Фурье с большим блеском обнажил такие язвы капитализма, как анархия производства, кризисы, накопление богатства на одном полюсе и нищеты на другом и т. д. Оуэн считал, что всякий здравомыслящий человек сам без особого труда придет к заключению, что существующая система — «иррациональная», «дурная» система «зла, лжи и всеобщего несчастья». Но в некоторых отношениях Оуэн был сильнее Фурье. Он глубже вскрыл результаты антиобщественного применения машин и, что особенно важно, гораздо последовательнее, чем Фурье и Сен-Симон, выступал против частной собственности, которая «была и есть причина бесчисленных преступлений и бедствий, испытываемых человеком» (II, 22). Она «отчуждает человеческие умы друг от друга, служит постоянной причиной возникновения вражды в обществе, неизменным источником обмана и мошенничества среди людей и вызывает проституцию среди женщин. Она служила причиной войн во все предшествующие эпохи известной нам истории человечества...» (II, 24). На ней основана «индивидуальная организация» обособленных семейств, превращающая отношение между полами в трагедию. Ей не может быть места в разумном обществе. Столь длительное существование «теперешнего грубого, невежественного, лицемерного, нелепого и неразумного общества» (II, 11) стало возможным лишь благодаря третьему величайшему общественному злу — религии, которая проповедует, будто существует свобода воли человека, будто он волен стать плохим или хорошим, в то время как человек сам по себе не плох, не дурен, а становится таковым под воздействием среды. Причина зла — в общественной среде, окружающей человека, а не в нем самом. Вот эту-то «простую истину» и мешает религия познать человеку, обрекая его на рабство. Частная собственность, брак и религия — такова «троица зол», сделавших мир «большой ареной состязания из-за обладания богатством, территорией и властью» (II, 92). В противопоставлении человека человеку и коренится основная причина общественного неустройства.

Раз человек по природе существо общественное и счастье одного человека зависит от счастья других людей, значит и общество должно быть перестроено соответствующим образом.

Оуэн оказался на голову выше многих современных ему мыслителей (таких, например, как Колридж и Карлейль), которые, обнаружив, что капитализм не отвечает «требованиям разума и природе человека», в отчаянии восклицали: «Тем хуже для разума!», предавали разум проклятью и превращались, в конечном счете, в поборников мракобесия. «Капитализм не отвечает требованиям разума! Тем хуже для капитализма! И да здравствует разум!» — примерно такова была точка зрения Оуэна. Огромная заслуга Оуэна состояла в том, что он сохранил глубокую веру в способность человека создать «науку об обществе» — эту «науку наук», которая откроет «новую эру в истории человечества», сохранил веру в неотвратимость поступательного развития общества и перехода к высшему общественному строю. Слабость же Оуэна состояла в том, что сам он, пытаясь создать такую «науку» на основе учения французских материалистов о решающей роли среды в формировании характера, оказался в плену присущего этой теории противоречия: чтобы изменить характер человека, нужно соответствующим образом изменить среду, но ведь эту среду должен изменить сам человек. Как же разрешить это противоречие? Впрочем, сам Оуэн не отдавал себе в нем отчета. Для него, как и для всех рационалистов, ответ был прост: для начала нужен хотя бы один человек, способный возвестить людям их задачу и своим примером увлечь за собой сначала наиболее мудрых, а затем и все человечество.

Оуэн о роли личности в истории

Еще в «Тезисах о Фейербахе» Маркс подметил, что учение просветителей XVIII в. о решающей роли обстоятельств в воспитании, в формировании характера человека «забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвы-

шается над обществом (например, у Роберта Оуэна)»[1]. Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может быть понято, писал Маркс, только как революционная практика. Хотя Оуэн, как и другие представители домарксового социализма, субъективистски оценивал роль личности в истории, его взгляды по этому вопросу существенно отличаются от взглядов Карлейля, создателя известной теории «героев и толпы» (см. лекцию VIII). Для Оуэна великий человек — это вовсе не «лучший из лучших», не «сверхчеловек», наделенный сверхъестественными личными качествами и пользующийся неограниченными правами властелина, диктатора в отношении «подлой, низкой, нетворческой черни», обреченной на вечное рабство. Великая историческая личность — это прежде всего продукт удачно сложившихся обстоятельств. При благоприятно сложившихся обстоятельствах сыграть выдающуюся роль в истории может любой человек. Функции человека, на долю которого выпала великая историческая миссия, — не диктат, не насилие, а пропаганда, пример и, если нужно, жертва. Его оружие — безграничная любовь к людям. Сквозь призму этой концепции Оуэн смотрел и на свою роль в истории, а эту роль он считал решающей для судеб человечества. Он неоднократно повторял, что на его месте мог быть и другой. Он восклицал, что будет верен своей любви к людям, хотя бы каждый из них вооружился для того, чтобы его уничтожить. Что же касается масс, то они невежественны также только в силу сложившихся обстоятельств. С изменением обстоятельств массы поднимутся от невежества к знанию. Роль великих людей будет исчерпана с завершением переходного периода к высшему строю, когда между людьми останутся только возрастные отличия.

Роль производительных сил в подготовке нового общества

Если бы Оуэн ограничился простым преломлением явлений окружающей его действительности сквозь призму рационалистических идей, вряд ли бы он предстал перед нами как один из величайших социалисти-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 2.

ческих мыслителей домарксового периода. Хотя и в меньшей степени, чем у Сен-Симона и Фурье, в его взгляды свежей струей врываются элементы диалектики. Сам того не замечая, Оуэн ищет ответ на вопросы, поставленные историей, не в «откровении природы», а, по сути дела, в самой «порочной» окружающей действительности. Именно это помогает ему увидеть в промышленном перевороте и «новой промышленной системе» не только «хаос» и источник народных страданий, но и некий залог возможности создания «рационального общественного строя». Таким залогом он совершенно правильно считал «волшебную силу машин», могучие производительные силы (термин, впервые введенный Оуэном и прочно вошедший затем в терминологию марксизма), способные к безграничному возрастанию. «Сумма этих новых производительных сил, — пишет он в «Докладе графству Ленарк» (1820), — не может быть правильно определена за отсутствием точных данных, но докладчик убедился, исходя из неопровержимых фактов, что их рост был огромен; этот рост производительных сил относится к физическому труду всего населения Великобритании и Ирландии по крайней мере как 40 : 1, причем он легко может быть увеличен до отношения 100 : 1; он может захватить и другие страны, и теперь уже он достаточен для того, чтобы насытить весь мир богатствами, причем способность его создавать можно увеличивать беспрерывно во все ускоряющемся темпе» (I, 180).

Но мыслить последовательно диалектически Оуэн, вполне понятно, еще не умел. Ведь его взгляды не имели под собой подлинно научной, материалистической основы. Поэтому Оуэн не увидел другой стороны машинного производства — того, что оно порождает новую общественную силу — революционный пролетариат, призванную утвердить на земле высший строй, кладущий конец антиобщественному применению машин.

Уравнительные тенденции во взглядах Оуэна

Порой Оуэн пытается перенести центр тяжести своих рассуждений из области производства, отношений собственности в область распределения и именно там

искать ответ на больные вопросы современности. «При современной общественной системе, — пишет он, — богатство во всех цивилизованных странах распределяется с точки зрения производителя, распределителя и потребителя самым нелепым и дурным способом, который только можно было изобрести» (II, 52).

Причина этого — по Оуэну — в том, что в основе существующей системы распределения лежит искусственное мерило стоимости — деньги. Когда-то представлявшие много удобств и способствовавшие прогрессу, деньги ныне используются богатыми, чтобы с помощью обмана извлекать самые ценные блага у тех, кто производит их в тяжком труде; существование денег делает возможной эксплуатацию, ибо с помощью искусственного мерила ценности предприниматель оплачивает рабочим неполную стоимость их труда. Деньги — средство обогащения тех, кто, не работая, завладел распределением: розничных и оптовых торговцев, коммерсантов, банкиров, маклеров, всякого рода мошенников и спекулянтов и т. д.; деньги делают людей врагами друг друга; наконец, «благодаря своему искусственному влиянию, деньги не позволяют обществу ежегодно создавать больше благ, чем сейчас фактически производится» (II, 51). Деньги стали тормозом общественного прогресса.

Оуэн, как и лучшие представители классической буржуазной политэкономии, пришел к выводу об определении стоимости товара трудом. Однако, в отличие от А. Смита и Д. Рикардо, он повернул теорию трудовой стоимости против капитализма, в защиту рабочих. Рассуждает Оуэн так: единственным естественным мерилом ценности является труд — источник всякого богатства, ибо «то, что создает новые богатства, естественно, стоит того богатства, которое оно создает» (I, 208). Следовательно, рабочий имеет право на справедливую долю своего труда. Но не только справедливость требует, чтобы распределение осуществлялось по труду. Без установления этого принципа невозможно установление соответствия между производством и потреблением, устранение общественного хаоса и создание простора для развития производительных сил. Для того, чтобы на практике заменить искусственное мерило ценности естественным, нужно, чтобы ценность каждого товара была

определена в часах необходимого для его изготовления среднего человеческого труда. Эта единица, по мнению Оуэна, «должна представлять не меньшую ценность, чем содержащаяся в предметах первой необходимости и домашнего комфорта, приобретаемых теперь за 5 шиллингов» (I, 212). Так Оуэн приходит к идее «рабочих денег» как средству искоренения всех зол капитализма. Однако идея рабочих денег у Оуэна не включала в себя ликвидацию частной собственности. Оуэн полагал, что переход к рабочим деньгам «даст землевладельцу и капиталисту такие же выгоды, как и рабочему» (I, 212); устранялись лишь посредники: торговцы, банкиры, спекулянты и т. д., наживавшиеся и на рабочих, и на промышленниках; последние при подобной постановке проблемы попадали в число полезных членов общества, имеющих законное право на справедливую долю богатства.

Мы видим, что, выдвигая идею рабочих денег, Оуэн отступал от своих коммунистических идеалов, переходя на почву уравнительных теорий. Это был шаг назад. Но, во-первых, сам по себе анализ Оуэном системы товарного обращения способствовал изобличению капиталистической эксплуатации, а, во-вторых, Оуэн рассматривал рабочие деньги не как самоцель, а лишь как средство подготовки коммунистической системы. Оуэн-коммунист всегда одерживает решительную победу над Оуэном-уравнителем.

«Разумный общественный строй»

На смену «дурной системе лжи, бедности и несчастья» неизбежно придет «благая система истины, богатства и счастья». Это будет строй общности (общественного производства и общественного потребления), строй изобилия, строй нового человека. Оуэн решительно опровергал доводы «кабинетных ученых», «политико-экономов», буржуазных радикалов и либералов — представителей зарождавшейся тогда идеологии антикоммунизма, будто только личный интерес создает стимулы к труду и предлагаемое общественное устройство приведет к скучному единообразию характеров, будет подавлять таланты и лишит человечество надежды на дальнейшее усовершенствование. Как показывает опыт, пи-

сал и говорил Оуэн, когда люди трудятся вместе и в общих интересах, силы их умножаются, «каждый производит свою работу с гораздо большей выгодой для себя и для общества» (I, 120). Но до настоящего времени люди действовали совместно лишь тогда, когда они защищали себя или уничтожали других. Они объединялись лишь для ведения войны. Необходимость заставит теперь людей действовать совместно для созидания и сохранения созданного, чтобы обеспечить мирное течение жизни (I, 225). Индивидуализм и стремление к частной собственности не являются врожденными. Они воспитаны обстоятельствами, когда материальных благ было мало, и доставались они трудно.

Решительно выступая против теории Мальтуса, Оуэн утверждал, что физический труд, усиленный достижениями науки и техники, при правильном руководстве будет создавать ценности, «превышающие расходы, необходимые для того, чтобы работник жил в достаточно хороших условиях», во всех частях света при любом возрастании численности населения в течение многих предстоящих веков. Впоследствии даже обнаружится временное отставание роста населения от того уровня, какой выгоден для общества (I, 180).

Когда будет создано изобилие и сверхизобилие материальных благ, «индивидуальное накопление богатств будет представляться людям столь же неразумным, как накопление воды в условиях, когда этой жидкости больше, чем ее можно потребить». Станет возможным распределение в соответствии с естественными потребностями людей. Когда люди будут полными здоровья, активности и энергии, наделенными при помощи просвещения самыми лучшими склонностями, воспитанными вне себялюбивых тенденций, когда их физические и умственные силы будут культивироваться для достижения их естественного предельного уровня, тогда не сможет быть и речи о скучном единообразии характеров. Когда мрак суеверий, окутывающий общество, до некоторой степени рассеется, «таланты не только не будут подавляться, но напротив получат всяческую поддержку для неограниченного свободного развития» (I, 124—125). В «новом нравственном мире» человек «родится заново», «возникнет рабочий класс, преисполненный активности и полезных знаний, с навыками,

сведениями, манерами и склонностями, которые поставят самого низкостоящего на много ступеней выше лучших представителей любого класса, созданного условиями прежнего или ныне существующего общества». Все это станет возможным потому, что общество будет организовано научно. Современное общество руководимо обстоятельствами, будущее общество научится руководить обстоятельствами (I, 231). Однако под «наукой об обществе» сам Оуэн подразумевал не науку о закономерностях развития человечества, а «науку» о правильной, т. е. соответствующей истине и природе человека, организации производства, распределения, сохранения и потребления материальных благ, о соответствующем управлении и о влиянии условий жизни на человеческий род. На основании этой «науки», опираясь на опыт, накопленный в Нью-Ленарке, Оуэн пытается нарисовать картину будущего общества.

Коммунистические поселки

Основная ячейка, «молекула» этого общества — община, или коммуна (Оуэн употребляет также термины «ассоциация», «большая семья»). «Рациональное» число членов коммуны колеблется от 300 до 3000. Коммуна должна производить для себя все необходимое. Занимаемый коммуной поселок — квадрат или параллелограмм — включает все общественные и жилые здания. Установки для искусственного подогрева и охлаждения воздуха, центральное отопление, механически очищающиеся уборные создают в жилых помещениях максимум удобств. Поселок совмещает все преимущества города и деревни и лишен их недостатков. Вокруг жилых зданий — большое свободное пространство, обеспечивающее обильный доступ света и воздуха. Далее — зеленые насаждения, фруктовые сады, хорошо обработанные поля. За ними мастерские и предприятия. Благодаря широкому применению «механических и химических рабов» труд станет приятным и полезным занятием, продолжающимся менее четырех часов. От занятий в промышленности члены общины будут переходить к садоводству и сельскому хозяйству. Умственный и физический труд будет гармонически сочетаться. При этом количество производимых материальных благ превысит

потребности общины. Каждый сможет получить все, что ему необходимо с общественного склада. Никто не захочет брать больше, чем ему нужно. Накопление станет необходимым только для целей обмена между общинами и на случай стихийных бедствий. Все будут питаться в общественных столовых. Пища высокого качества, изготовленная на механических кухнях, будет приниматься «в чистых, просторных, хорошо освещенных и проветренных помещениях, в обществе хорошо одетых, хорошо воспитанных и приятных соседей» (I, 235). Одежда будет гигиеничной, удобной, красивой, простой в массовом изготовлении. Заботы о моде отпадут, «изменения моды на одежду будут наблюдаться лишь очень недолго и то только среди самой глупой и слабой части человечества» (I, 239—240). Между членами общества установятся взаимоотношения искренней взаимопомощи, сотрудничества и любви. Будет проявляться коллективная забота о больных, нетрудоспособных, престарелых, детях-сиротах. Дети с раннего возраста будут обучаться и воспитываться так, чтобы стать полезными членами общества и т. д. Отпадет необходимость в поощрениях и наказаниях.

Новое членение общества и система управления основаны не на имущественном, а на возрастном различии, ибо оно «отвечает природе человека» и обеспечивает «полное равенство». Члены общины до 25 лет образуют пять групп или классов производителей и руководителей: первая — дети до 5 лет, получающие начальное образование, они оказывают посильную помощь старшим, вторая — дети от 5 до 10 лет. Они продолжают обучение, приобретают практические навыки, принимают посильное участие в общественно полезном труде, главным образом в домашних делах, под надзором детей третьей группы (от 10 до 15 лет), которая выполняет домашние работы и готовится к труду в промышленности и сельском хозяйстве под руководством четвертой группы (возраст от 15 до 20 лет). Это уже зрелые «люди новой породы», основные производители материальных благ. Пятая группа (от 20 до 25 лет) руководит производством и воспитанием во всех отраслях. Далее идут группы, занятые сохранением и распределением материальных благ (шестая группа — возраст от 25 до 30 лет), внутренним управлением общин (седьмая группа —

возраст от 30 до 40 лет), внешними сношениями (восьмая группа — от 40 до 60 лет). Наконец, «старейшины» (старше 60 лет) образуют группу хранителей конституции, учреждают новые общины.

Коммуны, учреждаемые на добровольных началах, постепенно охватят весь земной шар. Тогда исчезнут основания для конкуренции и борьбы. Не будет лучших и худших. Не будет царств и империй, порабощения одних народов другими, дорогостоящих дипломатических учреждений и армий, прекратятся войны, воцарится вечный мир. Разница в природных условиях сделает необходимым обмен между коммунами, который будет осуществляться на основе трудовой оценки стоимости. Население всех районов сможет свободно пользоваться выгодами, извлекаемыми из знаний и достижений, накопленных всем миром. Содружество общин в области науки приведет к таким открытиям, которые трудно себе представить. После того как будет достигнуто все, что нужно для счастья человека, — изобилие материальных благ и свободное развитие всех творческих сил человека, новая цивилизация вступит в следующую стадию: люди используют избыток своего времени и средств для беспредельного украшения и улучшения условий жизни. Не будет слышно ни одной жалобы, земной шар превратится в «земной рай, в котором будут неизменно господствовать мир и счастье» (II, 42). «Только читая историю своего прошлого, люди будут вспоминать те заблуждения и ошибки, от которых они освободились, и будут сравнивать свое счастье с горем прежних времен» (I, 151).

Конечно, картина будущего, которую рисует Оуэн, может показаться нам наивной и примитивной. Но во времена Оуэна невозможно было представить себе будущее коммунистическое общество во всех деталях. Оуэн, как и другие социалисты-утописты, мысленно возводя здание будущего общества, использовал «строительный материал», который был у него под руками. У капитализма он брал производительные силы, у феодализма — связь с землей, у первобытнообщинного строя — принцип общности владения имуществом и распределения по естественным потребностям, у христианства — любовь как силу, цементирующую людей в общество. Поэтому идеальный строй, в том виде, как его

рисует Оуэн, наделен всеми достоинствами капитализма и предшествующих формаций и лишен их недостатков. В этом смысле он — утопия. И тем не менее мечта Оуэна о лучшем будущем человечества содержала ряд гениальных догадок и предвидений, некоторые конкретные его соображения даже не утратили своей актуальности.

Переход к новому общественному строю

Предельная степень хаоса, порождаемого системой личной заинтересованности, появление производительных сил, способных обеспечить изобилие для всех, всеобщее недовольство масс, понимание даже господствующими классами того, что «что-то надо сделать», — все это, по мнению Оуэна, свидетельства неизбежности «великого органического изменения общества» и «близости установления Разумной системы». Но грядущий переворот Оуэн понимает не как победу эксплуатируемых над эксплуататорами, а как победу истины над ложью, добра над злом. Поскольку истина открыта и возвещена, можно считать, что революция началась. В мире нет сил, способных помешать ее развитию и окончательному торжеству. Однако возможны два пути развития событий. Оуэн постоянно указывает на опасность общей насильственной революции, которая приведет к «ниспровержению всей социальной системы» (I, 131). Такой путь Оуэн решительно отвергает. Ему кажется, что насильственный переворот, выросший из хаоса, лишь усугубит общественный хаос, отбросит человечество назад и задержит наступление царства разума. «Как бы ни были существующие системы безумны, их нельзя разрушать руками людей некомпетентных и грубых» (I, 148). Старые политические учреждения необходимы в переходный период, так же как необходима скорлупа до тех пор, пока в недрах яйца окончательно не сформируется цыпленок, — так образно можно было бы передать мысль Оуэна. Он верил, что благодаря доброй воле просвещенных им господствующих классов старые политические учреждения, какова бы ни была их форма, могут быть использованы для построения нового общества.

Оуэн уверен, что насильственную революцию можно предотвратить и что сделать это легко. «Мир знает и

чувствует существующее зло: он рассмотрит новый, предложенный теперь порядок вещей, одобрит его, пожелает этой перемены, и все будет сделано» (I, 141—142). Тогда, без лишнего замешательства, без всякого нарушения каких бы то ни было интересов, внезапно произойдет великая перемена. Для начала нужно найти людей, одиночек или объединенных в группы, которые, располагая необходимыми для основания коммунистических поселков капиталами и практическими знаниями, в то же время способны понять принципы новой системы, отдаться делу с интересом и удовольствием. Ими могут быть монархи, министры, архиепископы, землевладельцы, промышленники (на них Оуэн возлагал особые надежды), богатые филантропы, целые графства, приходы, ассоциации средних классов, фермеры, купцы, ремесленники и, наконец, сами рабочие. У Оуэна даже мелькает мысль, что «должна выступить партия, требующая и поддерживающая права человеческой совести» (II, 161). На первых порах будет много трудностей, ошибок, частичных неудач. Но, когда принципы будут поняты и испытаны, то человек обычного уровня способностей будет руководить коммунистическими поселками с большей легкостью, чем ныне осуществляется руководство торговыми или промышленными предприятиями.

Неудача коммунистических опытов Оуэна

Не довольствуясь одной только теоретической пропагандой своих взглядов, Оуэн решил доказать преимущества коммунистических поселков на практике. Он уехал в США, где, как ему казалось, почва расчищена от предрассудков старого мира и потому наиболее благоприятна для задуманного эксперимента. Там, в 1825 г., Оуэн примерно с тысячью своих последователей основал общину «Новая Гармония», которая по его замыслу собственным примером должна была увлечь на путь коммунизма правительства и народы. Однако опыт, как и следовало ожидать, оказался неудачным, лишь доказав невозможность замены капитализма коммунизмом посредством одиночного примера. Среди причин, приведших к краху «Новой Гармонии» (1829), поглотившей все состояние Оуэна, следует, в частности, отметить слишком поспешный переход от социалистичес-

кого принципа «общность имущества орудий производства и вознаграждение членов общины сообразно труду каждого», обеспечивавшего относительный успех общины в первые два года, к коммунистическому принципу «полного равенства». Наряду с энтузиастами, серьезными людьми, учеными, педагогами к колонии примкнули «ленивые теоретики» (выражение Роберта Дель Оуэна — старшего сына великого утописта, активного колониста), а также разного рода искатели приключений. Чисто тунеядский подход последних к коммунизму ускорил крушение «Новой Гармонии», которое, конечно, и без того было неизбежно.

В жизни Оуэна наступил новый период. «Изгнанный из официального общества, замалчиваемый прессой, обедневший в результате неудачных коммунистических опытов в Америке, в жертву которым он принес все свое состояние, Оуэн обратился прямо к рабочему классу, в среде которого он продолжал свою деятельность еще тридцать лет» [1].

Последние годы жизни. Личность Оуэна

До конца своей жизни Оуэн продолжал пропагандировать социалистические идеи среди широких слоев рабочих промышленных округов Англии, выступая на общественных собраниях, выпуская книги, издавая журналы, основывая рабочие институты, дома науки. В 1839—1845 гг. Оуэн предпринял новую попытку основания трудовой коммуны в Гармони-Холл, в Англии, которая также закончилась неудачей. Снова и снова обращался он к представителям господствующих классов в надежде на их «прозрение». Оуэнистское движение все явственнее превращалось в секту, оторванную от рабочего движения и принимавшую реакционный характер (см. стр. 187). Однако сам Оуэн до последнего вздоха глубоко верил в непогрешимость своих идей. Уже на закате жизни Оуэна произошла его известная встреча с Герценом, послужившая поводом создания одной из лучших глав «Былого и дум».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. 19, стр. 200.

«В гостинной был маленький, тщедушный старичок, седой, как лунь, с необычайно добродушным лицом, с чистым, светлым, кротким взглядом, который остается у людей до глубокой старости, как отсвет глубокой доброты...

Я сжал его руку с чувством сыновнего уважения; если б я был моложе, я бы стал, может, на колени и просил бы старика возложить на меня руки.

Так вот отчего у него добрый, светлый взгляд, вот отчего его любят дети. Это тот, один трезвый и мужественный присяжный «между пьяными» (как некогда выразился Аристотель об Анаксагоре), который осмелился произнести not guilty человечеству, not guilty преступнику. Это тот второй чудак, который скорбел о мытаре и жалел о падшем и который прошел, если не по морю, то по мещанским болотам английской жизни, не только не потонувши, но и не загрязнившись!..

— Я жду великого от вашей родины, — сказал мне Оуэн» [1].

Оуэн умер 17 ноября 1858 г. Незадолго до смерти он пытался выступить с речью перед «Национальной ассоциацией для содействия социальным наукам». Но силы изменили ему на первой же фразе. На носилках вынесли Оуэна из зала.

Элементы мистицизма во взглядах Оуэна. Мистика и социальная утопия

Хотя Оуэн до конца дней своих ратовал за переустройство общества на коммунистических началах, нельзя не отметить и нисходящей линии в его взглядах. Это относится прежде всего к его мировоззрению. Неверие Оуэна в политические средства борьбы, его отрицательное отношение к демократии, неудача коммунистических экспериментов, его неспособность понять исторический смысл революционного пролетарского движения, в частности чартизма, все возраставшее в нем нетерпение увидеть свои идеалы осуществленными в кратчайший исторический срок, почти мгновенно, фанатичная убежденность в собственной непогрешимости — все это привело к определенным идейным и психологическим

---

[1] А. И. Герцен. Собр. соч., т. XI. М., 1957, стр. 206—207.

сдвигам. Начиная с 30-х годов субъективно-идеалистические тенденции, и ранее присущие его взглядам, его склонность к построению жестких, отвлеченных схем начинают брать верх над замечательными диалектическими историко-философскими материалистическими прозрениями. Такие категории, как добро, истина, справедливость, свобода, равенство, братство и т. д. фетишизируются им, лишаются конкретного классового содержания. Он и пишет их с большой буквы, и произносит как магические заклинания. От критики всех религий мира Оуэн переходит к попыткам создать «новую», «истинную» «рационалистическую религию» наподобие «нового христианства» Сен-Симона, а в 40—50-х годах (с особой очевидностью это обнаружилось в обстановке реакции, наступившей после поражения чартизма и революций 1848—1849 гг.) скатывается к откровенному мистицизму, насаждая новые предрассудки вместо тех, которые сам же стремился искоренить. В этот период он уже пытается создать вокруг своего имени ореол мессии, спасителя, обладающего откровением свыше. Таким мессианским настроением проникнута его «Автобиография»[1] (остающаяся и до сих пор, в силу ряда причин, важнейшим источником для изучения жизни и взглядов Оуэна, требующим, однако, тщательного критического анализа). Каждому шагу в своей жизни Оуэн придает теперь значение чуть ли не знамения свыше. Он утверждает, что «никакие земные силы не спасут человечество». Это могут сделать только «силы божественные» (см. II. 86, 269), которые он объявляет непостижимыми для погрязшего в пороках и суевериях (!) человечества. Кроме себя и небольшой группы своих сторонников, Оуэн делал исключение для А. Гумбольдта — выдающегося немецкого ученого, человека действительно замечательного, которого Оуэн считал «пришельцем из будущего», всех же остальных людей он рассматривал как сырую массу, которой еще предстоит выявить свою «божественную сущность». Люди настолько порочны, что «божественная истина», уже известная ему, не может быть открыта им сразу. Она их ослепит. Нужно установить «объем прав-

---

[1] The Life of Robert Owen. Written by Himself. With selections from his writings and correspondentce. Vol. I and I A. L. 1857—1858.

ды», доступной людям. Оуэн не сомневается в своем праве сделать это. Незадолго до смерти он становится фанатичным спиритом и, попав на удочку одной ловкой шарлатанки, пытается получить «поддержку духов» для осуществления своих проектов морального обновления человечества. Спиритизм становится модным и среди кучки его последователей — сектантов, оторванных от живого потока освободительного движения масс. С другой стороны, мистики, христианские и феодальные социалисты стремятся приспособить к своим нуждам выхолощенный оуэнизм.

Мистицизм Оуэна, как и других великих утопистов, имел своим источником прежде всего исторически обусловленную классовую ограниченность их взглядов. Но у него были и определенные гносеологические корни: мистицизм отразил их подход к путям и методам познания человеком окружающего мира. Они унаследовали от просветителей глубокую веру в познаваемость мира. Вооруженные ей, они боролись против догматического христианства, утверждавшего, что пути господни неисповедимы. Ошибка утопистов заключалась прежде всего в том, что они не понимали, что процесс познания развертывается исторически, в ходе общественной практики, направленной на подчинение природы человеку (некоторые догадки об этом высказал лишь Сен-Симон). Они полагали, что возможно сразу получить исчерпывающие знания о природе, сразу овладеть вечными, неизменными принципами идеального устройства общества. Они приписывали разуму человека способности, которые в действительности обнаруживаются лишь коллективным разумом человечества в ходе всей его истории. Произошло это потому, что они еще не смогли окончательно порвать с религией и в своих взглядах в более или менее скрытой форме удержали центральную, стержневую идею всех религий — идею некоего Абсолюта (т. е. сущности, которая дает всему жизнь и движение), прямо или косвенно определяющего бытие вселенной, т. е. идею бога. Правда, в отличие от антропоморфного бога христианской религии у утопистов это в большинстве случаев либо Вечный Разум, либо Гармония, пронизывающая вселенную, либо Великая Жизненная Сила, либо сама обожествленная Природа (все это с большой буквы!). «Без человеческих эмоций никогда не бывало,

нет и быть не может человеческого искания истины», — говорил В. И. Ленин. В социальном плане эмоции, побуждавшие утопистов к самоотверженным поискам истины, были продиктованы их горячим сочувствием трудящимся, борьбой за счастье человечества. Трагедия их заключалась в том, что они так и не сумели в конечном счете освободиться от веры, что истина исходит от бога. Это не умаляет, однако, их заслуг, их вклада в необратимый поступательный процесс развития общественной мысли, который перевешивает все их исторически обусловленные слабости, недостатки и ошибки.

Значение коммунистической системы Оуэна

Личность Оуэна и его идеи всегда будут привлекать внимание всех, кому дороги интересы трудящихся. Оуэн «представляет собой бесспорно одно из самых благородных и симпатичных явлений нашего столетия», — писал Добролюбов. Чернышевский называл Оуэна «святым стариком». Но гордым своей практичностью и «трезвым реализмом» мещанам типа английских правых лейбористов Оуэн всегда казался «идеалистом», «чудаком», изобретателем «безрассудных проектов» и т. д. Как бы заранее отвечая им, Добролюбов писал: «Оуэна обыкновенно называют утопистом, мечтателем, романтиком, непрактичным и даже прямо безрассудным человеком... С писателями, трактующими Оуэна таким образом, нельзя не согласиться во многом. Мы видели, — продолжает Добролюбов с иронией, — что Оуэн мог обогатиться филантропией — и растратил свое состояние на бедных; мог сделаться другом и любимцем всех партий — и ожесточил их всех против себя; мог дойти до степеней известных — вместо того потерял всякое уважение к себе в высшем обществе... Поразмыслив аккуратно, невольно приходишь к вопросу: кто же мог поступать таким образом, кроме человека непрактичного, преданного своим утопическим мечтаниям?» [1].

Основная особенность и заслуга Оуэна как социалистического мыслителя состояла в том, что он, как не-

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1937, стр. 39.

однократно отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, исходил прежде всего из факта промышленного переворота. Он одним из первых подметил, что «новая промышленная система», принесшая столько горя и несчастий народным массам, таит в себе предпосылки высшего общественного строя. Это наложило решающий отпечаток на все мировоззрение Оуэна. Он наиболее последовательно из великих утопистов выступал за коренное переустройство общества на основе замены частной собственности общественной, и его система по праву может быть названа коммунистической. Вместе с тем он преодолел анархизм Годвина, хотя и предлагал наивные и утопичные пути решения политических проблем.

Верно определив материально-технические предпосылки нового общественного строя, Оуэн искал его субъективные предпосылки в совершенно ошибочном направлении. Как остроумно заметил Герцен, Оуэн, «зная очень хорошо, что живет в доме умалишенных и окружен больными, шестьдесят лет говорил с ними как с здоровыми».

Дело в том, что Оуэн, разглядев диалектический характер машинного способа производства, порождающего накопления богатства на одном полюсе и нищеты на другом и поэтому чреватого социальной революцией, продолжал, однако, считать, что в конечном счете «мнение правит миром». Это помешало ему подняться до понимания всемирно-исторической роли классовой борьбы пролетариата. «В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? — спрашивает Ленин. — В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров» [1].

---

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 45, стр. 375.

ЛЕКЦИЯ VIII

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В АНГЛИИ 20—40-х гг. XIX в.

Причины активизации социалистической мысли в Англии

В 20—30-х гг., в период, непосредственно предшествовавший чартистскому движению, социалистические идеи в Англии не только становятся все более привлекательными для передовой интеллигенции, но и все шире распространяются среди ремесленников и рабочих. «...В Англии, — писал Ф. Энгельс, — уже с 1821 г. делались социалистические выводы, и притом подчас с такой остротой и решительностью, что литература эта, в настоящее время почти совершенно забытая и в значительной своей части вновь открытая лишь Марксом, оставалась непревзойденной до появления «Капитала» [1].

Живой интерес к социальному вопросу в Англии был обусловлен тем, что, во-первых, промышленный переворот быстро подходил к моменту своего полного завершения, превращая в индустриальных рабочих все новые тысячи ремесленников и крестьян и пролетаризируя многих представителей интеллигенции. Во-вторых, пролетаризация народных масс, сопровождавшаяся их растущей пауперизацией, вела к обострению классовой борьбы. К тридцатым годам английский пролетариат успел пройти довольно длительную школу сопротивления своим эксплуататорам. Он принимал участие в борьбе за избирательную реформу 1832 г., а позднее, когда

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 181.

победившие буржуазные виги ознаменовали свою победу над тори новым, направленным против пролетариата социальным законодательством, впервые выдвинул против буржуазии свою собственную политическую программу — шесть пунктов Хартии, т. е. программу чартизма.

В-третьих, более широкому распространению в Англии социалистических идей способствовали предшествующие успехи классической буржуазной политической экономии, поскольку разработка А. Смитом и особенно Рикардо основных категорий капиталистической экономики значительно облегчила английским социалистам, и Оуэну в первую очередь, их аналитическую работу.

Как известно, помимо утверждения, что «стоимость товара определяется единственно и исключительно количеством труда, необходимого на его производство», Рикардо детально разработал вопрос о распределении капиталистической прибыли, раскрыв при этом полнейшую противоположность интересов труда и капитала. Чем больше прибыль, тем меньше заработная плата, в противовес оптимистическим утверждениям А. Смита установил он. Правда, говоря о капиталистической прибыли, Рикардо неизменно оставлял в стороне «жгучий вопрос о происхождении прибавочной стоимости» — иначе он не был бы сам капиталистом. Но, хотел он этого или нет, выводы, сделанные им, не могли в Англии времен завершения промышленного переворота не привлечь к себе общественного внимания, именно к этому «жгучему вопросу». Признание самими буржуазными политэкономами источником стоимости исключительно одного человеческого труда, по словам Энгельса, позволило уже в 20-х гг. использовать «теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах пролетариата против капиталистического производства» и побивать буржуазию ее же собственным оружием [1].

Уже Р. Оуэн, отправляясь от теории стоимости Рикардо, отдавал себе полный отчет в том, что только один труд является внутренним мерилом стоимости. Отсюда выросло и его стремление путем организации меновых базаров обеспечить все условия, при которых «тот, кто в состоянии создавать новое богатство, заслуживает бо-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 17.

гатства, создаваемого им», и при которых «производитель должен получить справедливую и точно установленную долю всего того богатства, какое он создал». Оуэн, следовательно, из теории Рикардо делал непосредственно социалистические выводы. Раз стоимость определяется трудом, рабочий должен быть обеспечен «полным продуктом» своего труда.

Оуэнисты-уравнители. Джон Грей, Томас Годскин

Последователи и ученики Оуэна подразделяются на две группы: оуэнистов-уравнителей и оуэнистов-социалистов. К уравнителям относится экономист, выходец из рядов английской мелкой буржуазии Джон Грей (1798—1850), автор двух произведений: «Лекции о человеческом счастии» (1825) и «Социальная система» (1831).

Грей усматривает в нетрудовых доходах капиталистов грубое нарушение закона стоимости и требует предоставления рабочему полного продукта его труда, подчеркивая несправедливость существующего неэквивалентного обмена. Но Грей, в отличие от Оуэна, неизменно защищает мелкую частную собственность. Основное зло существующих отношений он усматривает не в организации производства, а в организации обмена, и в этом отношении предвосхищает многие идеи Прудона. Отсюда и его главная идея — учреждение Национального банка, выпускающего особые «рабочие деньги».

Другой последователь Оуэна — уравнитель — это Томас Годскин (1787—1869), бывший морской офицер, занявшийся по выходе в отставку политической экономией. Ему принадлежат следующие сочинения: «Защита труда от притязаний капитала» (1825), «Популярная политическая экономия» (1827), «Естественные и искусственные права собственности» (1832). Годскин защищает тезис о труде как единственном источнике всякой стоимости и клеймит присвоение капиталистом части труда рабочего. Он стремится к замене капиталистического строя обществом мелких непосредственных производителей — крестьян и ремесленников. Он указывает, что «естественное право собственности создается лишь одним трудом» и считает, что существование

частной собственности, основанной на труде, вполне естественно. Одно только насилие привело к существующим капиталистическим отношениям!

Оуэнисты-социалисты. Вильям Томпсон, Джон Брей

Среди последователей и учеников Оуэна, которые продолжали развивать коммунистическое учение своего учителя и много сделали для пропаганды в Англии идей утопического социализма, особенно большое место занимает Вильям Томпсон (1785—1833), ирландский землевладелец в прошлом, затем участник оуэновского кооперативного движения, горячий сторонник социализма. Томпсон был кабинетным ученым, однако, став оуэнистом, значительную часть своего капитала истратил на пропаганду своих идей. Своих наследников он решил, между прочим, освободить от возможности жить тем, что называется рентой, и завещал весь остаток своего когда-то очень большого состояния не им, а различным оуэнистским организациям. Из произведений Томпсона отметим «Исследование о принципах распределения, наиболее способствующих человеческому счастью» (1824) и «Вознагражденный труд» (1827).

В 30—40-х гг. заметную роль сыграл и другой социалист, бывший типографский рабочий, отнюдь не получивший никакого систематического образования и выступивший со своим единственным сочинением значительно позднее других, — Джон Брей (1809—1895). Им написана лишь одна книга «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению» (1839) — книга, обратившая на себя широкое внимание и оказавшая большое влияние на многих чартистов. К. Маркс назвал в «Нищете философии» труд Брея замечательным. О Брее известно, что он принимал активное участие в рабочем движении города Лидса, центра английского сукноделия, выступал там на рабочих собраниях и митингах с речами, открыто сочувствовал чартизму. Один из виднейших лидеров последнего О'Брайен считал книгу Брея безусловно лучшей из всех имеющихся о труде и капитале. Отдельные главы из нее были изданы чартистами в виде брошюр. После 1848 г. Джон Брей переселился в Соединенные Штаты, где и прожил

еще долгие годы как простой фермер возле Детройта. Характерно его отношение к порядкам США. В одном из своих писем родным в Англию в 1850 г. он следующим образом отзывается о них: «Я, со своей стороны, ничего не ожидал от богачей и спекулянтов, кроме мошенничества, так как они приобрели богатство свое посредством узаконенного ограбления народа. В Англии нет и половины того числа мошенников, какое имеется здесь в Америке. Я никогда не заработал и доллара иначе, как тяжелым трудом, поэтому мне нечего терять, как и большинству членов моего класса. Если бы я мог себе позволить делать то же самое, я точно так же достиг бы богатства. Но я предпочитаю всю жизнь оставаться бедняком, чем разбогатеть посредством лжи и плутней».

«Право на полный продукт труда» и марксистская критика его

И Томпсон и Брей в своих трудах останавливаются прежде всего на выяснении классовой природы капиталистической прибыли. Оба они полагают, что рабочий имеет полное право на весь продукт своего труда и что, вследствие этого, прибыль капиталиста — прибавочная стоимость — представляет собой прямой результат грабежа — несправедливого обмена между трудом и капиталом. «Богатство есть продукт только труда, — заявляет Томпсон, — и, следовательно, обмен должен совершаться по труду, т. е. продукт труда должен полностью доставаться производителю». Брей также утверждает, что «сделка между рабочим и капиталистом оказывается чистым обманом. В действительности, — указывает он, — это по большей части не что иное как бесстыдный, хотя и узаконенный грабеж» [1].

Из сказанного видно, что и Томпсон и Брей подходят к экономическим вопросам исключительно с точки зрения морали и права и вовсе не ставят своею целью раскрыть закономерности капиталистического хозяйства, выяснить действительные причины самой возможности капиталистической эксплуатации. На деле самая мысль о праве рабочего именно на полный продукт

---

[1] Д. Брей. Несправедливости в отношении труда. М., 1956, стр. 75.

своего труда являлась ошибочной и ложной. Законы капиталистической экономики вовсе не позволяют рабочему претендовать на полный продукт своего труда и то, что он никогда не получает его из рук предпринимателя, вовсе не является формально несправедливым: как известно, стоимость всякого готового продукта складывается не только из v + m, т. е. из заработной платы (переменного капитала) и прибавочной стоимости, но и из «С», т. е. из перенесенной на продукт амортизируемой части употребленного постоянного капитала. Таким образом, никаких «прав» на полный продукт труда, согласно самим законам капиталистической экономики, с формальной точки зрения, рабочий не имеет. Прибавочная стоимость вместе с тем, как мы знаем, вовсе не является результатом неэквивалентного обмена между трудом и капиталом. Она возникает и при полном соблюдении «справедливости» в деле обмена «услугами» между предпринимателем и рабочими. «Тайна» прибавочной стоимости, как известно, в том, что в обмене этом участвует товар особого рода — рабочая сила, обладающая свойством создавать в процессе своего потребления новую стоимость. Стоимость эта создается трудом рабочего сверх стоимости его рабочей силы, купленной предпринимателем у рабочего, и безвозмездно присваивается им. Прибавочная стоимость — в этом суть гениального открытия Маркса — есть следствие превращения рабочей силы в товар, а вовсе не результат несправедливого, неэквивалентного обмена между трудом и капиталом.

Таким образом, и Томпсон, и Брей с их «полным правом на труд», с чисто экономической точки зрения выражали совершенно ошибочное мнение и выставляли невозможное требование. Однако сделанный ими формально-ошибочный вывод вел все же прямо к коммунизму. Именно поэтому Энгельс в своем предисловии к «Нищете философии» Маркса говорил, что «формально-ложное в области экономии может зато оказаться истинным с точки зрения всемирной истории». Ленин, обращая внимание на указанное замечание Энгельса, в своей статье «Две утопии» отмечал огромное значение формально-неправильных выводов таких социалистов, как Томпсон или Брей. Он указывал, что их социализм был безусловно «ложен», когда объявлял прибавочную

стоимость несправедливостью с точки зрения законов обмена. Против этого социализма были правы в формально-экономическом смысле теоретики буржуазной политической экономии, ибо из законов обмена прибавочная стоимость вытекает вполне «естественно», вполне «справедливо». «Но утопический социализм был *прав*, — подчеркивал далее Ленин, — в всемирно-историческом смысле, ибо он был симптомом, выразителем, предвестником того класса, который, порождаемый капитализмом, вырос теперь, к началу XX века, в массовую силу, способную положить конец капитализму и неудержимо идущую к этому» [1].

Томпсон и Брей о мерах и средствах перехода к социализму

Общественно-политические идеалы Томпсона были, хотя и вполне социалистическими, все же далекими от какой-либо революционности. Подобно в будущем Луи Блану (см. лекцию IX), он наивно верил в возможность путем завоевания всеобщего избирательного права трудящимися добиться уничтожения существующего законодательства и затем приступить к мирному социалистическому преобразованию общества. Томпсон далек от мысли о насилии, диктатуре трудящихся и т. п. Он рассчитывает на создание, при сохранении еще капиталистических предприятий, кооперативных рабочих товариществ-ассоциаций, которые в будущем должны будут оттеснить частных предпринимателей и в конце концов привести к превращению существующего общественного строя в федерацию свободных и самоуправляющихся коммун.

У Джона Брея мы находим острую критику института частной собственности, хотя корень существующей несправедливости и он, как мы видели, усматривает прежде всего в системе обмена. Однако в отличие от многих других социалистов, требующих права рабочих на полный продукт их труда, Брей хорошо понимает, что реорганизация обмена сама по себе еще недостаточна для полного освобождения трудящихся из лап капитала. Пока средства производства будут находиться

---

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 22, стр. 120.

в этих лапах, рабочий все равно будет зависеть от капиталиста. Необходим, следовательно, коренной социальный переворот.

Не в пример Томпсону, Брей вовсе не верит в спасительность одних политических преобразований и реформ. Никакие политические реформы, и в том числе всеобщее избирательное право, не смогут действительно коренным образом улучшить положение трудящихся. Пример этому — Америка. «И там, как и у нас, то же разделение на богатых и бедных, капиталистов и рабочих, — подчеркивает он, — и последние там, как и у нас, отданы во власть первых». Трезвый подход Брея к демократическим завоеваниям США — еще один лишний пример того сугубо критического отношения к американским порядкам, с которым мы сталкиваемся неоднократно в социальной публицистике уже 30—40-х гг. Укажем в этой связи хотя бы на «Мысли республиканца» немца Шустера (см. лекцию XI).

Идеал Брея — коммунистическая община Оуэна, перейти к которой можно только постепенно. Этот переходный период Брей мыслит себе в виде времени, когда в отдельных профессиях будут создаваться производственные кооперативы рабочих, в свою очередь руководимые районными и общенациональными производственными советами. Все члены этих производственных кооперативов будут получать равную заработную плату. Общественная собственность при этом устанавливается на все средства производства.

Хотя Брей и отдает себе отчет в том, что богачи добровольно не уступят своих позиций, он убежден в возможности мирного перехода к новому общественному строю. Рабочий класс уже достаточно силен, чтобы, в случае понимания им своих классовых задач, опираясь на существующие профессиональные и кооперативные организации, заставить буржуазию примириться с социальным переворотом. Он рассчитывает, что рабочие смогут выкупить землю и другие средства производства у капиталистов. Для этого выкупа будут выпущены специальные банкноты-обязательства, выражающие определенное количество труда. Капиталисты должны будут удовлетвориться ими.

В учении Брея не трудно усмотреть дальнейшее развитие оуэнизма, совершавшееся под воздействием расту-

щего в 30-х гг. рабочего движения. Именно под воздействием живой практики классовой борьбы в его учении нашли место и идеи борьбы между трудом и капиталом, и идеи переходного периода, и идеи о тред-юнионах, как организаторах нового социального строя. И именно в этом историческое значение книги Брея.

Оуэн, оуэнисты и рабочее движение 20—30-х гг. XIX в.

Обширная литература, посвященная социальному вопросу и выдвигавшая как уравнительные, так и социалистические проекты общественного преобразования, не могла не оказать серьезного влияния на массы английских рабочих и беднейших ремесленников. Все большее число их под воздействием пропаганды Р. Оуэна и его многочисленных последователей проникалось глубочайшим убеждением, что именно трудящимся по праву принадлежит «полный продукт труда» и что вполне мыслим и возможен иной, лучший общественный строй, не знающий ни лондонских или манчестерских трущоб, ни загубленных непосильным трудом детей, ни голодных, ни нищих.

Огромный толчок к дальнейшему развитию классового самосознания английских пролетариев дали в начале 30-х гг. результаты первой избирательной реформы, жестоко обманувшей трудящихся. Именно жестокое разочарование в результатах политической борьбы, охватившее трудящихся после 1832 г., объясняет нам кратковременный успех в их среде идей Оуэна и оуэнистов, не связывавших, за исключением Томпсона, освобождение рабочих от капиталистической эксплуатации с овладением политической властью и возлагавших все свои надежды на кооперацию, «рабочие деньги» и т. д. Когда Оуэн после неудачных коммунистических опытов в Америке вернулся в Англию, он нашел там организованное его последователями весьма широкое кооперативное движение. Сначала Оуэн отнесся к кооперативному движению с недоверием. Ему казалось, что оно приковывает внимание рабочих к второстепенным вопросам. Но затем он пришел к выводу о возможности использования кооперативного движения для претворения в жизнь

своего плана установления коммунистического общества. Это был период, когда Оуэн, отчаявшись осуществить свои надежды с помощью господствующих классов, допускал мысль, что рабочий класс способен сам освободить себя.

Базары «справедливого обмена»

Идея Оуэна заключалась в том, чтобы дополнить кооперацию базарами «справедливого обмена» в национальном масштабе. Это должно было, по его мнению, очень быстро привести к освобождению рабочих от гнета предпринимателей и капиталистических посредников и подготовить почву для последующего введения коммунистических порядков путем основания коммунистических общин. Для пропаганды в массах идеи меновых базаров Оуэн в 1832 г. основал журнал «Кризис». В конце 1833 г. в Лондоне собрался конгресс кооператоров и тред-юнионистов, прошедший целиком под флагом антипарламентаризма и принявший план преобразования существующего строя путем проведения в жизнь идей Оуэна.

В 1832 г. Оуэн организовал «национальный базар справедливого обмена» в Лондоне, а в 1833 г. его отделение в Бирмингаме. На первых порах «базары справедливого обмена» функционировали успешно. Выпущенные ими трудовые боны получили хождение не только среди кооператоров, но охотно приобретались частными торговцами. Однако это как раз и создавало угрозу того, что капиталистическая стихия захлестнет «базары». Так и случилось. Ведь сами по себе «трудовые деньги» не могли играть роли регулятора производства, как ошибочно полагали Оуэн и оуэнисты. Вскоре оказалось, что ходовые товары быстро разбираются, причем в первую очередь торговцами, которые припрятывали и затем перепродавали их с выгодой, приобретая все большее количество трудовых бон. Неходовые товары скапливались на складах «базара», их производители попадали в зависимость от торговцев, которым сбывали свои боны за бесценок. Роль рынка как стихийного регулятора оказалась решающей, и вся затея кончилась крахом. По выражению Маркса, банкротство взяло на себя роль практической критики.

Моррисон, Смит и Бенбоу. Пропаганда решающей роли профсоюзов и всеобщей стачки

Идеи Оуэна, исключавшие, как известно, классовую борьбу, находили отклик лишь в верхних слоях рабочих. Массы рабочих не могли отказаться от стачечной борьбы, и что бы ни говорили оуэнисты, повседневно сталкивались на фабриках с жадными и неумолимыми капиталистами. В начале 30-х гг. стачечное движение в Англии не только не утихало, но, наоборот, приняло новый размах. Людей, вынужденных путем забастовок отстаивать свои условия существования, не могли удовлетворить «мирные» методы, предлагаемые оуэнистами, сама жизнь толкала их к революционной активности и учила их отвечать капиталистам на их насилие насилием же.

На почве этой непрекращавшейся экономической борьбы возникла одновременно с оуэнистской пропаганда и пропаганда более решительных действий, связанная с именами Моррисона, редактора выходившего в Лондоне журнала строительных рабочих «Пионер», и Смита, редактора оуэнистского журнала «Кризис». Оба они так же, как и правоверные оуэнисты, относились отрицательно к политической борьбе, но всячески выдвигали мысль о том, что профсоюзы — тред-юнионы призваны взять на себя задачу экономического освобождения трудящихся. Поэтому укрепление и расширение тред-юнионов Моррисон и Смит считали куда более важным делом, чем борьбу за всеобщее избирательное право и политические свободы. Будущий социальный строй представлялся им в виде общества свободных производителей, объединенных в ассоциации по профессиям и руководимых Советом тред-юнионов. К мысли о профессиональных союзах, как руководителях производства, присоединялась также и мысль о всеобщей стачке как средстве поставить на колени капиталистов и заставить их уступить трудящимся. Об этом еще с 1831 г. не уставал твердить в своих пропагандистских брошюрах некий Вильям Бенбоу, сапожник по профессии, человек весьма горячий и решительный. «Труд народных масс — единственный источник богатства, но черпает из этого источника только привилегированное меньшинство», —

писал он. Народ — источник всей мощи государства, но пользуются ею угнетатели народа. «Рабочие должны освободить сами себя», — продолжал Бенбоу, указывая, что они легко могут этого достичь «путем провозглашения месяца отдыха, путем прекращения работ». «Если рабочий класс всей страны будет в течение одной только недели един и проникнут сознанием своей цели, то успех обеспечен», — уверял он [1].

Мысли Бенбоу проникали в среду пролетариев. В 1833 г. на большом рабочем собрании была принята резолюция об организации всеобщей стачки, в которой, между прочим, говорилось: «Достаточно будет одной пассивности; одна безработная неделя или безработный месяц будут хорошим уроком... деловая жизнь остановится... государственные доходы перестанут поступать, вся правительственная машина придет в расстройство, и цепь, связывающая воедино общество, начнет распадаться звено за звеном благодаря одному пассивному заговору бедных против богатых» (стр. 347).

Нетрудно заметить в этих мыслях о роли профсоюзов и значении всеобщей стачки как орудия социального освобождения трудящихся — зачатки тех идей, которые легли в основание позднейшего синдикалистского движения. Мысли эти нашли свое отражение и в период чартизма в дебатах по вопросу об организации, в случае отказа буржуазного парламента принять петицию рабочих, так называемого «священного месяца».

«Великий союз профессий»

Идея использования профсоюзов как решающего средства освобождения рабочих увлекла и Оуэна, который увидел в ней опять-таки лишь орудие осуществления своих коммунистических проектов. В феврале 1834 г. в значительной степени благодаря инициативе Оуэна был основан «Великий национальный объединенный союз профессий», в который вошел ряд союзов: строительных рабочих, прядильщиков, гончаров, портных и т. д., общей численностью до 1 млн. человек. «Великий союз профессий» провозгласил своей целью осу-

---

[1] Цит. по кн.: М. Бер. История социализма в Англии. ч. 2. Л., 1924, стр. 332—333.

ществление оуэновских идей. Сам Оуэн в этот период допускал даже применение всеобщей стачки. Он подчеркивал значение единства действия рабочих в национальном масштабе как одного из решающих условий их освобождения от эксплуатации капиталистов. Однако и профсоюзный проект Оуэна был опрокинут жизнью: «Великий союз профессий» распался вследствие как внутренних противоречий, так и репрессий правительства.

Значение оуэновского социализма для рабочего движения в предчартистский период

Несмотря на ошибочные теории и провал коммунистических опытов, неудачу «базаров справедливого обмена» и «Великого союза профессий», все же Оуэн и оуэнисты на определенном этапе сыграли положительную роль в английском рабочем движении, и, можно без преувеличения сказать, своей пропагандой и деятельностью составили целую эпоху в его развитии. Они дали богатейший теоретический материал для просвещения рабочих, способствовали объединению рабочих в кооперативы и профсоюзы, первыми выдвинули идею единства действий рабочих в национальном масштабе. Они первые, пусть на основе ошибочных теорий, предприняли своеобразную попытку соединить социализм с рабочим движением. От них рабочие восприняли коммунистические идеалы перестройки общества.

Не нужно забывать и того, что именно Оуэн еще в 1815—1819 гг. развернул борьбу за проведение первого закона, ограничившего работу женщин и детей на фабрике, положив начало все нарастающей борьбе за фабричное законодательство. В 1847 г. эта борьба привела к изданию закона о 10-часовом рабочем дне, который, по словам Маркса, «был не только важным практическим успехом, но и победой принципа; впервые политическая экономия буржуазии открыто капитулировала перед политической экономией рабочего класса»[1]. Энгельс подчеркивает: «Все общественные движения,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 9.

которые происходили в Англии в интересах рабочего класса, и все их действительные достижения связаны с именем Оуэна»[1].

Начало чартистского движения

Во второй половине 30-х годов рабочее движение в Англии стало быстро перерастать «надклассовый» и «аполитичный» социализм Оуэна и его последователей. Кратковременный период разочарования рабочих в политических средствах борьбы сменился новым небывалым по мощности и размаху подъемом политической активности трудящихся. Этому способствовали и неудача чисто экономических начинаний оуэнистов, и наступление на пролетариат буржуазии, открыто использовавшей в своих интересах государственный аппарат, и, наконец, рост классового самосознания рабочих в условиях все более ожесточенной борьбы. Каждый день рабочие убеждались в классовом характере законодательства нового буржуазного парламента, проявившемся особенно ярко в новом законе о бедных (1834). Закон этот ставил рабочих перед выбором: каторжный труд на капиталистической фабрике или мучительная голодная смерть в работных домах — этих «бастилиях для бедных». То обстоятельство, что ненавистный рабочим закон был почти единодушно одобрен всеми политическими группировками в парламенте — от твердолобых тори до буржуазных радикалов, помогло рабочим увидеть, что все имущие классы — их враги, а использование войск для проведения нового закона о бедных в жизнь особенно ярко показало, как силен тот, кто обладает властью. Среди рабочих стала расти убежденность, что политическая власть — вовсе не десятистепенное дело, как утверждали оуэнисты, что и рабочие, овладев ею, смогли бы использовать ее в своих собственных интересах. Мощное движение сопротивления новому закону о бедных и буржуазному законодательству в целом вскоре стало перерастать в нечто качественно новое — в борьбу за Хартию, шесть пунктов которой олицетворяли стремление рабочих к овладению политической властью. Родилось чартистское движение — пер-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 200.

вое в истории действительно массовое самостоятельное, политически оформленное, революционное движение пролетариата.

Оуэновские социалисты и чартизм

В этих условиях все слабые и даже реакционные стороны оуэновского социализма выступили особенно выпукло, а сами социалисты-оуэнисты все дальше стали отходить от массового рабочего движения. Буквально на глазах современников они превращались в секту буржуазных интеллигентов, высокомерно рассматривавших рабочих лишь как темную, грубую, нетворческую массу. В условиях, когда классовая борьба между буржуазией и рабочими принимали все более ожесточенный характер, они проповедовали бесплодную филантропию и любовь и, считая своим долгом поучать «невежественных» рабочих, продолжали твердить заученные фразы о том, что рабочие добьются улучшения своего положения лишь путем основания коммун с помощью и под руководством «образованных» классов и при сохранении буржуазного государства.

Мы видим, писал Энгельс об этом периоде, «что рабочее движение распадается на два направления: на чартистов и социалистов. Чартисты больше отстали, они менее развиты, но зато они настоящие, подлинные пролетарии, представители пролетариата. Социалисты смотрят гораздо шире, предлагают практические средства против нужды, но они по своему происхождению выходцы из буржуазии и потому не в состоянии слиться с рабочим классом» [1].

Ядро чартистских масс составляли промышленные пролетарии, особенно жестоко эксплуатируемые, а потому питавшие особо жгучую ненависть к капиталистам. Менее развитые, имевшие лишь смутное представление о социализме или совсем не имевшие его, но зато настроенные особенно решительно, по-боевому, они накладывали решающий отпечаток на характер всего чартистского движения. Социалисты-оуэнисты были напуганы этим озлоблением рабочих против буржуа,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 461.

не понимали, что оно «единственно и может вести рабочих вперед» (Энгельс).

Отношение чартистов к социалистам ярко проявилось в ходе неоднократно имевших место открытых дискуссий между ними. Одна из таких дискуссий в Лондоне (ноябрь 1841 г.) продолжалась четыре дня в присутствии 700 рабочих и привлекла широкое внимание. Представитель чартистов заявил: «Передайте политическую власть, которую мы требуем, в руки народа — и зло, которое давит нас теперь, больше никогда не смогло бы существовать»[1]. Уже тот факт, сказал далее представитель чартистов, что вступительный взнос в коммуну (50 фунтов на человека — 200 фунтов для средней семьи в четыре человека) непосилен для рабочих, свидетельствует о несбыточности плана социалистов приступить к немедленному созданию коммун при сохранении власти буржуазии.

По мере обострения классовой борьбы оуэновские социалисты все явственнее сближались по характеру своих взглядов с представителями реакционного «социализма», такими как феодальные социалисты, христианские социалисты и т. д., которые в свою очередь широкого использовали предварительно «очищенные» от всякого прогрессивного содержания, от всех элементов коммунизма кооперативные идеи Оуэна как идеологическое оружие борьбы против чартизма.

Социалистические идеи самих чартистов

Означает ли все сказанное, что чартисты были «чистыми политиками», которым были чужды социалистические идеалы переустройства общества? Конечно нет! С нашей стороны было бы грубой ошибкой полагать, что чартистское движение являлось лишь исключительно борьбой за демократические порядки, за всеобщее избирательное право. «Политическая власть — наше средство, социальное благоденствие — наша цель», — подчеркивали сами участники чартизма, большой популярностью среди которых пользовалась ставшая крылатой фраза о том, что «Хартия есть, в конечном счете,

---

[1] Цит. по книге: Б. Рожков. Чартистское движение. М., 1960, стр. 56.

вопрос ножа и вилки, вопрос хлеба и сыра». Завоевание демократических свобод было в глазах чартистов теснейшим образом связано с социально-экономическим освобождением трудящихся.

Это подметил молодой Энгельс, который в статье «Положение Англии» (1844), говоря об истинной сущности чартизма, указывал, что «демократия, навстречу которой идет Англия, — это *социальная* демократия. Простая (т. е. формальная. — *Ред.*) демократия неспособна исцелить социальные недуги»,—указывал он дальше, подчеркивая, что «демократическое равенство есть химера» и что «борьба бедных против богатых не может быть завершена на почве демократии или политики вообще». Энгельс уже тогда вполне понимал, что чартистское движение есть «только переход, последнее чисто политическое средство, которое еще следует испробовать и из которого тотчас же должен развиться новый элемент, принцип, выходящий за пределы существующей политики.

Этот принцип есть принцип социализма» [1].

Выдвигали ли сами чартисты какие-либо социалистические теории? С какими общими идеями в этой области выходили они в 40-х годах на борьбу против стоящей у власти буржуазии?

Взгляды чартистов на социально-экономические цели движения не представляли чего-либо единого. Идеология чартизма была продуктом творчества самих чартистских масс, весьма разнородных по составу, ибо процесс формирования промышленного пролетариата еще не был завершен. Большое значение имело и то, что само чартистское движение повышало свой идейный уровень от этапа к этапу.

«Земельный план» О'Коннора как выражение уравнительных тенденций в идеологии чартистов

Те массы промышленных рабочих, которые своей жгучей классовой ненавистью к буржуазии и склонностью к применению «физической силы» придавали чартизму боевой, революционный дух, с точки зрения

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 642.

формально-социалистических целей были самыми «отсталыми»; «социализм их находился еще в зачаточном состоянии», — писал Энгельс. Поскольку основная масса английских пролетариев того времени далеко не освободилась еще от различных мелкобуржуазных иллюзий и мечтала вернуться к положению самостоятельного ремесленника-хозяйчика или крестьянина времен «доброй веселой Англии», безвозвратно уже ушедшей в прошлое, множество чартистов придерживалось совершенно утопических и даже реакционных с экономической точки зрения проектов социального преобразования. Так, в свое время на страницах «Северной звезды», основного печатного органа чартистов, были помещены стихи, которые дают представление о «пожеланиях» еще недостаточно классово сознательных пролетариев:

Хочу я домик и доход,
Не больше сотни фунтов в год:
Свинью и нескольких цыплят,
Овец, корову и телят,
Зеленый маленький лужок.
Куда б сгонял их пастушок,
Фруктовый сад и огород,
Где взор ласкает вкусный плод,
И полку интересных книг,
Учиться мудрости у них:
Ведь не найдется лучше друга,
Чтоб услаждать часы досуга;
И виноградник под окном,
Чтоб он снабжал меня вином...

Не думайте, что пожелание такого рода было случайным, выражало интересы особенно отсталого рабочего. Огромный успех утопического земельного плана чартиста О'Коннора вполне доказывает, что подобные чаяния были весьма распространены в 40-х гг. XIX в. среди английских трудящихся.

Смысл предложенного О'Коннором земельного плана, для реализации которого им было основано даже целое общество, состоял в том, чтобы с помощью государства и средств пайщиков выкупать у помещиков их земельные угодья и постепенно расселять на приобретенных землях отдельных членов — рабочих и ремесленников. Последние должны были платить Обществу определенную невысокую арендную плату, позволяющую правленню постепенно все более и более расширять свои опе-

рации и, следовательно, селить на новых земельных участках все новые и новые семьи тружеников. Капитал Общества мыслился О'Коннором составленным из вкладов отдельных мелких пайщиков — рабочих и крестьян, желающих возвратиться на землю, а также из фондов, предоставленных демократическим государством.

Земельный план О'Коннора, получивший большую популярность среди чартистов после 1845 г., — конечно, план не оригинальный и чисто уравнительный. Будучи формально реакционным и утопическим, план этот воплощал в себе мечту широких масс английских трудящихся о лучшем и более светлом будущем, не знающем ни угнетения, ни оскорбления. Недаром Ф. Энгельс, отдавая себе полный отчет в сугубой утопичности фантастических проектов О'Коннора, все же считал движение, связанное с ними, в той мере прогрессивным, что раз начавшись, движение это, «если оно и дальше будет расти в таких же масштабах, как до сих пор, примет в конце концов форму общенациональной агитации за передачу всей земли во владение народа» [1].

Разумеется, проект О'Коннора при попытке реализации на практике в короткий срок претерпел полное крушение. Уже в 1848 г. Общество было официально ликвидировано, а сам О'Коннор, убивший на свои проекты большое состояние, почти нищим был помещен в больницу.

О'Брайен и идея национализации земли

Проект О'Коннора встретил критику в рядах самих чартистов и разделялся далеко не всеми из них. Приходится все же отметить, что ни один из крупных вождей чартизма не противопоставил мелкобуржуазной фантазии О'Коннора ясной и определенной социалистической теории.

Резко выступал против плана О'Коннора О'Брайен, один из наиболее образованных идеологов движения. Его даже называли «школьным учителем чартизма». Он был не только хорошо знаком с учением Оуэна, но и с французской социалистической литературой, и между

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 340.

прочим, перевел книгу Буонарроти о заговоре Бабефа на английский язык.

Джемс Бронтерр О'Брайен (1805—1864), ирландец по происхождению, получил хорошее образование и в начале 30-х гг. стал сотрудничать в лондонской радикально-демократической печати, а также в «Защитнике бедного человека» — газете, которая уже в начале 30-х гг. выступила в защиту всеобщего избирательного права и социальных требований рабочих. В его статьях нельзя найти никакой последовательной социалистической теории, но в них своеобразно сочетались типичные оуэнистские утопические взгляды с идеями о классовой борьбе и революционных методах борьбы против буржуазии. При этом О'Брайен неизменно выступал как противник сохранения частной собственности на землю и выдвигал планы ее национализации, но не путем насильственного захвата, а путем выкупа. К частной собственности на другие средства производства он относился более снисходительно и считал возможным сохранить ее принцип до тех пор, пока нынешние собственники сами не откажутся от своих прав. К коммунистическому строю народ перейдет много позднее, когда просвещение подготовит его к этому.

Наряду с проектом национализации земли О'Брайен выдвигает также и проект коренной денежной реформы оуэнистского характера: он предлагает заменить существующие деньги трудовыми бонами и тем подкосить благополучие торговцев и банковских дельцов. Их он считает главнейшими врагами трудового народа, что же касается фабрикантов-промышленников, то им О'Брайен почти не уделяет внимания.

Оставаясь в области планов конкретного строительства коммунистического общества оуэнистом, О'Брайен сознает классовую природу существующих общества и государства, понимает, что для того, чтобы осуществить свои идеалы, трудящиеся должны прежде всего овладеть политической властью. Будучи в области социальной теории по существу мелкобуржуазным реформатором-утопистом, он неизменно остается сторонником «физической силы» и требует для борьбы с английскими лордами не останавливаться перед применением самых решительных и острых средств.

Ловетт и сторонники «моральной силы»

Небольшая часть участников чартистского движения, преимущественно более квалифицированные рабочие ремесленного типа, считали, что завоевание политической демократии облегчит осуществление оуэнистских планов и позволит более успешно создавать меновые базары, кооперативы, коммунистические колонии. Это были главным образом сторонники «моральной силы», возлагавшие все надежды на силу убеждения. Но и они стремились к ликвидации капиталистической эксплуатации. Их представитель Ловетт говорил: «Действительное зло, заслуживающее нашего внимания, — это наемное рабство, купля-продажа рабочей силы человека... Пока длится эксплуатация человека человеком, до тех пор реформы будут лишь в слабой степени способствовать облегчению бедности и нужды рабочих» [1].

Слабости и заслуги чартистов 40-х годов

Несмотря на все оттенки во взглядах чартистов на методы и средства решения социально-экономических проблем, их идеалы были, по сути дела, социалистическими. Базировались они на трудовой теории стоимости, которую чартисты поворачивали против буржуазии, выступая, однако, не столько против самой частной собственности, сколько против злоупотребления ею. В требованиях чартистов 40-х годов преобладали уравнительные тенденции. Они нашли как бы обобщенное выражение во второй чартистской петиции, где вслед за констатацией всех ужасов капиталистической эксплуатации, все углубляющейся пропасти между богатством и нищетой источником бедствий и страданий народных масс объявлялись «монополии» власти и собственности, под которыми подразумевались неравное распределение власти и собственности и злоупотребление ими. «Ваши просители, — говорилось в петиции, — глубоко сожалеют о существовании всякого рода монополий в этой стране,

---

[1] Цит. по книге: М. Бер. История социализма в Англии, ч. II. Л., 1924, стр. 440.

и, категорически осуждая налоги на предметы первой необходимости, потребляемые главным образом рабочим классом, они думают в то же время, что уничтожение одной монополии не выведет труд из его нищенского положения, пока народ не приобретет власть, при которой все монополии и формы притеснения должны прекратиться»[1].

У всех должны быть равные права на власть и на собственность, или, как метко заметил чартист Лич в полемике с оуэнистами, «чартизм наделяет всех равной властью — от королевы — до нищего». Но ведь народ составляет большинство и он производитель всех богатств, следовательно, он и должен быть решающей силой в государстве — такова идея петиции.

Основная заслуга чартистов 40-х годов состояла как раз не в дальнейшем развитии социалистических идеалов, унаследованных ими от социалистов-утопистов, а в том, что чартисты на практике продвинули далеко вперед другую сторону социалистической мысли: вопрос о формах и методах борьбы за создание такого политического и общественного строя, при котором могли бы быть осуществлены социалистические идеалы.

Борьба за Хартию, осуществление которой в Англии того времени означало бы ликвидацию власти буржуазии; создание массовой партии рабочего класса — «Национальной ассоциации чартистов»; применение всеобщей стачки и т. д. — вот в чем заключается подлинный вклад чартистов в развитие социализма как в теории, так и на практике. Именно эти стороны чартизма позволили сказать В. И. Ленину, что чартизм «гениально предвосхищает многое из будущего марксизма» и «во многих отношениях был подготовкой марксизма, «предпоследним словом» к марксизму»[2].

Однако и научный коммунизм, многим обязанный чартизму, в свою очередь оказывал на него значительное воздействие. И под этим воздействием социалистическая мысль чартистов сделала значительный шаг вперед.

---

[1] Хрестоматия по новой истории. М., 1941, стр. 190.
[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 38, стр. 305; т. 40, стр. 290.

Феодальный социализм

Наряду с различными социалистическими течениями, воплотившими мечты трудящихся о лучшем будущем, в Англии, как и в других капиталистических странах, в 30—40-х годах XIX в. возникли и псевдосоциалистические течения, выражавшие чаяния тех группировок имущих классов, положение которых подрывалось по мере развития промышленного капитализма. К таким течениям относился, в частности, уже знакомый вам феодальный социализм, отразивший настроения земельной аристократии, которой многое не нравилось в новых капиталистических порядках. Его представителями в Англии были: писатель Бенжамин Дизраэли, впоследствии премьер-министр и лорд Биконсфилд, и объединившаяся вокруг Дизраэли под именем «Молодой Англии» группа молодых торийских парламентариев и литераторов; известный философ, историк и публицист Томас Карлейль; крупный землевладелец и тори-филантроп лорд Эшли и др. К ним примыкали известные под кличкой «тори-радикалов» публицисты Стефанс и Остлер, которые первоначально стояли на позициях мелкобуржуазного реакционного романтизма и некоторое время даже слыли чуть ли не попутчиками чартизма.

Критика капитализма справа

«Невольничество в Йоркшире» — серия писем Остлера редактору «Лидского Меркурия» (1830), потрясшая всю Англию разоблачениями чудовищной эксплуатации фабричных детей, положила начало нападкам реакционных «социалистов» на либеральную буржуазию, их критике капитализма справа. Главный упрек, который они адресовали буржуазии, состоял в том, что при ее господстве развивается класс, угрожающий взорвать на воздух весь старый общественный порядок.

«Оглянитесь, — писал Карлейль, обращаясь к земельным и фабричным лордам, исповедовавшим принципы мальтузианства и свободной конкуренции, — ваши несметные войска находятся все в смятении, в восстании, в объятиях нищеты, накануне гибели, в огне, накануне сумасшествия!» «Вы сделали чистоган единственной формой отношений между людьми; ваша хваленая свобода

есть свобода трудящихся умирать с голода», — желчно бросал Карлейль в лицо новым правителям Англии. Эти же идеи развивал Дизраэли. Подданные английской королевы не представляют собой более единой нации — это «две нации, между которыми нет ни общения, ни симпатии, которые так же не ведают об обычаях, мыслях, чувствах друг друга, как если бы они были обитателями различных зон земли или жителями различных планет», — писал он в романе «Сибилла, или Две нации» (1845) — центральном в его серии социальных романов.

Двадцать четыре миллиона английских тружеников, угрожал Карлейль, «если их дела не будут приведены в порядок, будут поджигать фабрики и скирды и обратят самих себя, нас и весь мир в пепел и развалины». Его воспаленному страхом перед пролетарской революцией воображению рисовались мрачные картины гибели цивилизации и превращения Англии и всей Европы в необитаемые территории. Он явно сгущал краски, стремясь запугать новый правящий класс — либеральную буржуазию. Прием, ставший с тех пор характерным для всех крайних реакционеров!

Разоблачения феодальных социалистов попадали не в бровь, а прямо в глаз правящей буржуазии. Но их критика капитализма не была ни глубокой, — она не затрагивала основ существующего строя, — ни принципиальной и сочеталась с крайней идеализацией средневековья, свидетельствовавшей о полной неспособности понять ход исторического процесса. Забвение господствующими классами своего «социального долга», «неумение» буржуазии управлять, «ошибочность» принципа «свободной конкуренции и свободы труда», капитуляция перед демократическими требованиями масс — таковы были, по мнению феодальных социалистов, причины общественного неустройства, для устранения которых они призывали вернуться к феодальным и патриархальным отношениям между различными общественными классами. «Критика капитализма, ненависть к демократии, «призыв к феодализации современной хозяйственной деятельности», — писал В. И. Ленин о программе Карлейля [1].

---

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 28, стр. 509.

«Идеальное» общество в представлении феодальных социалистов

«Пусть общество примет более феодальную внешность, чем сейчас!» — восклицал молодой консерватор лорд Маннерс. За этой фразой скрывалась развернутая программа контрлиберальных реформ, направленная на восстановление неограниченной власти помещиков, духовенства, чиновничьей бюрократии, на ликвидацию рабочего и демократического движения. Эта программа предусматривала усиление позиций монархии, влияния палаты лордов, сохранение хлебных законов и т. д. Феодальные социалисты призывали лендлордов и капиталистов уподобиться средневековым баронам и добиваться «преданности и любви» рабочих при помощи благотворительности, личного общения высших классов с низшими и социального законодательства. Дизраэли, Карлейль и др. были в числе буржуазных реформаторов, выдвинувших идею подкупа верхушки рабочего класса и создания рабочей аристократии, в частности путем усиленного ограбления колониальной империи. При этом они постоянно призывали подавлять тех, кто не хочет стать объектом милостей свыше.

Если правящие классы исполнят свой «социальный долг», то будет восстановлена «социальная гармония», ибо сами массы, утверждал Карлейль, борются за «справедливость», выражающуюся в том, чтобы «высшие» дали рабочим то, чего они сами себе не могут дать, — «мудрое управление». «В чем смысл пяти пунктов Хартии? — восклицал он в своем памфлете «Чартизм». — Что означали все народные бури, о чем был безумный рев толпы от Питерлоо до самой Гревской площади? Рев, нечленораздельные вопли бессловесного создания, полные ярости и страдания, звучавшие для слуха мудрого как нечленораздельные молитвы? — Ведите меня, управляйте мной! Я безумен и несчастен, я неспособен руководить собой!» Свой идеал феодальные социалисты, как и представители других течений реакционного социализма, видели в создании общества, которое «не открывало бы никаких перспектив к освобождению угнетенных рабочих посредством коммунистической организации» [1]. Это были духовные предки современного антикоммунизма.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 337.

Культ «героев»

Свои социально-политические построения феодальные социалисты стремились обосновать с помощью различных реакционных теорий, возникших на рубеже XVIII и XIX вв. в качестве противовеса учению просветителей. Человеческий разум бессилен. Познать законы общественного развития и дать обществу разумное устройство невозможно. Нельзя разрушать поэтому исторически сложившиеся политические учреждения, в которых воплощена «мудрость предков, свободная от рассуждения», — повторял Дизраэли вслед за Берком, автором известных «Рассуждений о французской революции». Это была «философия», «узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего дня» (Маркс).

Более или менее оригинальным творением Карлейля явился «культ героев», развитый им в известных лекциях «Герои, почитание героев и героическое в истории». «История мира... это — биография великих людей», — утверждал Карлейль, ибо ее творят великие личности, «избранные», «лучшие», «герои», которым открывается «промысел господний», скрытый от «толпы». Эти «мудрейшие», «благородные», «герои» составляют истинную аристократию», имеющуюся явно или в скрытом виде в каждом обществе; народные массы,. «шаблонная несметная толпа глупых маленьких людей», — только орудие в их руках. Карлейль требовал слепого преклонения перед «героями», их обожествления. Почитание героев, правление мудрейших, талант повиновения — в устах Карлейля это звучало и как панацея от всех бедствий, порожденных капитализмом, и как заклинание, призванное остановить поступь революционных масс — подлинных творцов истории, и как призыв подавить массы железной пятой диктатуры «избранных». Недаром в последние дни своей жизни маньяк Гитлер, дрожа от ужаса в подвале имперской канцелярии, велел Геббельсу читать ему вслух сочинения Карлейля!

Классовая сущность феодального социализма. Его крах

Несмотря на все нападки феодальных социалистов на «эгоистических», «жадных» капиталистов, «служащих Маммоне», сами они были лишь ловкими демагогами, защищавшими корыстные интересы земельной аристократии, уже вполне обуржуазившейся, но ревниво охранявшей выгоды от остатков своего монопольно-привилегированного положения в обществе. В обстановке либерально-буржуазных преобразований, с одной стороны, и первых самостоятельных революционных выступлений пролетариата, с другой, идеологи и политические лидеры земельной аристократии пытались, «размахивая нищенской сумой пролетариата как знаменем», повести за собой пролетарские массы, рассчитывая и использовать их против либеральной буржуазии, и отвлечь от революционного движения. «Дизраэли, — писал Ленин о тактике феодальных социалистов, — ...проводит идеи монархии + социальной аристократии (в сути: игра на борьбе буржуазии с пролетариатом)»[1]. Однако эта тактика потерпела провал. По образному выражению Маркса и Энгельса, рабочие, увидев на задах новоявленных «вождей народа» старые феодальные гербы, разбегались с громким непочтительным хохотом. Когда Дизраэли пытался проповедовать чартистам, что «политическое развитие современности, которое внешне кажется имеющим тенденцию к демократии, на самом деле имеет монархический уклон», он встретил резкую отповедь со стороны чартистской газеты «Норзерн стар». «Народ нуждается не в мудрости наших предков, а в триумфе демократии», — писала газета английских рабочих.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс вскрыли идейный крах всех форм лжесоциализма, проповедовавшегося фальшивыми друзьями рабочего класса в 30—40 гг. XIX в., а революция 1848 г. подтвердила этот крах, показав в действии разные классы. Она окончательно доказала, что социалистическая природа присуща только одному пролетариату.

---

[1] В. И. Ленин. ПСС, т. 28, стр. 509.

ЛЕКЦИЯ IX

ИДЕИ МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО СОЦИАЛИЗМА ВО ФРАНЦИИ 30—40-х гг. XIX в. (Луи Блан, Кабе, Прудон)

Обострение классовых противоречий во Франции в период июльской монархии

В июле 1830 г. народная революция в Париже смела монархию Бурбонов, но на плечах восставших трудящихся масс к власти пробралась крупная буржуазия. «Сражаясь отдельными массами из-за баррикад, без общего плана, — писал об этих днях Белинский, — без знамени, без предводителей, едва зная, против кого, и совсем не зная, за *кого* и за *что*, народ тщетно посылал к представителям нации, недавно заседавшим в абонированной камере (т. е. палате депутатов. — *Ред.*): этим представителям было не до того; они чуть не прятались по погребам, бледные, трепещущие. Когда дело было кончено ревностию слепого народа, представители повыползали из своих нор и по трупам ловко дошли до власти, оттерли от нее всех честных людей и, загребя жар чужими руками, преблагополучно стали греться около него, рассуждая о нравственности»[1].

Для французских магнатов капитала 30—40-е годы прошлого века стали порой быстрого наращивания богатств. Именно тогда было положено начало многим из тех промышленных и финансовых династий, потомки, которых в лице «двухсот семейств» по сей день управля-

---

[1] В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, т. II. М., 1948, стр. 630.

ют Францией. Для трудящихся же Франции годы Июльской монархии были периодом ужасающей нищеты. Разгар промышленного переворота означал для народных масс больших городов разорение и нужду.

Промышленный переворот приводил и к массовому разорению мелкой буржуазии. Пьер Леру (см. ниже), сам из обедневшей мелкобуржуазной семьи, образно сравнивал Францию с огромной мастерской, где 196 тысяч крупных и средних собственников эксплуатируют не только 30 миллионов рабочих, получающих зарплату, но и 4 миллиона мелких собственников, с трудом сводящих концы с концами. Вместе с тем во Франции промышленный переворот протекал гораздо медленнее, чем в Англии. Он не сопровождался здесь аграрной революцией, которая ликвидировала крестьянство как класс по ту сторону Ламанша. Гораздо более живучей, чем в Англии, оказалась здесь и ремесленная мастерская. Рабочие Франции в своем подавляющем большинстве оставались рабочими средних и мелких капиталистических и просто ремесленных предприятий. Они поэтому еще находились под очень сильным влиянием мелкобуржуазной идеологии.

Нужда ускоряла процесс разочарования трудящихся в новой власти. Уже осенью 1830 г. двадцатипятилетний поэт Огюст Барбье выступил против буржуазии со стихотворением «Добыча»:

Что делали вы в день, когда средь страшной сечи,
Святая «сволочь», бедняки, народ,
Под сабли и штыки, под пули и картечи,
Презревши смерть, бросалися вперед?
В тот день, когда Париж был полон чудесами,
Смотря тайком на зрелище борьбы,
От страха бледные, с заткнутыми ушами,
Дрожали вы, как подлые рабы.

Прошел год, и в ноябре 1831 г. лионские ткачи уже с оружием в руках выступили против буржуазии. Черный цвет их знамен еще говорил об отчаянии, но надпись на них: «Жить работая или умереть сражаясь!» звучала надеждой. Лионское восстание 1831 г. открывает новую страницу в истории общественной и классовой борьбы. Это было первое пролетарское восстание в истории: еще не против капитализма в целом, еще не против буржуазного государства, но уже против своих хозяев!

Лионское выступление 1831 г. оказалось первым в целой цепи восстаний. Во время парижского восстания 1832 г., так красочно описанного в «Отверженных» В. Гюго, впервые во Франции взвилось Красное знамя. В 1834 г. разразились почти одновременно два восстания: в Лионе и Париже. Правительство ответило репрессиями, политическими процессами, законами 1834 и 1835 гг., запрещавшими рабочие и республиканские общества и ограничившими свободу печати. Тогда на смену прежним открытым обществам приходят тайные революционные организации. Бланкистское восстание 1839 г. и рабочее восстание 1840 г. в Париже завершили волну вооруженных выступлений 30-х гг. Но зато в 40-е годы нарастает забастовочное движение. Стачки все больше приобретают политическую окраску, в этом проявляется влияние социалистических и коммунистических идей в среде рабочих.

Все царствование Луи-Филиппа оказалось периодом назревания новой революции, которая опрокинула Июльскую монархию в 1848 г. Классовая борьба, все обостряясь, ставила под удар власть крупной буржуазии. Последней после революции 1848 г. пришлось искать спасение в новом издании бонапартистской империи.

Социальный роман 30—40-х гг.

Общественная борьба периода июльской монархии нашла свое художественное воплощение в социальных романах Э. Сю (1804—1857) и Ж. Санд (псевдоним Авроры Дюдеван, 1804—1876). Огромный успех их произведений объяснялся не только талантом этих авторов. Романы их отвечали возросшему интересу общественности к социальным проблемам и особенно к судьбе и роли пролетариата. В них отражался новый классовый антагонизм, порожденный буржуазным строем; через эти романы входил во французскую литературу широким фронтом трудовой люд города и деревни.

Остро приключенческий роман Эжена Сю «Парижские тайны» (1842—1843) с его крайне запутанным сюжетом, сентиментальный и мелодраматичный, стал таким литературным и общественным событием во Фран-

ции и за ее пределами, что послужил предметом специального разбора со стороны Белинского и Маркса. Сила этого романа была в его страстном изобличительном пафосе. Но насколько Э. Сю силен в изображении общественного зла буржуазного мира, настолько он беспомощен в показе путей борьбы с этим злом. Его рецепты сводятся к филантропии и проповеди религиозного покаяния и примирения. На поповски-филантропические идеи Э. Сю и обрушился Маркс своей гневной сатирой в первом написанном им совместно с Энгельсом труде «Святое семейство» (1845).

Творчество Жорж Санд этого периода отличается остротой постановки социальных проблем и устойчивым интересом к жизни обездоленных. Ж. Санд начала с борьбы за эмансипацию женщин, затем перешла к проблеме общей эмансипации. Героини ее первых романов (начало 30-х годов) ведут свою борьбу в одиночку и, как правило, не выходят из узких семейных рамок. В центре романов начала 40-х годов стоят уже рабочие, ремесленники. Это не анархиствующие бунтари, а участники широкой общественной борьбы, люди с богатым духовным миром, носители наиболее передовых идей. Так, главный герой романа «Странствующий подмастерье» (1840) столяр Пьер Гюгенен мучительно размышляет о несправедливости социального строя. Он призывает своих друзей, рабочих и ремесленников, объединить свои усилия. Вместе с тем многие размышления Гюгенена о переустройстве общества еще чрезвычайно наивны, как и взгляды самой Ж. Санд.

Народные персонажи романов Ж. Санд середины 40-х гг. теряют бодрый дух участников широкого общественного движения, столь характерный для Гюгенена. Под натиском наступающего капитализма они бегут назад, к мелкому ремесленному или крестьянскому хозяйству. Надежды на переустройство мира писательница теперь возлагает на представителей высших классов, сумевших отказаться от своих имущественных и сословных привилегий и сотрудничающих с обездоленными крестьянами и ремесленниками. Вместе с людьми из народа они создают колонии или поселения в рамках существующих общественных отношений. Многие из них ударяются в религиозную мистику. Такова героиня романа «Мельник из Анжибо», дворянка де Бланшемон.

Герои Ж. Санд, хотя романтизированы, но не выдуманы. Пьер Гюгенен напоминает реальных вожаков рабочих забастовок начала 30-х годов, тех, что писали в своих брошюрах о необходимости создать единые ассоциации цеховых организаций с центральным комитетом во главе, призывали продолжать войну против богачей и в то же время наивно верили в «народное правительство, которое заставит богатство прийти на помощь бедности». В рассуждениях же де Бланшемон отражаются идеи христианских социалистов.

Мелкобуржуазный социализм

Идеи героев Ж. Санд отражают, повторяем, мелкобуржуазные социалистические теории, распространенные тогда во Франции. Мелкая буржуазия, беспощадно перемалываемая жерновами крупного капитала и со страхом взирающая на неумолимую пролетаризацию, разочаровывалась в буржуазном строе. На этой почве и развивался мелкобуржуазный социализм тех лет. Особенно бурно он расцвел в 40-е годы, когда его побеги дали начало множеству школ и направлений. Но это были цветы без плодов, — мелкобуржуазный социализм стремился отвести народные массы от революции, приближение которой его и породило.

В отличие от великих социалистов-утопистов социалисты 30—40-х гг. явно слышали поступь надвигающейся грозы. «Будьте готовы, — писал Ламенне, — ибо времена приближаются... Короли будут рычать на своих тронах, они будут стараться удержать обеими руками короны, уносимые бурей, и будут сметены вместе с ними». Консидеран видит приход не только французской, но и «общеевропейской Жакерии». Многие из социалистов понимают классовое содержание происходящей борьбы. «Капитал и труд находятся в состоянии явной войны», — пишет тот же Консидеран. Это «борьба тех, кто не обладает орудиями труда, против тех, кто ими обладает», — как бы вторит ему Леру. Но они напуганы этой борьбой, перспективой революции. «Берегитесь войны неимущих против имущих», — этот панический клич Л. Блана[1] может служить общим лейтмотивом всех течений

---

[1] Л. Блан. Организация труда. Л., 1926, стр. 24.

мелкобуржуазного социализма. Все они ищут выхода в утопических планах нереволюционного переустройства общества, проповедуют сотрудничество классов, выдвигают ложный тезис о том, что от капитализма одинаково страдают все классы общества, и поэтому возможно мирное преодоление пороков капитализма общими усилиями всех классов.

Обострение классовой борьбы как будто должно было обречь на провал попытки мелкобуржуазных социалистов повести за собой рабочий класс. На деле же в 30—40-х гг. их идеи имели широкое хождение не только среди мелких ремесленников, торговцев, интеллигентов, но и среди рабочих. Это объясняется медленным выделением пролетариата во Франции из полупролетарских и мелкобуржуазных слоев населения. Это объясняется и совместной борьбой рабочих, мелкобуржуазных демократов, буржуазных республиканцев против режима Луи-Филиппа, за избирательную реформу, за республику.

Христианский социализм

До некоторой степени идейным ответвлением сенсимонизма явился религиозный, христианский социализм, крупнейшим представителем которого был бывший сенсимонист Леру.

Пьер Леру (1797—1871) пользовался очень большим влиянием в годы июльской монархии. Его ученицей была Ж. Санд, считавшая себя «бледной копией» Леру. Мелкобуржуазный интеллигент, ставший рабочим, наборщиком, Леру обладал большим личным обаянием. «Это приземистая, коренастая, плотная фигура, — описывает его в 1843 г. Гейне, — которую традиции высшего света не могли научить какой-либо грации... Он, закаленный боец, который, подобно Сен-Симону и Фурье, терпел порой горчайшую нужду и лишения и особенно не жаловался на них, не в силах спокойно переносить бедствия своих братьев-людей» [1].

Гейне не приукрашивал личных качеств Леру. Об этом говорит тот факт, что Леру в 1848 г. мужественно выступил в Учредительном собрании со страстной защи-

[1] Г. Гейне. Коммунизм, философия и духовенство. Собр. соч., т. 8. М., 1958, стр. 264—265.

той рабочих, восставших в июне, и с гневным осуждением их палачей. Но идеи Леру, тем не менее, приносили вред рабочему классу, завлекая его в дебри религиозной мистики. Главным содержанием мировой истории Леру считает борьбу за равенство. Он целиком на стороне угнетенных. «Я за рабов против господ, — заявляет он, — за слабых против сильных, за бедных против богатых». Путь к равенству лежит либо через борьбу, либо через гармонию. И Леру выступает за этот второй путь, за путь мира и согласия. Этот путь он ищет в религии, хотя и отвергает христианство и другие существующие религии. Он хочет создать новую религию, религию человечества, религию, в которой люди искали бы спасение не на небе, а на земле. Эта религия напоминает религию любви Фейербаха, в которой человек человеку бог. Но у Леру эта «религия человечества» приобретает крайне мистический характер. Она допускает даже представление о повторности земной жизни индивида.

Леру скончался в дни Парижской Коммуны. На заседании Коммуны от 13 апреля 1871 г. было принято следующее решение, дающее правильную оценку двойственному характеру деятельности Леру: «Коммуна постановляет послать двух своих членов на похороны Пьера Леру, но заявляет при этом, что она воздает этим знаки уважения не философу — сторонникy мистических идей, от которых мы страдаем и до сих пор, а политическому деятелю, который тотчас же после июньских дней мужественно встал на защиту побежденных».

Гораздо более реакционными были идеи другого бывшего сен-симониста, врача и историка Филиппа-Жозефа Бюше (1796—1865), пытавшегося сочетать правоверный католицизм с социализмом. Бюше пришел к христианско-католическому социализму от преклонения перед французской буржуазной революцией XVIII в., которую он совершенно фантастически считал воплощением заветов евангелия (!). Он издавал газету «Ателье», где пропагандировал принципы христианского социализма и создание на сбережения рабочих с помощью государства производственных ассоциаций. Клуб этой газеты, основанной еще в 1845 г., во время революции 1848 г. занял консервативную позицию и служил проводником буржуазного влияния среди рабочих и ремесленников,

примыкавших к Бюше. В «Святом семействе» Маркс называл Бюше «лже-Христом».

Аббат Фелисите Ламенне (1782—1854) — первоначально крайний реакционер, роялист, в отличие от Бюше не только осуждал французскую революцию, но в годы Реставрации принадлежал к самому правому крылу защитников абсолютизма. Он один из первых выдвинул в годы Июльской монархии тезис «свобода преподавания», другими словами, тот тезис о «свободе» церкви подчинить себе школу, который и поныне служит «оправданием» консервативной политики, направленной против светской школы. Но в те же годы Ламенне, который искренне верил в якобы великие идеалы религии и сочувственно относился к страдающим народным массам, начинает искать пути либерализации церкви, ее приспособления к новым временам. Его эволюция влево привела его к поискам синтеза католицизма и социализма. Он пошел так далеко, с точки зрения официальной церкви, что церковь осудила этого священника, «посадившего, — по образному выражению Гейне, — на крест якобинский колпак». Ламенне отказался от сана священника, стал еще радикальнее в политическом отношении и избранный депутатом Законодательного собрания в 1848 г. примкнул там к Горе [1].

Теории Леру, Бюше, Ламенне, хотя в разной степени, объективно принадлежат к тем течениям социалистической мысли, которые Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» осудили как реакционный, поповский социализм. Сущность этого «худшего вида «социализма» и худшего извращения его» ярко вскрыл В. И. Ленин в письме к М. Горькому: «...из идеи бога убирается прочь то, что́ *исторически и житейски* в ней есть (нечисть, предрассудки, освящение темноты и забитости, с одной стороны, крепостничества и монархии, с другой), причем вместо исторической и житейской реальности в идею бога вкладывается добренькая мещанская фраза (бог = «идеи будящие и организующие социальные чувства»)» [2].

Субъективно христианские социалисты стояли на стороне народных масс, но тем не менее они подготов-

[1] Главное христианско-социалистическое сочинение Ламенне — «Слова верующего» (1834).

[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 48, стр. 231.

ляли тот сознательный обман трудящихся, на который пошел Ватикан в эпоху империализма, создавая христианско-социалистические партии, христианские профсоюзы, проповедуя «христианский социализм».

Реформаторские проекты и их значение

Все представители мелкобуржуазного социализма выдвигали те или другие реформаторские проекты. Эти проекты являлись попытками помочь рабочему классу, но еще в большей мере они имели своей целью оказать содействие мелким ремесленникам, торговцам, крестьянам в их борьбе против крупного капитала. Это особенно ярко выступает в идеях и планах наиболее популярных во Франции 40-х гг. идеологов мелкобуржуазного утопического социализма и коммунизма — Л. Блана, Ж. Прудона и Э. Кабе.

Луи Блан. «Ассоциативный» и «государственный» социализм

Огромной популярностью в последние годы Июльской монархии пользовался Луи Блан. Он был одно время настоящим «властелином дум» своего поколения. Обанкротившись идейно и практически во время революции 1848 г., Луи Блан сохранил до наших дней известность уже другого рода: его имя стало нарицательным для социалистов-соглашателей; В. И. Ленин неоднократно клеймил как луиблановщину предательство русских оппортунистов.

Л. Блан (1811—1882) родился в Мадриде, в семье роялиста-эмигранта. Его дед был гильотинирован во время якобинской диктатуры, отец же избежал этой участи лишь благодаря удачному побегу. Луи Блан с детства знал нужду. Интеллигент-разночинец, он переменил несколько профессий, был писцом в канцелярии, репетитором в богатых семьях, журналистом. В последнем деле он и нашел свое призвание. Публицистическая деятельность принесла ему славу и деньги. В дальнейшем Л. Блан занялся историей. Особую ценность представляет его двенадцатитомная «История Французской революции» (1847—1862). Хотя соглашатель Блан и порицал в ней непримиримость якобинцев, он обожал

Робеспьера и как историк открыл прогрессивную линию робеспьеризма в буржуазной историографии революции XVIII в.

Репутацией социалиста и социального мыслителя Блан обязан своему основному произведению «Организация труда», напечатанному вначале в виде серии газетных статей и вышедшему отдельной книгой в 1840 г. Энгельс отметил в 1847 г., что эта книга за один-два месяца разошлась среди рабочих парижских мастерских в шести тысячах экземпляров и выдержала уже пять изданий. А всего до революции 1848 г. она появлялась девять раз. Позднее Блан развивал свои идеи в новых изданиях «Организации труда» и в ряде других работ и статей.

Энгельс считал Луи Блана самым незначительным из всех социалистов. Популярность Л. Блану принесли не новизна или глубина его идей, а умение в изящной литературной форме излагать мысли, как бы висевшие в воздухе. При этом на боевые лозунги пролетариата он наложил свою мелкобуржуазную соглашательскую печать. Например, французские рабочие середины XIX в. подхватили сформулированные Луи Бланом лозунги «право на труд», понимая под этим правом гарантию от безработицы, и «организация труда», т. е. труд без эксплуатации. Л. Блан взял эти идеи у Фурье (который, однако, понимал их неосуществимость при буржуазном строе) и положил их в основу всего своего учения. Он обещал рабочим добиться их выполнения в рамках капитализма, что совершенно немыслимо, так как капитализм невозможен без безработицы и эксплуатации. В этом ярко сказывается эпигонство, измельчание, обеднение мысли Л. Блана в сравнении с его великими предшественниками.

Л. Блан ярок и остроумен в критике буржуазного строя. Он рисует ужасную картину нужды, в которой живут рабочие. Нищета превращает в ложь устои буржуазного общества. Так, говорил он, для поденщика, не имеющего пристанища, свобода заключается в том, что он свободен спать на мостовой. «Пролетариат есть не что иное, как последняя форма рабства», — писал Л. Блан[1]. Но при этом он старается внушить своим чи-

[1] L. Blanc. Le socialisme. Droit au travail. Paris, 1848, p. 11.

тателям, что капитализм одинаково тяжел для всех классов общества. Свою книгу «Организация труда» Блан посвятил богачам. «Вам, богачи, предназначается эта книга, — пишет он, — потому что в ней говорится о бедных. Ибо их социальное зло является и вашим» (стр. 9) [1]. «Бессилие в пресыщении — это и есть бедность богачей: бедность минус надежда!» — патетически заявляет Л. Блан (стр. 26).

Основное зло буржуазного общества Л. Блан находит в конкуренции, которую он считает одинаково пагубной для всех. «Laisser faire» — это значит «laisser mourir», свобода конкуренции и предпринимательства — это свобода умереть. Он ставит в один ряд и борьбу между государствами, и конкуренцию капиталистов, и соперничество рабочих в поисках работы. «Конкуренция является для народа губительной системой»; «Конкуренция — причина разорения буржуазии»; «Конкуренция приведет к смертоубийственной войне между Францией и Англией» — так кричат названия глав его «Организации труда».

Выход из бедствий, приносимых конкуренцией, Л. Блан видит в организации производственных ассоциаций как в промышленности, так и в сельском хозяйстве и даже в области литературного труда. Эти ассоциации создаются с помощью правительственных кредитов. «Государство — это банкир бедных», — считает Л. Блан (стр. 19).

Государство только на первых порах и управляет ассоциациями. Дальнейшего вмешательства властей в хозяйственные процессы не должно быть. «Мы делаем государство не директором мастерских, а их законодателем», — возглашает он [2]. Таким образом, у Л. Блана нет мысли об общегосударственном хозяйстве или о плановой экономике. В его «ассоциативном обществе» сохраняется конкуренция между общественными мастерскими и капиталистами. Правда, он надеется, что преимущества ассоциаций заставят капиталистов добровольно присоединиться к ним. Таким путем можно добиться «постепенного и мирного завоевания частных мастерских

---

[1] Цит. по русскому изданию 1926 г.

[2] L. Blanc. Questions d'aujourd'hui et de demain. 4-e serie. Socialisme, 1882, p. 182, n. I.

с заменой их общественными» (стр. 74). Для того, чтобы государство могло руководить этим процессом, оно должно быть демократизировано. Социальным реформам должны предшествовать политические. Но все политические требования Л. Блана сводятся к требованию общего избирательного права. Вопрос об изменении классового характера государства он даже не ставит.

В производственных ассоциациях, предлагаемых Л. Бланом, осуществляется полное обобществление средств производства и труд является коллективным. Это относится и к сельскому хозяйству. Отстаивая преимущества крупного сельского хозяйства против мелкого, Л. Блан признает за последним то достоинство, что в нем крестьянин тесно связан с землей. Ассоциация сохранит эту связь. Л. Блан против раздела земли поровну между крестьянами. Это дает равенство лишь на один день. В ассоциации должен быть потребительский коммунизм, который, правда, установится не сразу. Л. Блан, впрочем, оговаривается, что каждая семья может, по желанию, получить отдельно положенные на ее долю предметы потребления.

Исходя из принципов равенства, Л. Блан отвергает особое вознаграждение для талантов. «Правильная формулировка, — пишет он, — гласит: чтобы каждый производил по своим способностям и силам, чтобы каждый потреблял по своим потребностям»[1]. В окончательно установившемся общественном строе будет полное равенство, не будет ни заработной платы, ни торговли, ни прибыли на капитал. Но для этого требуется определенный период перевоспитания людей. Все же Л. Блан считает возможным сразу установить равную оплату членов общественных мастерских, хотя в сельскохозяйственных артелях оплата должна производиться по трудодням.

Для того, чтобы все развивалось «постепенно и без всяких потрясений», Л. Блан опять-таки допускает и участие капиталистов в ассоциациях. Они получают гарантированный процент на свой капитал, но в прибылях

---

[1] L. Blanc. Questions d'aujourd'hui et de demain. 4-e serie. Socialisme, 1882, p. 96.

«могут участвовать лишь в качестве рабочих»[1]. Следовательно, капиталисты получают возможность эксплуатировать производственные ассоциации.

Мы видим, что Л. Блан не только в своей позднейшей практике, но и в своих теоретических построениях и реформаторских проектах выступает как соглашатель. Он социалист, но стремится к мирному и постепенному, нереволюционному перерастанию капитализма в социализм. Задачу социалистического переустройства общества Л. Блан возлагает на буржуазное государство. Это не только более иллюзорно, но более вредно, чем наивные надежды других утопистов на гениального реформатора или на хороших капиталистов. Ведь мечты Фурье или Кабе (см. ниже) не меняли общую оценку капитализма. Пропаганда же Л. Блана создавала превратное понимание самой сущности буржуазного строя. Его идеи предвосхищают не только веру Лассаля в «социализм» Бисмарка, но и измышления проповедников «государства всеобщего благосостояния» наших дней.

Практическая деятельность Луи Блана и его провал

Всю несостоятельность мелкобуржуазного социализма Л. Блана показала революция 1848 г. Под давлением пролетариата Л. Блан после победы февральской революции был включен в состав временного правительства. Рабочие требовали, чтобы он возглавил там министерство труда, которое осуществило бы его планы. Но Л. Блан дал себя уговорить буржуазным членам правительства и согласился на создание вместо действенного министерства немощной комиссии по изучению положения рабочих. Так возникла Люксембургская комиссия, «социалистическая синагога», по меткому определению Маркса. Л. Блан позднее сам рассказывал, что один рабочий заявил ему по этому поводу: «Парижские рабочие были горестно изумлены, увидя, что вы уступили, когда вы могли быть уверены, что вас будут поддерживать до самой смерти». Буржуазное правительство опошлило и лозунг права на труд. В осуществление,

---

[1] Сисмонди, Луи Блан, Прудон в избранных отрывках. Л., 1926, стр. 179.

якобы, этого лозунга сто тысяч рабочих было зачислено в так называемые национальные мастерские, которые по словам Маркса являли собой просто «английские работные дома под открытым небом». Несмотря на это, Л. Блан продолжал оставаться в правительстве. И делал это, как он признался позже, потому что в сохранении спокойствия в Париже он видел свою главную задачу.

Деятельность Люксембургской комиссии, состоявшей из представителей предпринимателей, рабочих и некоторого числа экономистов, продолжалась с начала марта до середины мая 1848 г. Она организовала три производственные ассоциации, которые так и не сумели окрепнуть и после победы контрреволюции были распущены правительством. В последние дни своего существования Люксембургская комиссия опубликовала проект социальных реформ. Он предусматривал организацию рабочих ассоциаций и земледельческих колоний, национализацию Французского банка и предоставление государством дешевого кредита ассоциациям и отдельным крестьянам, преобразование торговли путем создания государственных товарных складов и устройства базаров при сохранении частных магазинов, выкуп государством у капиталистов железных дорог, каналов и рудников. Учредительное собрание положило весь этот реформистский проект под сукно.

Несмотря на свои услуги буржуазии, Луи Блан был вынужден эмигрировать в Англию после подавления июньского восстания. Вернулся он на родину в 1870 г. законченным буржуазным политиком. В дни Коммуны он стоял на стороне Версаля, хотя позднее, правда, выступил за амнистию коммунаров. Бланки (см. о нем ниже) в своем «Тосте» 1851 г. заклеймил Л. Блана как одного из тех, кто убил революцию 1848 г.[1]

Министры-социалисты типа Л. Блана, указывал Ленин, «на деле оказываются пустым украшением или ширмой буржуазного правительства, громоотводом народного возмущения от этого правительства, орудием обмана масс этим правительством»[2]. Л. Блан мнил себя

---

[1] См.: Л. О. Бланки. Избранные произведения. М., 1957, стр. 150.

[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 203.

вождем народа, а на деле он был *«хвостом* буржуазии, игрушкой в ее руках», и Ленин считал «сладенького Луи Блана» одним из тех «дурачков 1848-го года», которые так навредили рабочему классу.

Мирный утопический коммунизм Кабе

В 1840 г. одновременно с «Организацией труда» Л. Блана вышла в Париже еще одна нашумевшая книга — «Путешествие в Икарию» Этьена Кабе. Сверстник французской буржуазной революции XVIII в., свидетель и участник бурных событий всей первой половины XIX столетия, Кабе, сравнительно умеренный в своих теоретических взглядах, был истинным борцом в общественной жизни.

«...Судить о Кабе, как о главе партии, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — нужно не по его системе, а по его полемическим произведениям и вообще по всей его деятельности»[1]. Кабе вызывал бешеную злобу буржуазии и ни один из тогдашних французских социалистов и коммунистов, за исключением, пожалуй, О. Бланки, не подвергался таким злобным нападкам, как Кабе, хотя его проповедь мирного утопического коммунизма объективно была выгодна буржуазии.

Жизнь Кабе

Кабе (1788—1856) родился в Дижоне в семье бондаря и в детстве сам занимался ремеслом. Ему посчастливилось учиться в школе у последователя известного педагога Песталоцци. В 1812 г. Кабе сделался адвокатом, чтобы, по собственным его словам, «отдаться всецело защите бедных, слабых и угнетенных». Своими выступлениями на политических процессах он скоро снискал широкую известность. Наполеон, а потом и Бурбоны пытались обезвредить неспокойного адвоката привлечением его на службу. Но Кабе отклоняет эти предложения. Милость Бурбонов вскоре сменилась преследованиями, и Кабе как один из руководителей тайного общества карбонариев, участвует в Июльской революции 1830 г.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 463.

Первоначально Кабе наивно доверял «королю-гражданину» Луи-Филиппу и забрасывал его докладными записками с предложениями реформ. Король лицемерно выразил ему публично свою симпатию, а потом назначил его генеральным прокурором Корсики, что являлось не то попыткой подкупа, не то почетной ссылкой. На Корсике, где в прокурорах привыкли видеть нечто вроде верховных бандитов, Кабе приобрел любовь населения своей честностью и искренним стремлением защищать справедливость. Недовольное этим правительство вскоре его отозвало.

К тому времени Кабе вылечился от наивной веры в Июльскую монархию и, избранный в 1831 г. в палату депутатов, начал активную борьбу против режима Луи-Филиппа. Это вызвало вновь преследования, и в 1834 г. Кабе был на пять лет выслан из Франции. Он эмигрировал в Лондон, где продолжал начатую еще в Париже работу над созданием ряда популярных трудов по истории. В процессе углубленного изучения прошлого Кабе начал переходить от общедемократических на коммунистические позиции и решил «посвятить остаток своей жизни распространению коммунистического учения, даже если бы это грозило ему преследованиями, презрением и мученичеством»[1]. Как истинный идеалист и рационалист, Кабе предполагал, что, правдоподобно изобразив коммунистическое общество, он не только докажет его осуществимость, но и вызовет его к жизни. Проблемы построения коммунизма в «Путешествии в Икарию» он решал чисто умозрительно: «Я представил себе, — писал он, — что мне поручено организовать большое общество на основании принципа равенства. Я тщательно обдумывал, поскольку и как возможно осуществить равенство в воспитании, в пище, в жилищах, в обстановке, в труде и удовольствиях, короче, во всех областях общественной жизни». Так, по меткому замечанию одного своего биографа, решая проблему коммунизма как математическую задачу, Кабе написал свою книгу, которую опубликовал после возвращения во Францию. Книга Кабе, конечно, так же мало могла вызвать к жизни коммунистическое общество, как магические

---

[1] Цит. по книге Э. Кабе. Путешествие в Икарию, т. I. М., 1936, стр. 561.

рисунки древних охотников могли привести к ним добычу, но написанная живо, популярно, увлекательно, она произвела очень большое впечатление на трудящихся. Возникло целое «икарийское» движение. Центром его стала редактируемая Кабе газета «Популер». Мелкие ремесленники, торговцы, интеллигенты и отчасти рабочие раскупали акции газеты, зачитывались книгой Кабе, газетой и брошюрами — приложениями по актуальным вопросам. Со всех концов страны простые люди из народа писали ему, посылали свои сбережения, даже приезжали издалека, чтобы увидеть «отца Кабе».

Хотя Кабе пропагандировал лишь мирные средства борьбы и даже вел очень резкую полемику против революционного коммунизма, власти продолжали преследовать и его, и его движение. Кабе решил покинуть Францию, чтобы в другом месте найти обетованную землю и там построить коммунистическое общество. «Уйдем в Икарию», — бросает он клич весной 1847 г. Этот призыв нашел отклик среди его сторонников. На средства будущих икарийцев была куплена земля в США. В начале февраля 1848 г. первая партия переселенцев, одетых в одинаковую, скромную, как бы форменную одежду, отправилась за океан. Так накануне февральской революции Кабе отвлек часть трудящихся от революционных боев. Революция в свою очередь отвлекла многих сторонников Кабе от утопических поисков счастья на чужбине и втянула в реальную борьбу на родине. Кабе удалось отправить еще несколько небольших групп в «Икарию», как была названа основанная в США колония. Туда же поехал в конце 1848 г. и сам Кабе.

Колонисты натолкнулись на большие трудности, вызванные отчасти неопытностью Кабе в хозяйственных делах и его крутым нравом как руководителя, но главным образом утопичностью самой затеи построить коммунистическую ячейку в буржуазной среде. Начались раздоры, произошел раскол. В 1856 г. Кабе, переживший полное крушение своих надежд, скончался от разрыва сердца как раз тогда, когда он пытался организовать новую колонию.

Попытки осуществить утопические планы Кабе путем построения колоний закончились провалом, так же как и сходные попытки Оуэна, с которым, между прочим, Кабе был хорошо знаком и у которого многое перенял.

Коммунистическое общество Икарии

«Путешествие в Икарию» Кабе написано как утопический роман в духе традиций XVI—XVIII вв. Кабе, по собственным словам, избрал эту форму изложения, чтобы сделать свои идеи доступными всем. Икария, как и Утопия, — несуществующая страна. Но Кабе изображает ее гораздо более доступной, чем Утопия, в Икарию можно отправиться прямо на пароходе. Ее посещают многие путешественники. Записи одного такого английского путешественника и передаёт книга. В первой ее части даны история путешествия и описание страны, во второй части — критика существующего буржуазного строя и история Икарии. Третья часть, состоящая из одной главы, содержит итоговые рассуждения автора. Сюжет книги оживляется историей любви между англичанином и икарийской девушкой.

Источником всех зол существующего общественного строя Кабе считает имущественное неравенство, частную собственность и деньги. Именно неравенство породило богатство и нищету. Кабе ярко показывает бедствия трудящихся, вызванные таким положением. В Икарии до установления коммунистического строя «чрезмерный труд расслаблял подростка, истощал взрослого и убивал старого... Масса рабочих вырождалась, женщины теряли свою красоту и грацию вместе со здоровьем. Многие не могли даже получить работу и были в обществе людей несчастнее, чем дикари и звери в лесах» (II, 21) [1]. Единственное средство исцелить зло — «это уничтожение богатства и нищеты, т. е. установление равенства, общность имущества и хорошее воспитание». Кабе против революционного переустройства общества. «Если бы я держал революцию в своей руке, — восклицает он, — я оставил бы ее закрытой, даже если бы мне пришлось из-за этого умереть в изгнании» (II, 489).

И все-таки складывается впечатление, что Кабе не принципиальный противник революций и насилия, а что он не верит в их действенность. «...Среди предпринятых революций, — пишет он, — так мало окончившихся успехом! А среди последних как мало достигших своей цели, не будучи затем использованы или просто сведены на

---

[1] Цит. по изданию 1948 г.

нет аристократией!» (II, 483). Кабе видел, как мало дали народу революции, свидетелем которых он был. А так как ему было совершенно чуждо понимание общественных формаций и классовой структуры общества, Кабе и не мог представить себе, что пролетарские революции будущего коренным образом своими методами и результатами будут отличаться от буржуазных революций прошлого.

Коммунистический строй в Икарии, во всяком случае, был установлен в результате насильственного переворота, и в отношении бывших правителей был применен революционный террор, но избранный народом диктатор Икар вскоре приостановил насилие. Этот мудрый реформатор, которому Кабе дал имя легендарного греческого юноши, пытавшегося лететь к солнцу, сумел мирным и постепенным путем установить строй общности. Его мероприятия переходного периода сразу же улучшили положение трудящихся, и вместе с тем не задели богачей и подготовляли полную ликвидацию частной собственности.

Кабе верит в возможность мирного переходного периода, так как он считает, что богачи не виновны в неравенстве. Они сами жертвы общественного строя и страдают от него. «Богатые — такие же люди и наши братья, — пишет он, — как и бедные; они составляют даже значительную и прекрасную часть человечества» (II, 485). Их можно перевоспитывать, убедить отказаться от своего имущества. Переходный период, согласно Кабе, будет длиться долго, до ста лет, но он может быть сокращен с помощью пропаганды, воспитания, умных законов. В Икарии он продолжался тридцать лет. Кабе глубоко верит в преобразующую силу правительства, связанного с народом.

Икария в книге Кабе — это страна, где уже построено коммунистическое общество. Все средства производства принадлежат народу, хозяйство носит общегосударственный плановый характер, нет внутренней торговли и денег. Промышленное производство сосредоточено в национальных мастерских. Правда, в сельском хозяйстве сохранились отдельные фермы. Но фермеры — не собственники земли. Они так же, как и городские рабочие, производят по плану, снабжаются, как и все, за счет общества. Фермерам в страдную пору помогают

городские жители, которые в сельскохозяйственном труде видят удовольствие.

Вообще в Икарии все трудятся: мужчины с 18 до 65 лет, женщины с 17 до 50. Труд благодаря машинам, краткости рабочего дня и воспитанию стал удовольствием. Рабочие являются знатными людьми страны, им ставятся памятники. Умственный труд, физическая или административная работа — все одинаково почетно и общественно полезно. Большую роль в производстве играют машины, они облегчают труд, делают неприятные работы, помогают добиться изобилия продуктов.

Распределение производится по потребностям. Но так как полное изобилие еще не достигнуто в Икарии, их приходится ограничивать и уравнивать. Сначала производятся необходимые вещи, которых должно хватать на всех, и лишь во вторую и третью очередь — вещи полезные и приятные. Пока вещей второй или третьей категории не хватает на всех, их не дают никому или предоставляют по очереди. Так, например, лошадей для верховой езды икарийцы получают раз в 60 дней. Кабе против особого вознаграждения таланту или гению. «Гений, — говорит он, — его открытия и его заслуги являются созданием общества, а поэтому общество должно пользоваться ими безвозмездно» (II, 175).

Политический строй Икарии основан на полном суверенитете народа. Все вопросы решаются с участием всех граждан на местных собраниях и через их представителей на национальных собраниях. Такой строй и, главное, полное равенство обеспечивают истинную свободу, которая, согласно Кабе, «есть только право делать все, что не запрещено природой, разумом и обществом, и воздерживаться от всего, что не предписывается ими» (II, 179). Кабе против понимания свободы как права на произвол, на полную независимость личности от общества. Такое понимание, считает он, есть зло, порожденное ненавистью к деспотизму и рабству.

Исходя из этого, в Икарии нет свободы печати в смысле буржуазной демократии. Книги издаются государством, которое обеспечивает контроль над их качеством. Газеты же печатают лишь информации и протоколы собраний без всяких комментариев. Свобода мыслей обеспечивается тем, что на собраниях может

выступать каждый и что все выступления печатаются в газетах.

Огромную роль в Икарии играет воспитание. Оно начинается в семье и продолжается в школе. Обучение носит политехнический характер. Особое внимание уделяется овладению основами сельского хозяйства, что обязательно для всех. После окончания школы юноши и девушки избирают себе профессию по вкусу. Благодаря воспитанию и равенству в Икарии нет пьяниц, нет преступности, нет тюрем.

Икария в первые годы своего существования была вынуждена бороться против интервенции иностранных держав. Икарийцы отстояли свою независимость, но у них сохранились вооруженные силы для обороны. Они стремятся к миру со всеми государствами, к полному разоружению. Они не вмешиваются во внутренние дела других государств. Они уверены, что их путь приемлем и выгоден для всех, и надеются, что и другие страны построят коммунизм.

Кабе, как икарийцы, убежден, что все страны мира пойдут по пути Икарии. Особую надежду он возлагает на развитие техники, машин. В отличие от многих других утопистов, Кабе видел не только разорение и нужду, вызванные промышленным переворотом, но и революционизирующую роль новой техники. «Машина, — говорит он, — которая вызывает дрожь, когда слышишь ее рев... носит в своих недрах тысячи маленьких революций и великую социальную и политическую революцию» (II, 295—296). И обращаясь к аристократам, он восклицает: «Берегитесь, берегитесь! Вот идет паровоз! Берегитесь, берегитесь! Уступайте место демократии!» (II, 296). Особую честь Этьену Кабе делает его предвидение большого значения электричества. «Какую новую огромную силу приобрела бы промышленность, если бы, как мы надеемся здесь, человек мог подчинить своей воле электричество, как пар, и применить его, как пар, ко всем машинам с большей мощностью, меньшими трудностями и меньшими издержками» (II, 293).

Кабе по всему своему мировоззрению не только идеалист, но и рационалист, причем его рационализм уходит своими корнями в XVIII в. Изображенное им коммунистическое общество Икарии — это идеальное

общество, раз и навсегда спланированное и созданное ее творцами в соответствии с вечными и незыблемыми законами разума, справедливости, природы. Этот рационализм чувствуется во всем. Икарийцами, например, создан и идеальный язык, с легкой и логически совершенной грамматикой, предтеча будущего эсперанто. Специальными комитетами установлены наиболее полезные виды пищи и составы меню, наиболее удобная планировка домов и их внутренняя обстановка, наиболее рациональные фасоны и покрои одежды. Этим рационализмом, но еще больше мелкобуржуазной, ремесленной сущностью взглядов Кабе и объясняется жесткая регламентация и уравнительность всех сторон жизни в Икарии. Однажды избранная профессия сохраняется на всю жизнь — икариец фактически прикреплен к своей работе. Регламентирован не только процесс производства, но указано, в какие часы рабочие во время работы молчат, в какие же они разговаривают и поют. Все не только получают одинаковую пищу, но установлено даже, какие трапезы принимаются в мастерской, какие в общественной столовой, какие дома. Дети в школу отправляются колоннами, построенными по дворам и улицам. Понимая унылость такой жизни, Кабе вводит и некоторое разнообразие, но это не многообразие творческих почерков человеческих личностей, а многообразие форм, выдуманных и установленных заранее, чтобы подчеркнуть внешние различия. Покажем это на примере того, как Кабе решает вопрос о фасонах одежды икарийцев. «Все, — говорит он, — имеют одинаковую одежду, и это исключает зависть и кокетство. Но не думай пожалуйста, что одинаковость исключает разнообразие... Не только оба пола одеты различно, но и в каждом из обоих полов человек часто меняет одежду соответственно возрасту и положению, ибо особенности одежды указывают все обстоятельства и различия положения отдельных лиц. Детство и юность, возраст половой зрелости и совершеннолетия, положение холостяка или женатого, вдовца или вновь вступившего в брак, различные профессии и разные функции — все это отличается в одежде. Все лица одного и того же положения носят одинаковую одежду, но тысячи различных форм одежды соответствуют тысячам различных положений» (I, 306).

Мелкобуржуазный характер взглядов Кабе сказывается в том, что он не признает равенства женщин. Женщины в Икарии пользуются большим почетом — это почет в духе «рыцарского» преклонения и буржуазного этикета, — но не участвуют в политической и общественной жизни, на них лежит вся забота по домашнему хозяйству. Мещанский подход у Кабе к семье и браку. Развод почти так же труден, как в католической церкви. Внебрачные отношения и супружескую неверность Кабе считает настолько недопустимыми и преступными, что он вообще почти исключает их возможность в Икарии. Во имя «нравственности» Кабе заставляет юношей в Икарии танцевать лишь с юношами, девушек только с девушками, и лишь мужьям и женам позволяется вальсировать вместе.

Маркс в «Святом семействе» назвал Кабе «самым популярным, хотя и самым поверхностным представителем коммунизма»[1]. Кабе не глубок в решении сложных проблем, он не оригинален в своих мыслях и описаниях. Но ему принадлежит заслуга популяризации коммунистических идей, заслуга полного отрицания права частной собственности, защиты принципа общности.

При всей примитивной уравнительности идей Кабе, при всем том, что его мелкобуржуазные идеи мешали росту классового сознания рабочих, нас привлекает и подкупает глубокое уважение его к труду, его страстная любовь к миру, его глубокая вера в безграничный прогресс человечества. И его мировоззрение ближе пролетарскому, чем Л. Блана или Прудона.

Буржуазный консервативный социализм Прудона

Первый крупный труд Прудона «Что такое собственность?» появился в том же 1840 г., что и «Организация труда» и «Путешествие в Икарию». И идеи его сложились уже до 1848 г.

Остановимся на взглядах и предложениях Прудона 40-х годов.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 146.

К. Маркс и Ф. Энгельс одно время дружили с Прудоном, но в то же время они резко критиковали его ошибки. Работа Маркса «Нищета философии» (1847) была написана в ответ на книгу Прудона «Система экономических противоречий, или философия нищеты» (1846).

Основоположники марксизма раскрыли мелкобуржуазную сущность мировоззрения Прудона. «Г-н Прудон — с головы до ног философ, экономист мелкой буржуазии» [1], — писал Маркс в письме к П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г. Вместе с тем в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс охарактеризовали Прудона как представителя буржуазного, консервативного социализма. Нет ли противоречия между этими характеристиками? — Нет. Дело в том, что, оставаясь мелкобуржуазным идеологом, Прудон гораздо правее, консервативнее всех популярных тогда мелкобуржуазных социалистов и коммунистов. Те, хотя и утопическими средствами, нереволюционным путем, не всегда последовательно, но все же хотели преобразовать буржуазный строй, обобществить средства производства, построить социалистическое общество. Прудон же был за сохранение мелкой частной собственности, за сохранение буржуазного способа производства. Он, по-существу, вообще не был социалистом. Это и хотели подчеркнуть Маркс и Энгельс, включая в характеристику Прудона такие, как бы исключающие друг друга определения, как буржуазный и социализм.

Почему же, в таком случае, мы отводим ему место в курсе развития социалистической мысли? Не только потому, что Прудон сам считал себя социалистом, но, главным образом, потому, что его буржуазные взгляды в результате определенных условий воспринимались одно время французскими (и не только французскими) рабочими как социалистические. Поэтому преодоление прудоновских заблуждений было важным шагом по пути пролетариата к научному социализму. «Прудон, — писал в 80-х гг. Энгельс, — играл в истории европейского рабочего движения слишком значительную роль, чтобы можно было так просто предать его забвению. Опровергнутый в теории, оттесненный в сторону на практике, он

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 411.

продолжает сохранять исторический интерес. Кто сколько-нибудь обстоятельно изучает современный социализм, тот должен изучить также и «преодоленные точки зрения» в рабочем движении»[1].

Личность Прудона

Пьер Жозеф Прудон (1809—1865) вышел из самой гущи народа. «У меня 14 предков мужиков, — гордо заявил он в 1848 г. в Национальном собрании, — назовите мне хоть одно семейство, имеющее столько благородных предков». Его отец, крестьянин, работал и по найму, а позднее открыл бочарную мастерскую, но вскоре и земля, и мастерская были распроданы за долги. 12-летний Пьер, старший из пятерых детей, был оторван от пастушеской жизни, которую он вел до этого. Навсегда он сохранил память о своем детстве как о сельской идиллии и пронес через всю свою жизнь жгучую ненависть к ростовщичеству, разорившему его родителей.

Прудон стал рабочим, подмастерьем, наборщиком, много кочевал, познал тяжелую нужду, но тем не менее упорно занимался самообразованием. Получить систематические знания он так и не сумел, что сказалось во всех его позднейших работах. Сенсационную славу принесла ему работа «Что такое собственность?». Однако всю свою жизнь Прудон испытывал нужду и к тому же подвергался репрессиям. Как он сам потом говорил, часть своих книг он набирал сам, другую часть написал в тюрьмах.

«Неукротимый гладиатор» — так называл Прудона хорошо знавший его Герцен. Вот как Герцен описывает схватку Прудона в Национальном собрании, депутатом которого он был, с будущим палачом Коммуны Тьером:

«Тьер, отвергая финансовый проект Прудона, сделал какой-то намек о нравственном растлении людей, распространяющих такие учения. Прудон взошел на трибуну и, со своим грозным и сутуловатым видом коренастого жителя полей, сказал улыбающемуся старичишке:

— Говорите о финансах, но не говорите о нравственности, я могу принять это за личность, я вам уже сказал это в комитете. Если же вы будете продолжать,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 337.

я — я не вызову вас на дуэль (Тьер улыбнулся). Нет, мне мало вашей смерти, этим ничего не докажешь. Я предложу вам другой бой. Здесь, с этой трибуны, я расскажу всю мою жизнь, факт за фактом; каждый может мне напомнить, если я что-нибудь забуду или пропущу. И потом пусть расскажет свою жизнь мой противник!

Глаза всех обратились на Тьера: он сидел нахмуренный, и улыбки совсем не было, да и ответа тоже»[1].

Защищая свой проект, о котором идет речь в этом рассказе, Прудон не побоялся резко напасть на буржуазных депутатов за их антинародную политику, хотя это было назавтра после июльской бойни и далеко не безопасно. Он, несомненно, был честен и бескорыстен в личной жизни. Но это не мешало ему идти на сделки с совестью во имя сомнительных политических выгод. Анархист, он искал милости Луи-Филиппа, кокетничал с Наполеоном III, оправдывал захват им власти. Характеризуя книгу Прудона о государственном перевороте Луи Наполеона, Маркс заметил, что ее надо рассматривать «как прямую подлость». Маркс при этом подчеркнул, что и в этом, как и во всем остальном, Прудон проявляет свою мелкобуржуазную сущность. «Таков он в своих экономических интересах, а потому и в своей политике, в своих религиозных, научных и художественных воззрениях, — говорит о нем Маркс. — Таков он в своей морали, таков он во всем. Он — воплощенное противоречие»[2].

Именно при Второй империи, т. е. в 50—60-х гг. XIX в., развернулась основная политическая и реформаторская деятельность Прудона.

Теория и реформаторские проекты Прудона

Лучшим произведением Прудона Маркс считал книгу «Что такое собственность?». В ней, говорил он, Прудон подвергает частную собственность «первому решительному, беспощадному и в то же время научному исследованию», что «впервые делает возможной действительную науку политической экономии»[3]. Но сам Прудон

---

[1] А. И. Герцен. Собр. соч., т. X. М., 1956, стр. 188—189.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947, стр. 158.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 34.

эту возможность не превратил в действительность. Научную политическую экономию создал только Маркс. При этом один из первых шагов Маркса по пути к созданию этой науки заключался в критике ошибочных взглядов Прудона, высказанных им во второй крупной работе «Философия нищеты».

Прудон, как известно, характеризует собственность как кражу. Но при этом, как он сам объясняет, под собственностью понимает «всю сумму злоупотреблений» [1]. Другими словами, Прудон только против злоупотребления собственностью, против крупной собственности. Называя последнюю просто собственностью, он ей противопоставляет мелкую собственность, которую называет владением. «Уничтожьте собственность и сохраните владение, — пишет он, — ...вы уничтожите зло на земле» (стр. 199). Его идеал — общество мелких производителей, обладающих равной по размерам собственностью. «Сто тысяч человек, — говорит он, — поселяются в пустынной стране... всякий из этих людей имеет право на одну стотысячную часть всего запаса земли. Если число владельцев увеличивается, доля каждого соответственно уменьшается... организуйте теперь полицию, управление, труд, обмен, наследование и т. д. таким образом, чтобы средства труда оставались всегда одинаковыми для всех и чтобы каждый был свободен, тогда общество будет совершенным» (стр. 51).

Исходя из этого идеала, Прудон выступает как против современного ему капитализма, так и против коммунизма. «Коммунизм, — пишет он, — отрицает независимость и пропорциональность, собственность же не удовлетворяет требований равенства и закона» (стр. 195). Ему казалось, что он открыл «третью форму общества, синтез общности и собственности» (стр. 196), значит такое общество, которое было бы не капиталистическим и не коммунистическим.

Но как добиться осуществления этой «третьей формы общества?» Прудон был принципиальным противником революционной борьбы. «Незачем выдвигать революционное действие в качестве средства социальной реформы», — писал он в письме Марксу. Прудон не мог свя-

---

[1] П. Ж. Прудон. Что такое собственность? М., 1919, стр. 11. Ниже цит. по этому изданию.

зать свои надежды и с избирательной реформой, так как он выступал как анархист. Анархизм Прудона, в отличие от анархизма, скажем, Бакунина, был совершенно мирным анархизмом. «Хотя я большой приверженец порядка, — говорил о себе Прудон, — тем не менее я в полном смысле слова анархист» (стр. 189). Анархизм его конкретно проявлялся в том, что, правильно оценивая буржуазную демократию как ложную, Прудон вообще отрицал значение демократии и был противником всякой политической борьбы. Отвергал он и классовую борьбу. Прудон был против забастовки рабочих, ошибочно считая, что повышение заработной платы автоматически приводит к росту цен, так что реальная заработная плата не повышается.

Отклоняя, таким образом, революцию, политические реформы, классовую борьбу, Прудон все свои надежды возлагал на преобразование обмена. «Как, уничтожив собственность, люди все станут собственниками?» — спрашивает Прудон в «Философии нищеты». И тут же отвечает, что для этого «вполне достаточно простой взаимности обмена, сопровождаемой несколькими банковыми комбинациями».

Прудон вообще недооценивал роль производства и переоценивал роль обращения, торговли, кредита. Он считал, что и нужда рабочих является результатом не эксплуатации со стороны предпринимателей, а вызывается тем, что обмен происходит несправедливо, неравноценно, «и это неравенство, эта несправедливость в обменах является наиболее действительной причиной нищеты», — писал он. Справедливым, равноценным обменом Прудон считал обмен без денег, без прибылей. В таком обмене Прудон видел поистине панацею от всех зол. «Продукты, — говорил он, — могут быть куплены только за продукты, но так как условием всякого обмена является равноценность обмениваемых продуктов, то всякая прибыль невозможна и несправедлива. Попытайтесь осуществить этот элементарнейший принцип хозяйства, и вы увидите, что пауперизм, роскошь, угнетение, порок, преступление и голод исчезнут» (стр. 199—200).

Конкретный план преобразования обмена Прудон выдвинул после победы революции 1848 г., но, как показал советский исследователь Н. Е. Застенкер, этот план был фактически разработан раньше. В 1848 г. Прудон высту-

пил с проектом организации обменного банка, при посредстве которого можно было бы давать нуждающимся даровой кредит и менять продукты на продукты. С этой целью надо, писал он, «покрывать банковские билеты не посредством звонкой монеты, слитков или недвижимости... а посредством продуктов». По мнению Прудона, результаты такого банка должны были быть чудотворными. Он писал: «*Последствия создания обменного банка:* обесценение и уничтожение золотой и серебряной монеты. Безграничный сбыт. Уничтожение налогов. Уничтожение таможен. Выплата государственного долга и поземельных долговых обязательств. Преобразование собственности. Уничтожение государства и т. д.» [1].

Итак, Прудону казалось, что одним ударом можно преобразовать все общество. В 1840 г. он был уверен, что таким ударом окажется его книга. «Пусть же собственники готовятся наблюдать за точностью моих вычислений, — писал он тогда, — ибо если, к несчастью для собственников, последние окажутся правильными, собственники погибли» (стр. 107). И заканчивая свою книгу «Что такое собственность?», он без ложной скромности заявил: «Я исполнил задачу, которую я себе поставил: собственность побеждена, она никогда не оправится от моих ударов. Всюду, куда бы ни проникла эта книга... всюду, где она появится, привилегии и рабство рано или поздно погибнут» (стр. 198—199).

Капитализм пережил и книги Прудона, и его банковый билет. Великолепный способ делать деньги из ничего и приблизить для всех рабочих наступление царства божьего на земле, придуманный Прудоном, был только разновидностью трудовых базаров, которые неоднократно, и всегда без успеха, пытались организовать в Англии, — писал Ф. Энгельс в 1846 г. [2] Проект Прудона так же бесславно обанкротился, как и подобные проекты за Ламаншем, хотя Прудону и удалось распространить сравнительно большое количество акций проектируемого им банка. 11 февраля 1849 г. его «Народный банк» должен был начать свою деятельность, но он так и не был открыт. Прудон вернул деньги акционерам, сам от-

---

[1] См. «Новая история в документах и материалах», под ред. Н. М. Лукина и В. М. Далина. Вып. 1. М., 1935, стр. 356—358.

[2] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 40.

казался от своего плана, — он понял его неосуществимость.

В высокопарности и ничтожности своих планов Прудон показывает себя как истинный мелкий буржуа. «Он хочет быть синтезом, — иронизировал Маркс по поводу Прудона, — но оказывается не более как совокупной ошибкой.

Он хочет парить над буржуа и пролетариями, как муж науки, но оказывается лишь мелким буржуа, постоянно колеблющимся между капиталом и трудом...» [1].

В. И. Ленин писал: «Не уничтожить капитализм и его основу — товарное производство, а *очистить* эту основу от злоупотреблений, от наростов и т. п.; не уничтожить обмен и меновую стоимость, а, наоборот, «конституировать» ее, сделать ее всеобщей, абсолютной, «*справедливой*», лишенной колебаний, кризисов, злоупотреблений — вот идея Прудона» [2].

Характеристика Прудона будет не полной, если не сказать о его взглядах на женщину и семью. Здесь особенно выпукло Прудон выступает как консервативный, реакционный мещанин. Что стоит хотя бы следующее высказывание Прудона: «Между мужчиной и женщиной могут существовать узы любви, страсти, привычки, чего угодно, только не истинного общественного чувства. Мужчина и женщина не товарищи. Различие пола ставит между ними такую же преграду, какую различие видов ставит между животными. Будучи далек от увлечения тем, что теперь принято называть эмансипацией женщины, я, пожалуй, склонен скорее, если б дело уже дошло до этого, запереть женщин в тюрьму» (стр. 171, примечание).

Фурье говорил, что степень эмансипации, свободы общества определяется степенью эмансипации женщины в этом обществе. Можно сказать, что отношение общественного деятеля к решению общественных проблем в целом определяется его позицией по решению женской проблемы. Мелкий собственник, который, как отметил Герцен, в женщине и жене видел в первую очередь рабо-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 147.
[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 24, стр. 131.

чую силу, Прудон остался таким же мелким собственником во всем своем мировоззрении.

«Буржуа-социалисты, — читаем мы в «Коммунистическом Манифесте», — хотят сохранить условия существования современного общества, но без борьбы и опасностей, которые неизбежно из них вытекают. Они хотят сохранить современное общество, однако, без тех элементов, которые его революционизируют и разлагают. Они хотели бы иметь буржуазию без пролетариата»[1]. Прудон — именно такой буржуазный, консервативный социалист. Он призывал не вперед, а тянул назад, к давно пройденному времени средневекового цехового ремесла,. патриархального крестьянского мелкого хозяйства. Только незрелостью французского пролетариата можно объяснить популярность, которой идеи Прудона пользовались одно время в рабочей среде. В годы Второй империи, — отмечал Энгельс, — сочинения и, что еще важнее, мысли Прудона были «главной духовной пищей» именно французских рабочих. Впрочем, этой же незрелостью объясняется и влияние среди рабочих других мелкобуржуазных социалистов и коммунистов, о которых мы говорили выше.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 454.

ЛЕКЦИЯ X

РАЗВИТИЕ РЕВОЛЮЦИОННО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ БАБУВИСТОВ В 30—40-х гг. XIX в. ВО ФРАНЦИИ (Бланки, Дезами)

Рост классового самосознания пролетариата

Характеризуя Париж последних лет Июльской монархии, Ленин отмечал кипучую деятельность многих революционных групп, живое обсуждение различных социалистических теорий в столице Франции того времени.

В предыдущей лекции мы познакомились с представителями мелкобуржуазных утопических социалистических и коммунистических школ Франции 30-х и 40-х гг. Мелкобуржуазные идейные течения владели умами множества рабочих. В этом сказалась недостаточная зрелость тогдашнего французского пролетариата. В то же время 30—40-е гг. прошлого века были и периодом выделения рабочих из непролетарской массы, образования прослойки кадровых рабочих, окончательного формирования пролетариата Парижа и других крупных городов Франции как особого класса общества. Если до революции 1830 г. и в июльские дни рабочие практически выступали лишь под руководством буржуазных демократов, то в последующие годы они все больше проявляют себя как самостоятельная сила. Лионские восстания, — забастовочное движение, активное участие в политической борьбе, в легальных обществах и подпольных

революционных организациях — все это говорит о росте классового самосознания французского пролетариата.

На этой почве, параллельно с мелкобуржуазным направлением мысли, зарождается и развивается пролетарское идейное течение, начинается кристаллизация собственно пролетарской идеологии. На раннем, домарксовом этапе ее развития получают распространение идеи утопического революционного коммунизма Бланки и Дезами.

«...В 1847 г. социализм был буржуазным движением, коммунизм — движением рабочего класса»[1] — писал позднее Энгельс.

Историческое значение книги Буонарроти

Революционно-коммунистические идеи периода Июльской монархии восходили к традициям французской буржуазной революции XVIII в. Усиливается преклонение перед памятью Робеспьера, романтически-революционный образ которого ошибочно ассоциируется с идеями фактического равенства и коммунизма. Но настоящим вдохновителем революционно-коммунистических идей стал Бабеф. «Влияние бабувистских традиций на французских коммунистов 30—40-х гг. XIX в. велико и бесспорно», — говорит академик Волгин.

Решающее значение в передаче традиций бабувизма новому поколению революционеров сыграла, безусловно, книга Буонарроти о Заговоре равных, вышедшая в свет в 1828 г. Сам автор, уже знакомый нам, Филипп Буонарроти (1761—1837), соратник Бабефа, участник французской революции и итальянского освободительного движения, был как бы живым памятником суровых и героических революционных битв прошлого. Героизмом, страстным призывом к борьбе, глубокой верой в торжество идей коммунизма веяло со страниц его книги. Это замечательное произведение дает подробный и увлекательный рассказ о борьбе Равных, востанавливает облик Бабефа и его друзей, раскрывает мировоззрение, идеи и конкретную программу бабувистов. Книга Буонарроти, по словам В. П. Волгина, — это «прекрасное

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 367.

изложение основных принципов коммунизма на той ступени его развития, которой он достиг к концу революции».

Книгой Буонарроти зачитывались лучшие представители французской революционной молодежи 30—40-х гг. Она была хорошо знакома и парижским рабочим. Гейне причисляет ее к книгам, наиболее усердно читаемым жителями парижских предместий. Но эта книга несла в рабочую, студенческую, революционную среду не только коммунистические идеи бабувистов, но и их заговорщическую тактику. Тактика эта, приведшая к провалу уже в конце XVIII в., была еще более ошибочной и вредной в XIX столетии, когда созрели условия для массовой рабочей революционной борьбы.

Эгалитарные и социалистические идеи в республиканских обществах начала 30-х годов

В первые годы Июльской монархии рабочие активно участвовали в деятельности полулегальных республиканских обществ. Первое такое общество «Друзья народа» образовалось уже в 1830 г. Среди руководителей общества были будущий кандидат в президенты от социалистов на выборах 1848 г. Ф. Распайль (1794—1878), популярный буржуазный демократ Годфруа Кавеньяк (1801—1845), молодой Бланки. Гейне оставил нам описание одного из собраний этого общества, на котором как раз выступали Бланки и Кавеньяк. «Там было свыше полутора тысяч человек, сжатых в кучу, в узком зале, похожем на театр», — рассказывает Гейне, и вся атмосфера собрания, по его словам, напоминала 1793 год[1].

Дошла до нас и речь, произнесенная Бланки на этом собрании, «речь, полная ума, искренности и гнева», пронизанная насмешками над буржуазией[2]. Из этой и других речей членов общества, так же, как из иных документов, видно, что «Друзья народа» обращались в своей

---

[1] Г. Гейне. Французские дела. Соч., т. 5, М., 1958, стр. 272.
[2] Там же.

пропаганде к трудящимся массам, подчеркивали классовую борьбу между буржуазией и народом, боролись за республику. Однако их социальная программа была очень неопределенной и не выходила из рамок существующего буржуазного строя.

В состав «Друзей народа» входили и рабочие. Были созданы специальные секции портных, каменщиков и других рабочих профессий.

По имеющимся данным, среди пролетарских членов общества «Друзей народа» выдвигались гораздо более радикальные требования в духе социализма и эгалитаризма — имущественного уравнения. Политические преобразования, говорилось в одной брошюре, суть лишь средство к цели. А цель — это равное распределение тягот и благодеяний общества, полное установление царства равенства.

Против «Друзей народа» вскоре начались преследования. С осени 1831 г. его собрания стали закрытыми, в январе 1832 г. был организован судебный процесс против его руководителей. Общество «Друзей народа» было разгромлено. В 1833 г. возникла новая организация — «Общество прав человека и гражданина». Общество активно действовало среди студенческой и рабочей массы, оно имело ответвления в провинции. Документы общества исходят из якобинской «Декларации прав» 1793 г. и особенно подчеркивают робеспьеристские традиции. «Общество прав человека» гораздо больше, чем «Друзья народа», обращает внимание на повседневные нужды рабочих, поддерживает требования сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. Некоторые левые группы Общества пропагандируют уравнительские и социалистические идеи, одобряют стачечную борьбу. Члены этого общества активно участвуют в лионском и парижском восстаниях 1834 г.

После подавления этих восстаний власти обрушились на «Общество прав человека», и оно также прекратило свое существование. В 1834 и 1835 гг. издаются законы, воспрещающие создание обществ и ограничивающие свободу печати. Именно тогда открывается новая страница в истории французского революционного движения. Репрессии заставили революционеров перейти в подполье, на смену легальным и полулегальным республиканским организациям приходят тайные общества.

Меняется и состав этих обществ. Буржуазные демократы, напуганные призраком рабочей революции, отходят от республиканского движения, сплачиваются на долгие годы вокруг Луи-Филиппа. В тайных обществах участвуют теперь преимущественно рабочие и близкие к ним мелкобуржуазные элементы. Робеспьеристские традиции уступают место бабувистским. Возрождается и заговорщическая тактика конца XVIII в.

Хотя тайные общества второй половины 30-х гг. по своему составу и были в значительной мере пролетарскими, они были еще очень слабо связаны с рабочей массой.

Бланки. Его общая характеристика

Новый этап развития революционного движения и деятельности тайных обществ неотделим от имени Луи Огюста Бланки (1805—1881).

Сын жирондистского члена Конвента и брат крупного экономиста, Огюст Бланки имел все данные для карьеры преуспевающего государственного деятеля или выдающегося кабинетного ученого. В нескончаемые тюремные годы он занимался глубокими теоретическими исследованиями в самых разнообразных отраслях науки, от филологии до медицины, и единственный законченный труд, который он оставил после себя, это труд по астрономии.

Бланки с ранней молодости посвятил себя делу трудящихся масс, которому он и остался верен всю свою жизнь. Судьба Бланки была поистине трагична. Женившись в 1834 г. на горячо любимой девушке, он с ней прожил лишь несколько счастливых лет. Жена скончалась от болезни, когда Бланки сидел в тюрьме, и он с ней так и не простился. Бланки очень тяжело переживал эту потерю. «В сравнении с этим несчастьем, — признался он в старости другу, — тридцать два года заключения кажутся легкими, как перышко»[1]. Это были не просто слова. Бланки всю жизнь хранил в своем сердце облик

---

[1] M. Dommanget. Les idées politiques et sociales d'Auguste Blanqui. P., 1957, p. 22.

Сюзанны-Амелии, своей подруги. Его враги, не упускавшие случая оклеветать Бланки, не раз обращали внимание на то, что он всегда выступал в черных перчатках. Была выдумана версия, что под перчатками скрывается неизлечимая кожная болезнь. На самом деле, по свидетельству его интимных друзей, Бланки под перчатками скрывал от чужих взглядов браслет и кольцо своей жены — единственное, быть может, проявление сентиментальности в его непреклонной натуре. После смерти жены остался сын, но тот воспитывался в совершенно чуждом, даже враждебном Бланки духе. Бланки своего сына впервые увидел уже взрослым и не нашел в нем ничего родного. Отсутствие женской и сыновней ласки только отчасти возмещалось трогательной любовью к Бланки его матери и двух сестер.

Главной страстью в жизни Бланки была революция. Но и она его не баловала, стала для него жертвенным алтарем. Тридцать два с половиной года Бланки просидел в тюрьмах, десять с половиной лет был в изгнании или на принудительном поселении. И все же главная его трагедия как революционера была не в этом: посвятивший всю свою жизнь, все свои помыслы подготовке восстаний и революций рабочего класса, Бланки всякий раз оказывался вырванным из революционной и рабочей среды как раз тогда, когда разгорались крупнейшие классовые бои. Так, он был арестован незадолго до июньского восстания 1848 г., второй раз — буквально накануне революции 18 марта, т. е. Парижской Коммуны 1871 г.

Именно тем, что он был вечным узником, как называли Бланки еще при жизни, и можно объяснить тот факт, что, прожив длинную жизнь и скончавшись совсем незадолго до смерти Маркса, Бланки до конца оставался воплощением и олицетворением домарксового этапа борьбы пролетариата. Бланки, как отметил Энгельс в 1874 г., был все же «революционер прошлого поколения»[1]. «Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства»[2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 512.
[2] В. И. Ленин. ПСС, т. 13, стр. 76.

Начало деятельности Бланки. Его переход к коммунизму

Л. О. Бланки родился 1 февраля 1805 г. в небольшом городке неподалеку от Ниццы. Его отец, Доминик, сын кожевника, был в 1793 г., после победы якобинцев, арестован среди других жирондистов, членов Конвента. Освобожденный после 9 термидора, он участвовал в перевороте Наполеона Бонапарта и был назначен субпрефектом. Мать Огюста была человеком несгибаемой воли. Даже в 1853 г., в возрасте 75 лет, она помогала своему сыну в организации побега из тюрьмы. Именно от матери, видимо, О. Бланки унаследовал свой непреклонный характер.

Огюст был третьим ребенком среди восьми детей. Скромное, но обеспеченное существование многодетной семьи при империи, пока отец был чиновником, сменилось нуждой после возвращения Бурбонов. Все же с помощью своего старшего брата Адольфа О. Бланки сумел поступить 13-ти лет в лицей, в Париже. В 18 лет он блестяще заканчивает среднее образование, начинает изучать юриспруденцию, работает сначала репетитором, потом учителем. Тогда же, в 1824 г., Бланки примыкает к тайной организации карбонариев. Он участвовал во всех студенческих выступлениях последних лет Реставрации, трижды был ранен в столкновениях с полицией и войсками, в 1828 г. был арестован. Правда, этот первый в целой веренице его арестов продолжался лишь один день.

В июле 1830 г. Бланки сражался на баррикадах. Разочарованный в результатах революции, он вскоре вступил в общество «Друзей народа». Привлеченный к суду вместе с другими членами общества, он весной 1832 г. был осужден на год тюрьмы.

Еще в конце 20-х гг. Бланки познакомился с учениями Сен-Симона и Фурье. Но их проповедь мирных средств не привлекла его. Он остался сторонником вооруженной борьбы, и в листовке, напечатанной им в декабре 1830 г. по поводу смерти известного либерала Бенжамена Констана, призывал студентов — медиков и юристов прийти на похороны с оружием в руках. В тот период Бланки еще нельзя считать социалистом или коммунистом. На «процессе пятнадцати» 1832 г. он

в ответ на вопрос судьи о своих занятиях говорит, что он «пролетарий» и тут же заявляет, что этой профессией «занимаются тридцать миллионов французов, живущих своим трудом и лишенных политических прав», т. е. в начале 30-х годов еще отождествляют пролетариат с народом и с беднотой вообще. Однако классовая борьба для него — уже «война между богатыми и бедными», борьба «против привилегированных, живущих в раздолье за счет труда и пота пролетариев». Это уже не прежняя борьба между аристократией и буржуа (стр. 65, 95) [1]. Бланки не выдвигает еще никаких уравнительских или тем паче коммунистических лозунгов. Он требует всеобщего избирательного права, республики; по-существу, единственное социальное мероприятие, предложенное Бланки, сводится к требованиям налоговой реформы в пользу бедняков, которую должно провести новое республиканское правительство. «Вместо того, чтобы брать деньги у трудолюбивых пролетариев и отдавать их богатым, налоговая система должна будет взимать у бездельников излишки для распределения их среди тех неимущих, которых отсутствие денег обрекает на бездействие» (стр. 75).

Парижская тюрьма Сен-Пелажи оказалась для Бланки пролетарским университетом. Здесь он попадает под влияние идей Буонарроти и других бабувистов. При выходе из тюрьмы Бланки в 1834 г. написал статью под характерным заголовком: «Кто варит суп, тот пусть и ест его». В этой статье Бланки уже прямо нападает на буржуазную собственность, в ней, а не в политическом устройстве он видит источник угнетения народных масс. «Именно захват орудий труда, а не тот или другой политический строй, превращает массы в рабов», — пишет Бланки. Выступая как враг частной собственности и как поборник равенства, Бланки правильно предупреждает, что «равенство не может быть достигнуто разделом земли». Отмены частной собственности и установления равенства, говорит Бланки в заключение своей статьи, можно добиться через ассоциацию (стр. 107, 113—114). Таким образом, в этой статье, хотя и в нечеткой форме, Бланки отстаивает уже коммунистические взгляды.

---

[1] Здесь и ниже цит. по книге: О. Бланки. Избранные произведения. М., 1952.

Новые программные и тактические взгляды «Общества семейств» и «Времен года»

В 1835 г. Бланки участвует в организации тайного «Общества семейств». Название общества объясняется тем, что его секции, каждая из которых состояла из пяти ячеек, назывались семействами. Общество семейств организовало подпольное предприятие для производства пороха. По доносу полиция раскрыла это предприятие и 24 члена Общества, в том числе и Бланки, были преданы суду. Бланки был осужден на денежный штраф и два года заключения. По случаю всеобщей амнистии он был досрочно освобожден в 1837 г. И тут же, вместо распавшегося «Общества семейств», создал тайное «Общество времен года». Первичной ячейкой нового общества была «неделя», в которую входило шесть членов и начальник, именуемый «воскресеньем». Четыре «недели» составляли «месяц», руководитель которого назывался «июлем». Три «месяца» составляли «время года» с начальником «весной». А четыре «времени года» составляли «год», во главе которого стоял «агент революции». Насколько известно, в обществе было три «года», которыми руководили на равных правах Бланки, Барбес и рабочий Мартин Бернар.

Оба общества, последовательно организованные Бланки, состояли из рабочих и студентов. По романтическим традициям тайных обществ, прием новых членов обставлялся таинственными обрядами. Кандидатов вводили в помещение с завязанными глазами, происходил обмен заранее подготовленными вопросами и ответами, произносилась клятва. Вопросники обществ «семейств» и «времен года» весьма схожи, но, по словам В. П. Волгина, «резко отличаются как по содержанию, так и по тону от соответственных документов «Общества прав человека».

Вот первые вопросы и ответы вопросника «Общества семейств»: «Что ты думаешь о теперешнем правительстве? — Что оно является предателем народа и страны. — В чьих интересах оно управляет? — В интересах небольшого числа привилегированных. — Кто теперь является аристократами? — Денежные мешки, банкиры, поставщики, монополисты, крупные земельные собственники, биржевики, — одним словом, эксплуататоры, жире-

ющие за счет народа». В дальнейших вопросах и ответах говорится о том, что правительство управляет по праву силы, его закон обходится с народом, как с рабом, налоги подавляют народ и щадят богачей. При правительстве богачей «судьба пролетария подобна судьбе раба и негра, его жизнь — это длинная ткань, сотканная из нищеты, изнурения и страданий». Народ определяется как «совокупность граждан, которые трудятся». Заявляется, что правильно организованное общество должно основываться на принципе равенства. В таком обществе граждане пользуются правом на существование, на бесплатное образование и на участие в правительстве. Их обязанности — «преданность обществу и братство по отношению к согражданам». Заключительный, пятнадцатый вопрос и ответ звучат так: «Нужно произвести политическую или социальную революцию? — Нужно произвести социальную революцию». В документе дальше указывается, что «когда пробьет час», члены общества возьмутся за оружие и свергнут правительство. Поэтому члены общества и призываются запастись оружием (стр. 115—119). Вопросник «Общества времен года» содержит и мысль о необходимости установления революционной диктатуры в переходный период. Ответ на тринадцатый вопрос в нем гласит: «Для оздоровления зараженного гангреной государства народу необходимо будет иметь на некоторое время революционную власть» (стр. 124).

Идея революционной диктатуры в переходный период и понимание необходимости именно социальной, а не только политической революции — вот значительный шаг вперед, сделанный Обществами «семейств» и «Времен года» в сравнении с прежним республиканскими обществами. Этот шаг вперед объясняется пролетарским составом новых обществ. Это и важный шаг вперед к революционному коммунизму самого Бланки, безусловно, лично участвовавшего в составлении вопросников. Но никак нельзя согласиться с крупнейшим французским биографом Бланки Морисом Домманже, который, исходя из приведенных текстов, утверждает, что Бланки уже тогда, т. е. задолго до Маркса, сформулировал тезис о диктатуре пролетариата [1]. Ведь совершенно ясно, что в обоих

[1] См. Dommanget. Les idées politiques et sociales d'Auguste Blanqui, P., 1957, p. 171—172.

документах нет четкого понимания ни классового состава современного общества, ни характера и задач социалистической революции. Среди эксплуататоров даже не упоминаются промышленные капиталисты, а пролетариат, как и в ранних речах Бланки, отождествляется с народом, с трудящимися вообще. В вопросниках налицо лишь дальнейшее развитие идей бабувистов.

Рассмотренные нами документы ничего не говорят о роли самого пролетариата, самих народных масс в свержении правительства, в своем освобождении, в революции. Это не случайно. Оба общества держались заговорщической тактики: восстание 12 мая 1839 г., организованное «Обществом времен года», вновь показало ее порочность. С чисто технической точки зрения восстание было организовано безупречно. Полиции на этот раз не удалось заранее раскрыть заговор. Революционеры выступили организованно и дисциплинированно. Казалось, что победа уже близка. Но здесь обнаружилась полная изолированность восставших от народных масс. Толпы, заполнившие улицы (был воскресный день), не знали, из-за чего идет борьба. Никто восставших не поддержал, и прибывшие войска сумели скоро расправиться с горсткой смельчаков. Сотни трупов покрыли парижские мостовые. Число раненых было еще более велико. Бланки был арестован на следующий день и осужден на пожизненное заключение.

Энгельс позднее на примере восстания 1839 г. глубоко раскрыл связь общего мировоззрения Бланки с его заговорщической тактикой. В работе «Эмигрантская литература», охарактеризовав Бланки как преимущественно политического революционера, Энгельс, продолжает: «В своей политической деятельности он был по преимуществу «человеком дела», веривши, что небольшое, хорошо организованное меньшинство, выступив в надлежащий момент с попыткой революционного переворота, может несколькими первыми успехами увлечь за собой народную массу и совершить таким образом победоносную революцию. При Луи-Филиппе такое ядро он мог организовать, разумеется, только в форме тайного общества, и тут произошло то, что обычно происходит при заговорах: люди, которым надоело вечное сдерживание

да пустые обещания, что вот-де скоро начнется, потеряли, наконец, всякое терпение, взбунтовались и тогда пришлось выбирать одно из двух — либо дать заговору распасться, либо же без всякого внешнего повода начать восстание. Восстание было поднято (12 мая 1839 г.) и вмиг подавлено» [1].

Бланки в революции 1848 г.

Февральская революция вернула Бланки к политической жизни после почти девятилетнего заключения, и он показал себя как крупнейший революционер и пролетарский вождь тогдашней Франции. «...*Пролетариат* все более объединяется вокруг *революционного социализма*, вокруг *коммунизма*, который сама буржуазия окрестила именем *Бланки*» [2] — писал Маркс об обстановке во Франции тех дней. Маркс очень высоко ценил деятельность Бланки в 1848 г., видел в нем руководителя пролетарской революционной партии. Особенно интересна была борьба Бланки за отсрочку выборов в Учредительное собрание. Не давая себя сбить с толку демагогией о свободных выборах и т. п., Бланки указывал, что немедленные выборы закончатся победой реакции. «Народ, — говорил Бланки, — не знает правды; надо, чтобы он ее узнал. Это дело не одного дня и не одного месяца. Если в течение пятидесяти лет слово принадлежит одной лишь контрреволюции, то неужели нельзя хотя бы на один год предоставить слово свободе, которая готова разделить трибуну со своим противником и не препятствовать его выступлениям?» (стр. 136).

Буржуазия по достоинству оценила Бланки. Реакционеры и соглашатели одинаково видели в нем своего главного врага. Герцен, наблюдавший Бланки в 1848 г., писал в нем: «...Бланки... сосредоточенный, нервный, угрюмый, изуродованный телесно страшным тюремным заключением, полный невероятной энергии и желчной злобы — он имел большое влияние, опертое на проницательность, на глубокомысленный взгляд и на необык-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 511.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 91.

новенный дар слова — резкий, страстный, проникающий в душу слушателей... Его меньше любили, нежели Барбеса, но не меньше слушались» [1].

«Правительство было испугано этим беспощадным человеком; что б оно ни делало, злой и иронический взгляд Бланки был у них перед глазами; и они бледнели. Извести его старались все, Ледрю-Роллен и Косидьер так же, как и другие...» [2]

Именно поэтому против Бланки началась клеветническая кампания, так называемое «дело Ташеро». И после поражения народной демонстрации 15 мая 1848 г. Бланки был опять упрятан в тюрьму на целых одиннадцать с лишним лет.

Революционный коммунизм О. Бланки

В отличие от таких своих современников, как Л. Блан, Прудон, Кабе, Бланки по своим философским взглядам был воинствующий материалист и атеист. Он считал борьбу не только против конкретных религий, но и против любых проявлений деизма первоочередной задачей, однако в понимании истории Бланки остался идеалистом. «Не проворство рук, а только одна идея создает человека: Орудие освобождения — не рука, а мозг», — пишет он (стр. 237—238). Отсюда преувеличение Бланки роли невежества и просвещения в истории. Он считает, например, просвещение совершенно несовместимым с капитализмом, убежден, что если все люди станут образованными, коммунистический строй возникнет автоматически. «Представьте себе, — говорит он, — тридцать восемь миллионов французов, превращенных по мановению волшебной палочки в ученых... через двадцать четыре часа не осталось бы и следа правительства, и в течение месяца строй общности стал бы функционировать полным ходом» (стр. 202).

Критику капитализма Бланки также ведет с чисто идеалистических, моралистических позиций. «Справедли-

---

[1] А. И. Герцен, Письма из Франции и Италии. Собр. соч., т. V. М., 1955, стр. 367.
[2] А. И. Герцен. Назв. соч., стр. 169.

вость, — говорит он, единственный верный критерий в человеческих делах» (стр. 289). Вместе с тем критика капитализма со стороны Бланки очень конкретна, и хотя она, возможно, не обладает таким остроумием, как скажем, у Л. Блана, но зато пронизана глубоким гневом. Вот хотя бы один пример: «Существуют две причины детоубийства, — пишет Бланки, — капитал, который создает бедняков и мешает девушкам находить себе мужей, и христианство, которое безжалостно позорит материнство вне брака... Бог и капитал объединяются для уничтожения девушки-матери. Капитал лишает ее куска хлеба, бог лишает ее чести. От их рук гибнет дитя» (стр. 250—251).

Впрочем, к капитализму Бланки подходит совершенно не исторически. Не случайно он часто сравнивает наемного рабочего с рабом: Бланки не видит особенности эксплуатации в разных исторических формациях. «Приемы тирании неизменны», — утверждает он (стр. 42).

Вопреки своему идеалистическому пониманию истории, Бланки не пренебрегает экономическими интересами трудящихся. Он зло высмеивает тех, кто критикует коммунистов за желание добиться материального благополучия для народа. «Что такое революция, — восклицает он, — если не улучшение судьбы масс!» (стр. 174). Но ему не ясна связь революции с повседневной борьбой рабочих. Из всех форм повседневной классовой борьбы он признает только стачку, которая, по его словам, есть «поистине народное оружие в борьбе с капиталом» (стр. 276). Опираясь на стачку, как на временное средство борьбы, народные массы, по Бланки, должны главное внимание уделить политическому переустройству. Вопросу о власти Бланки придает огромное значение. «Правительства, — говорит он, — губят или спасают народы, которые живут или умирают по их воле» (стр. 269). Бланки поэтому — поборник самой активной политической борьбы. «Социализм немыслим без политической революции», — утверждает он[1]. Речь

---

[1] Цит. по кн.: В. П. Волгин. Французский утопический коммунизм, 1960, стр. 358.

идет не о простом изменении формы власти. «Республика будет ложью, если она станет только сменой одной правительственной формы другой» (стр. 138). Теперь «государство есть жандарм богатых, охраняющий их от бедных. Необходимо создать иное государство, которое было бы жандармерией бедных против богатых»[1]. Настоящая республика, согласно Бланки, «это освобождение рабочих, это конец господства эксплуатации» (стр. 138).

Бланки отвергает попытки утопистов вывести коммунизм из своей головы. Коммунизм будущего, говорит он, не утопия, не «яйцо, снесенное и высиженное в каком-то углу человеческого рода птицей о двух ногах без перьев и без крыльев». Создание социального организма «не может быть делом даже гения. Оно не может быть импровизацией» (стр. 257).

Бланки также отклоняет стремление утопистов заранее регламентировать всю жизнь будущих поколений. Грубовато, но метко он иронизирует на счет тех, кого уже сегодня волнует, кто при коммунизме будет выносить ночные горшки, как будут мыть посуду, как гражданин будущего будет располагать собой и своим временем (стр. 215).

К сожалению, вместе с утопическими построениями Бланки отметает и социалистические теории. Не то, чтобы он не понимал значения теории. Бланки даже защищает теоретиков социализма от нападок врагов. Но он просто считает теоретические изыскания в области социализма ненужным пока делом, излишней тратой сил. Споры разных социалистических школ о будущем напоминают ему спор путешественников, подошедших к берегу реки, о том, что растет на другом берегу. «Эх, переправимся сначала! А там уже увидим!», — призывает он (стр. 247). Впрочем, все эти школы Бланки рассматривает как «братьев-врагов»: каждая из них по-своему нужна и оправдана, как разные инструменты в оркестре. Сам Бланки объявляет себя сторонником «практического социализма», который «не принадлежит ни к одной особой секте, ни к одной церкви», и берет

---

[1] Цит. по кн.: В. П. Волгин. Французский утопический коммунизм, 1960, стр. 358.

«все, что ему подходит в любой системе»[1]. Бланки поэтому предлагает заниматься сегодняшним днем, а заботу о завтрашнем дне оставить будущим поколениям. «Одна лишь Революция, расчищая почву, прояснит горизонт, приподнимет постепенно завесу, укажет дороги, или, вернее, многочисленные тропинки, ведущие к новому общественному порядку» (стр. 258).

Понимание революции у Бланки глубже, чем у его предшественников. Он проводит различие между революциями, перед которыми стоят другие страны Европы (речь идет о начале 50-х гг. XIX в.) — они «находятся на стадии борьбы буржуазии против королей, дворян и духовенства», — и революцией, которая ожидает Францию, где духовенству и дворянству «пришлось смешаться с буржуазией для общей борьбы с пролетариатом» (стр. 173). Бланки видит, что исходя из своих экономических интересов, разные слои трудящихся займут разную позицию в революции. Больше всего к созданию ассоциаций, значит к социализму и коммунизму, будет клониться промышленный пролетариат. Гораздо хуже будет с крестьянами. «Прежде всего, — рассуждает он, — невежество и недоверие посещают хижину гораздо чаще, чем мастерскую. Затем у крестьянина нет таких могучих побуждений — необходимости и выгоды, которые тянули бы его к ассоциации». Бланки учитывает и опыт 1848 г., когда страх крестьян перед общностью и разделом земель погубили революцию. Но Бланки уверен, что можно приучить крестьян слушать слово «коммунизм» «не как угрозу, а как надежду». Надо объяснить крестьянам, что никто против воли не заставит их идти в ассоциацию. И Бланки верит в возможность союза с крестьянами. «В будущей Революции я рассчитываю на крестьян», — провозглашает он (стр. 176, 232).

При всем этом Бланки не ясны объективные предпосылки и движущие силы революции, особая роль пролетариата в ней; у него нет даже намека на необходимость революционной ситуации. В своей «Инструкции к вооруженному восстанию» (1868) он подробнейшим образом рассматривает организационные и технические

---

[1] Цит. по Dommanget, ук. соч., стр. 144.

стороны подготовки к восстанию, вплоть до цвета сигнальных флажков, но ни слова не говорит о том, какие нужны социальные условия, чтобы восстание могло рассчитывать на успех. Иногда Бланки даже близок к пониманию роли народных масс для победы революции. «Нам нужны широкие народные массы, предместья, пылающие в огне восстания», — говорил он 25 февраля 1848 г. (стр. 138). И все же он рассчитывает в революции не на массы, а на горстку революционеров-заговорщиков. Отсюда и незрелое понимание Бланки проблемы переходного периода. Он предвидит саботаж буржуазии, готов ограничить ее свободу. «В тот день, когда трудящиеся смогут свободно говорить, они заткнут рот капиталистам» (стр. 231). Бланки за революционную диктатуру, но это не диктатура класса, не диктатура пролетариата, а диктатура революционного меньшинства, в лучшем случае — диктатура Парижа, который и будет опорой меньшинства [1].

Поэтому Бланки не предлагает экономических мероприятий для переходного периода. Энгельс отметил, что у Бланки нет «определенных практических предложений социального переустройства» [2]. Главной мерой переходного периода Бланки считал отстранение чиновников прежнего режима, разоружение буржуазии и вооружение народа. «У кого меч, у того и хлеб» (стр. 153), — писал он в 1851 г.; и в этой боевой фразе — все мировоззрение Бланки, романтика революции, борца, который до глубокой старости донес юношеский пыл и вместе с тем юношескую наивность эпохи незрелости пролетариата.

«Шильонским узником» называл Бланки один английский буржуазный журналист. А коммунар и поэт Потье, автор «Интернационала», оставил о Бланки следующие задушевные и простые строки:

Знаменосец классовой войны
И защитник труда в оковах.
Жил — четыре тюремных стены,
Мертв — четыре доски сосновых.

---

[1] См. Dommanget. Ук. соч., стр. 170—182.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 511.

Коммунистические тайные общества 40-х годов. Теодор Дезами

Почти одновременно с Бланки начал свою деятельность революционного коммуниста и Дезами (1803—1850). Как указывает советский исследователь В. С. Алексеев-Попов, нам известна лишь его политическая биография [1]. Школьный учитель, он стал членом «Общества времен года». После провала общества Дезами сблизился с Кабе, был его секретарем. Но вскоре между ними произошел разрыв на идейной почве. Весной 1840 г. Дезами основал журнал «L'Egalitaire» («Уравнитель») и сделал попытку отделить рабочих-коммунистов от буржуазных демократов. Дезами был среди создателей Общества рабочих-уравнителей и участвовал в организации коммунистического банкета 1 июля 1840 г. — первого открытого массового коммунистического собрания, на котором присутствовало более тысячи человек. В своих устных выступлениях, а также в печати Дезами проповедует идеи революционного коммунизма, ведет острую полемику как с мелко-, буржуазным социализмом Л. Блана и других, так и с мирным коммунизмом Кабе.

К этому времени коммунистическая пропаганда во Франции поднялась на более высокую ступень. После поражения восстания 1839 г. революционеры на время отказались от заговоров. В обстановке подъема стачечного движения тайные общества 40-х гг. берут курс на организацию рабочих и выступают с открытой коммунистической программой. Примером такой организации было «Общество рабочих-уравнителей». Пролетарский состав общества отражался в его структуре. Низовой ячейкой из семи членов во главе с руководителем, именуемым Рабочим, был «станок». «Станки» объединялись в «мастерские», последние — в «фабрики», а те — в «отделения». Члены верховного комитета Общества оставались неизвестными его рядовым членам и должны были обнаружить себя только во время вооруженного восстания. Целью общества провозглашалось «*реаль-*

---

[1] См. Т. Дезами. Кодекс общности. М., 1956, стр. 493 (Биографический очерк). Ниже цит. по этому изданию.

ное равенство, осуществляемое посредством общности благ». Путь к этой цели должна была расчистить «народная диктатура». Общество держалось бабувистских традиций.

Таких же традиций держалось и общество «Материалистов-коммунистов», возникшее после разгрома «рабочих-уравнителей» и ликвидированное в свою очередь полицией в 1847 г. Сам Дезами с 1846 г. отошел от непосредственного руководства революционными обществами, но активно участвовал в революции 1848 г., издавал тогда газету «Права человека. Трибуна пролетариата». Во время революции он поддерживал линию Бланки, критиковал деятельность Л. Блана. После подавления июньского восстания Дезами вернулся на родину, в Вандею, где вскоре и умер.

Мировоззрение и утопический революционный коммунизм Дезами

Наиболее систематическое изложение своих взглядов Дезами дал в труде «Кодекс общности». Эта работа написана в острой полемике с Руссо, Сен-Симоном, Кабе, Ламенне и многими другими. Это не картина будущего, как «Икария» или «Утопия». Книга Дезами содержит общие рассуждения и мысли о современном и будущем общественном строе. Вместе с тем Дезами вникает и во многие детали устройства коммунистического общества.

В своем мировоззрении Дезами, как и Бланки, стоит на плечах французских материалистов XVIII в., от которых он унаследовал и сильные, и слабые стороны. Ближе всего Дезами следует за Морелли и Гельвецием, он обращает большое внимание на философию. Цель философии, говорит Дезами, «состоит в том, чтобы привести людей к счастью» (стр. 225). Материализм Дезами механистический, он чужд диалектике. Законы природы, которые Дезами считает вечными и незыблемыми, он переносит и на человеческое общество. «Наш основной закон, — пишет Дезами, — вовсе не изменчивый и капризный. Он не знает ни эпох, ни пространств, ни рас, ни привилегий: он общий, как мысль, бесконечный,

как море, непобедимый, как будущее» (стр. 338). Но общество нарушает законы природы. В этом главный источник зла. «Если человеку будут даны законы, соответствующие его природе и его желанию, он перестанет быть несчастным и испорченным» (стр. 84). Таким всеобъемлющим законом Дезами считает принцип общности. Общность — условие гармонии, единственный путь к счастью.

Дезами глубокой и конкретной критике подвергает буржуазный строй. Этот строй лишает людей радости и счастья. Миллионы людей влачат жалкое существование. Они «вереницей отверженных проходят... через мир, не узнав его, не имея досуга, чтобы осмотреться... не имея иной цели, кроме ожидания конца дня, для того, чтобы завтра снова начать такой же день», — цитирует он энциклопедиста Рейно (стр. 148). Мучения трудящихся — источник обогащения для буржуа. Они делают золото «из голода, жажды, из тепла и холода, из слез, забот и тревог, из отупения и бесстыдства, из предсмертной агонии и хрипения, наконец, из трупа пролетария!» (стр. 309).

Дезами не верит в то, что частичные меры могут улучшить положение. Правильно раскрывая лживость буржуазной демократии, он ошибочно отрицает всякое значение избирательной реформы, пользу всеобщего избирательного права. Выход он видит, повторяем, лишь в установлении принципа общности.

Этот принцип Дезами проводит очень последовательно. В коммунистическом обществе, как он его предвидит, будет полностью отменена частная собственность. Он резко критикует Кабе за то, что тот перенес в коммунизм «почти всю груду хлама и принадлежностей мелкого хозяйства» (стр. 338). Дезами отклоняет и особое вознаграждение за способности, предложенное сенсимонистами. «Неравенство, в какой бы форме оно ни представлялось, — говорит Дезами, — в конечном счете всегда превратится в губительную язву» (стр. 102). Но Дезами и против грубого, математического равенства. Он отстаивает идеи «пропорционального равенства», которое означает творческое развитие всех способностей и удовлетворение разнообразных потребностей людей.

Общество, построенное на таком принципе, должно основываться на обилии материальных благ. Дезами уверен, что при строе общности производство вырастет во много раз. Это будет достигнуто отменой многих ненужных профессий, ликвидацией расточительства и паразитизма, свойственных буржуазному обществу, но, главное, тем, что все люди будут трудиться. Люди, говорит Дезами, от природы не лентяи. «Нормально организованный труд является для человека одновременно потребностью и удовлетворением» (стр. 432, примеч.). Труд при коммунизме станет привлекательным. Этому поможет короткий рабочий день, правильное разделение труда, смена видов занятий, машины, которые облегчат грязные и тяжелые работы. Конкуренция превратится в соревнование, и оно будет происходить «не в порядке вражды, а в порядке гармонии, прогресса» (стр. 284). Очень ценна и глубока мысль Дезами о том, что сам человек станет другим при коммунизме. Общество будущего даст нового человека (стр. 133).

Строй общности охватит все человечество. «Определенное число коммун составит провинцию, определенное число провинций составит республику и, наконец, все различные республики, вместе взятые, составят великую всечеловеческую общность» (стр. 109—110). Вслед за Фурье Дезами предвидит, что человечество, объединенное в огромном коллективе, создаст огромные промышленные армии, которые изменят лицо планеты. Все вопросы будут решаться самим народом. При этом Дезами полностью отвергает принцип парламентаризма, представительства. Роль провинциальных, национальных и общечеловеческих конгрессов будут поочередно играть отдельные коммуны. «Каковы бы ни были граждане, населяющие эти коммуны, они всегда будут способны выполнять законодательные функции, — заверяет Дезами, — потому что, повторяю, общественная организация будет настолько упрощена, что политическая машина будет двигаться как бы сама собой» (стр. 420).

Особое внимание Дезами уделяет коммунам. Они небольшие, примерно по десять тысяч человек. Дезами — противник концентрации людей в крупных городах. Коммуна «будет представлять все преимущества города и сельской местности» (стр. 117, примеч.).

Дезами, как последовательный атеист, отвергает всякую религию, в том числе и любые формы деизма. При коммунизме воспитание будет политехническим, женщина совершенно равна с мужчиной во всех правах, семья будет свободным союзом супругов. «Никакие другие узы, кроме взаимной любви, не смогут связать друг с другом мужчину и женщину» (стр. 435).

Строй общности откроет перед человечеством путь беспрерывного прогресса, освободит его навсегда от революций и войн. Но Дезами понимает, что путь к этому строю лежит через революцию и гражданские и даже внешние войны — против интервентов. Дезами намечает мероприятия переходного периода, революционную диктатуру масс. Но так же как и Бланки, Дезами не понимает классовую структуру общества. Разделение общества на классы он проводит по доходам его членов. «Мы называем, — говорит он, — *пролетарием* гражданина, который не имеет никаких доходов, или такого, которому его доходы не обеспечивают даже необходимого»[1]. Поэтому Дезами не мог научно понять характер пролетарской революции, и у него, конечно, нет идеи диктатуры пролетариата.

Следует отметить, что Дезами отвергает заговоры. У него даже есть, хотя в очень смутной форме, мысль о необходимости единства рабочего класса. «Пролетарии, — призывает он, — для своего возрождения народы имеют иногда лишь час в столетие! Когда этот час придет, остерегайтесь пропустить его в спорах и междуусобицах!» (стр. 417).

Как последователь рационализма XVIII в. Дезами страдал неисторичным подходом к явлениям общественной жизни. Он не умел сочетать борьбу за конечную цель с борьбой за политические права и экономические мероприятия. Но среди предшественников научного коммунизма он занимает почетное место. Нас подкупает его материализм, атеизм и интернационализм, безусловная революционность, вера в будущего человека, гражданина коммунистического общества, его воспевание труда и общности. Его девиз — свобода, братство, равенство, единство и общность — перекликается с деви-

---

[1] Цит. по кн. Е. П. Волгин. Французский утопический коммунизм, стр. 304.

зом великого коммунистического манифеста XX в.: мир, труд, свобода, равенство, братство и счастье.

Тем не менее Дезами, как и Бланки, не сумел подняться до научного коммунизма. Бесперспективность идей необабувизма особенно дала себя знать с началом революции 1848 г. В ее огне показали свою несостоятельность взгляды и тактика как мелкобуржуазных социалистов, так и утопических революционных коммунистов. Слово осталось за научным коммунизмом, созданным Марксом и Энгельсом.

ЛЕКЦИЯ XI
ИДЕИ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ 30—40-х гг. XIX в.

Германия в 30—40-х гг. XIX в.

Идеи утопического социализма и коммунизма, получившие в 30-х годах широкое распространение во Франции и Англии, быстро стали достоянием прогрессивных кругов немецкой общественности, ибо в Германии, несмотря на ее сравнительную отсталость, происходили те же процессы, развивались те же классовые противоречия, что и в более передовых странах.

Великая буржуазная революция во Франции, эпопея наполеоновских войн, оккупации и континентальной блокады, буржуазные реформы Штейна-Гарденберга — все это способствовало значительному сокращению того разрыва в социально-экономическом развитии, какой с XVII в. существовал между Германией, с одной стороны, и Францией и Англией, с другой.

Правда, по-прежнему (как впрочем, и во Франции того времени) преобладающая часть немцев проживала в деревнях и занималась сельским хозяйством, а на многих немецких городах лежал еще характерный средневековый отпечаток. Помещики имели полную возможность, используя выкупные платежи, перестраивать на новый капиталистический лад свое хозяйство, сохраняя в неприкосновенности значительные остатки крепостничества в «освобожденной» деревне. Прусское юнкерство и дворянство других германских государств продолжало еще полностью сохранять и свое социально-политическое господство. Политическая раздробленность страны, сохранившиеся от средних веков внутренние таможен-

ные перегородки, разнообразие валют, мер и весов, отсутствие единого коммерческого законодательства тяжело отражались на торговле и резко тормозили сбыт изделий молодой национальной промышленности.

Несмотря, однако, на все указанные препятствия, немецкая буржуазия к 30-м годам XIX в. постепенно становилась на ноги. Наряду с капиталистической мануфактурой, широко распространенной в Германии еще с конца XVIII в., теперь быстро развивается фабричное производство. Промышленный переворот в 40-х годах, как показывают новейшие исследования советских и немецких историков-марксистов, был уже в полном разгаре: быстро строились железные дороги, металлургия переходила к использованию каменного угля, удельный вес фабричной, машинной пряжи и тканей отечественного производства неуклонно рос. Создание в 1834 г. Таможенного союза большинства крупных государств Германии способствовало дальнейшему расширению внутреннего рынка и развитию немецкой промышленности.

Вместе с классом буржуазии рос и рабочий класс Германии. Сочетание политического бесправия и остатков крепостничества с развитием промышленного и аграрного капитализма делали страдания немецких полупролетариев и пролетариев особенно тяжелыми. В. Г. Белинский в 1847 г. писал из Дрездена своему другу: «Что за нищета в Германии, особенно в несчастной Силезии... Только здесь я понял ужасное значение слов: пауперизм и пролетариат» [1].

Несмотря на отставание Германии 30—40-х гг. XIX в. от Франции и Англии того же времени, уровень ее социально-экономического развития был все же куда выше, чем в Англии и Франции в период их буржуазных революций XVII и XVIII вв. Поэтому развитие немецкой общественной мысли и революционного движения 30—40-х гг. отнюдь не ограничилось повторением идей английских и французских предшественников, тем более, что социальная утопия в этой стране имела свою многовековую традицию, восходящую ко времени Реформации и Крестьянской войны XVI в.

---

[1] В. Г. Белинский. Избранные соч. М., 1947, стр. 657.

Немецкий утопический социализм и его особенности

К 30-м годах XIX в. решительно изменилась духовная жизнь Германии. Полным ходом шла идейная подготовка буржуазной революции («Молодая Германия», младогегельянцы и др.). На крайнем левом фланге оппозиционного движения, начиная с 30-х годов, один за другим выступают носители социалистических идей. Рождается немецкий утопический социализм — по своей сущности отражение социальных противоречий тогдашней Германии.

Первые немецкие социалисты-утописты в теоретическом отношении стояли много ниже своих великих французских предшественников, были их учениками. Вместе с тем, лучшие из немецких социалистов-утопистов политически сумели уйти далеко вперед от Сен-Симона и Фурье. Они стали почти вровень и вступили в довольно тесную связь с французскими революционерами-коммунистами 30-х — начала 40-х гг. и подобно им стали искать пути к сближению своих утопических теорий с молодым рабочим движением.

Теоретические раздумья над проблемой освобождения, или, как тогда говорили, «эмансипации», пролетариата шли в Германии в 30-х — начале 40-х гг. по двум обособленным руслам, в двух отдаленных друг от друга социальных слоях: среди передовых ремесленников, рабочих, с одной стороны, и среди радикальной мелкобуржуазной интеллигенции — с другой. Если первые больше всего сочувствовали идеям уравнительного коммунизма, то мелкую буржуазию эти идеи, естественно, пугали, и ее представители разделяли умеренные теории социального реформаторства.

Поскольку нас прежде всего интересует пробуждение классового самосознания немецкого пролетариата, остановимся на первых шагах раннего немецкого рабочего движения и на сопутствовавших ему теоретических выступлениях.

Первые шаги немецкого рабочего движения

В первой половине XIX в. рабочий класс Германии, как отмечал Ф. Энгельс, в своем социальном и политическом развитии в такой же мере отстал от рабоче-

го класса Англии и Франции, в какой немецкая буржуазия отстала от буржуазии этих стран. «И все же благодаря влиянию промышленных округов, где преобладал современный способ производства, благодаря легкости общения и умственному развитию, которым способствовал бродячий образ жизни многих рабочих, среди них образовалось сильное ядро, у которого идеи об освобождении своего класса отличались несравненно большей ясностью и более согласовывались с наличными фактами и историческими потребностями»[1].

Среди этой-то передовой части немецкого пролетариата, а также среди ремесленных подмастерьев-эмигрантов, и находили наиболее благоприятную почву идеи социализма и демократии — политической свободы. Немецкая эмиграция в соседних с Германией странах в 30—40-х гг. была весьма многочисленна. За границей, особенно во Франции, немецкие подмастерья общались с местными передовыми пролетариями, политическими эмигрантами из других стран, усваивали демократические и социалистические идеи. Центром немецкой революционной эмиграции был Париж, откуда уже с начала 30-х годов вели пропаганду демократических идей представители «Молодой Германии» — журналист Людвиг Бёрне, великий поэт немецкого народа Генрих Гейне и др.

Большинство немецких политических эмигрантов в Париже принадлежало к буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции (журналисты, адвокаты, врачи и др.), но в Париже было много и немецких ремесленных подмастерьев — портных, сапожников, печатников, слесарей, столяров и т. п. Наиболее революционные элементы из них вступали в созданные немецкими политическими эмигрантами организации и являлись носителями социалистических тенденций в этих организациях. Революционные организации, объединявшие немецких рабочих, таким образом, первоначально возникли за границей, хотя и имели в Германии свои тайные отделения. Это был начальный, сектантский период немецкого рабочего движения.

В 1832 г. в Париже возник «Немецкий народный союз», основную массу членов которого составляли

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 12.

ремесленные подмастерья, но руководящую роль еще играли буржуазные демократы, особенно Людвиг Бёрне. Это была легальная организация республиканско-демократического характера, связанная с французским «Обществом прав человека и гражданина». Наряду с политическими требованиями в республиканско-демократическом духе «Немецкий народный союз» стал выдвигать и социальные требования, еще довольно смутные, отражавшие настроения входивших в союз полупролетариев. В воззваниях Союза, выпущенных в конце 1833 — начале 1834 гг., содержались нападки на богатых угнетателей и призывы к трудящимся бороться против зла эксплуатации и создать такие условия, при которых в обществе исчезло бы деление на богатых и бедных.

«Союз отверженных» и «Союз справедливых»

После республиканского восстания в Париже в 1834 г. и издания правительством Луи-Филиппа законов против республиканских обществ легальное существование «Немецкого народного союза» стало невозможным. Наиболее умеренная часть членов Союза отошла от движения, более радикальная же продолжала работу нелегально, создав тайную организацию под названием «Союз отверженных».

Организация была глубоко законспирированной. Устав требовал беспрекословного повиновения руководителям, которых рядовые члены даже не знали; руководство было наделено диктаторской властью. Во главе Союза стоял руководящий комитет — «Хижина нации», или «Главный очаг», следующим звеном были «окружные лагери», далее шли «лагери», или «горы», и низовыми ячейками являлись «хижины», или «палатки». Члены последних знали только своего непосредственного руководителя. Прием в члены Союза был обставлен таинственным церемониалом: вступающего приводили ночью с завязанными глазами на собрание «палатки» и он должен был произносить клятву, обещая хранить тайну и верность делу Союза. Организационное строение «Союза отверженных» было, таким образом, очень сходно со строением французских тайных обществ; по характеру своей деятельности это была более левая организация, чем «Немецкий народный союз».

Идейное направление «Союза отверженных» было крайне нечетким, особенно в области его социальных требований. В начале существования Союза он находился под влиянием Людвига Бёрне, пропагандировавшего идеи мелкобуржуазного демократизма в сочетании с христианским социализмом Ламенне (см. стр. 210). Листовки, выпущенные Союзом в 1834 г., объявляли беспощадную борьбу немецким князьям и призывали к созданию Германской республики, социальные же вопросы нашли в них весьма слабое отражение. «Союз отверженных» распространял также переведенную на немецкий язык якобинскую «Декларацию прав человека и гражданина» 1793 г.

Руководящую роль в «Союзе отверженных» играли публицист Якоб Венедей и бывший приват-доцент Геттингенского университета Теодор Шустер. Оба они бежали из Германии из-за политических преследований, были руководящими деятелями «Немецкого народного союза», а потом и «Союза отверженных». Их взгляды, изложенные в журнале «Отверженный», органе «Союза отверженных», характеризовали в основном политическую и социальную доктрину союза. Правда, взгляды обоих были различны, и между Венедеем и Шустером на страницах «Отверженного» шла борьба. Для Венедея идеалом была буржуазная республика типа Швейцарии и республиканский строй, по его мнению, сам по себе должен был устранить социальные бедствия, поскольку республиканское государство обложит богатых прогрессивным налогом и этим социальный вопрос будет решен. Шустер же, будучи сисмондистом, мелкобуржуазным социалистом-утопистом, мечтал при помощи социальных реформ удержать мелкобуржуазные слои от прогрессирующего разорения, поставить всех членов общества в мелкобуржуазные условия жизни. Он отрицал необходимость политической борьбы, не придавал значения и завоеванию республики.

Расхождения между Венедеем и Шустером были расхождениями между ограниченным мелкобуржуазным демократом, считавшим республику лекарством от всех зол, и мелкобуржуазным социалистом, всецело погруженным в свои утопические планы социального переустройства и игнорировавшим демократические цели борьбы.

Более глубокие разногласия в «Союзе отверженных» существовали между его мелкобуржуазным руководством, с одной стороны, и пролетарскими и полупролетарскими элементами, с другой. Последние возглавлялись портным Бернгардтом, эмигрантом из Риги Арендсом и литератором Мойрером. Эти «низы» в «Союзе отверженных», проникшиеся во Франции идеями бабувистского уравнительного коммунизма, выражали недовольство деятельностью руководства Союза и недемократическими формами его организации. Уже с 1836 г. начался раскол в «Союзе отверженных», который постепенно усиливался — от «Главного очага» отпадали отдельные низовые организации. Раскол полностью завершился к концу 1837 г., когда возник новый, уже социалистический союз — «Союз справедливых». В воззвании этой новой организации говорилось: «Мы хотим, чтобы все люди на земле были свободными, чтобы никому не жилось лучше или хуже, чем другому, чтобы все сообща несли общественные тяготы, страдания, радости и наслаждения... Для этой цели мы основали свой союз».

Венедей, которого Ф. Меринг метко назвал «плакучей ивой», и Шустер остались в старом Союзе. Оба они в 40-х годах стали резко отмежевываться от социалистов, Шустер же, по свидетельству ряда источников, впоследствии стал ренегатом и предлагал шпионские услуги германским правительствам. О расколе в «Союзе отверженных» Ф. Энгельс писал: «Из основанного в 1834 г. германскими эмигрантами в Париже демократическо-республиканского тайного Союза «отверженных» выделились в 1836 г. самые крайние, по большей части пролетарские, элементы и образовали новый тайный союз — *Союз справедливых*. Первоначальный Союз, в котором остались только самые бездеятельные элементы, á la Якоб Венедей, скоро совсем угас: когда полиция в 1840 г. выследила несколько его секций в Германии, от него оставалась едва ли тень. Напротив, новый Союз развивался сравнительно быстро» [1].

Первый период деятельности «Союза справедливых» был, по существу, периодом его оформления, которое закончилось в 1838 г. принятием нового устава. Построение этой организации было с самого начала более демо-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 215.

кратическим, чем «Союза отверженных»: выборность руководящих органов на определенный срок, право отзыва в любое время представителей, не оправдавших доверия выбравших их членов Союза и др. Однако заговорщические традиции в деятельности Союза были еще довольно сильны. «Союз справедливых» был тесно связан с французским тайным бланкистским обществом «Времен года» и фактически был его отделением. Подобно другим французским тайным социалистическим обществам, Союз придерживался необабувистских воззрений.

Активными деятелями Союза уже в первый период были Герман Мойрер, Генрих Арендс, Карл Шаппер, Генрих Бауэр. Крупную роль в «Союзе справедливых» стал играть Вильгельм Вейтлинг, один из наиболее ярких идеологов раннего немецкого рабочего движения, появившийся в Париже еще в 1835 г. и примкнувший тогда к пролетарскому крылу «Союза отверженных». В лице Вейтлинга, как отмечал Ф. Энгельс, у германских рабочих появился теоретик коммунизма, которого можно было смело поставить рядом с его тогдашними французскими конкурентами.

Вильгельм Вейтлинг — первый немецкий пролетарий — теоретик и агитатор коммунизма

Вильгельм Вейтлинг родился в 1808 г. в г. Магдебурге, в Пруссии; он был внебрачным ребенком бедной швеи и французского офицера. Детство провел в глубокой нужде и постоянных лишениях. Получив самое скудное образование, он должен был стать портняжным подмастерьем и работать с пяти часов утра до поздней ночи. В 1828 г. 20-летний Вейтлинг, по обычаю немецких подмастерьев того времени, отправился странствовать, и до 1835 г. исколесил всю Германию с котомкой за плечами. В 1830 г. он попал в Лейпциг, где оказался свидетелем и участником народных волнений, разыгравшихся там вслед за июльской революцией во Франции. Эти народные выступления и их неудачный исход оставили глубокий след в душе молодого подмастерья, уже начинавшего задумываться над судьбами своего народа. В последующие годы Вейтлинг перебрался

в Вену, где занялся изготовлением искусственных цветов, поставляя их дамам высшего света. Существует версия, что Вейтлинг пользовался расположением одной из этих дам, любовницы эрцгерцога, и, опасаясь мести со стороны последнего, должен был спешно покинуть Вену. Так или иначе, но в октябре 1835 г. он оказался в Париже. Пребывание Вейтлинга в тогдашнем центре революционной борьбы стало поворотным пунктом в его жизни. Талантливый самоучка познакомился с сочинениями французских социалистов-утопистов, в частности Фурье и Дезами, и скоро стал продумывать собственную систему социальных преобразований. Являясь членом «Союза справедливых», принимая участие в революционной борьбе, Вильгельм Вейтлинг стал неутомимым распространителем идей социализма и коммунизма среди немецких рабочих в Париже и пользовался большой популярностью как пропагандист и агитатор. По свидетельству современников, он умел заражать слушателей своей убежденностью. Его могучая голова, высокий лоб, его ясные, сверкающие голубые глаза, загоравшиеся каким-то чарующим огнем, когда он увлекался, — все производило сильное, внушительное впечатление. Скоро он стал играть видную роль в Союзе.

По поручению руководства «Союза справедливых» Вейтлинг должен был написать брошюру — программный документ Союза, с обоснованием необходимости обобществления собственности. Так появилось в 1838 г. произведение Вейтлинга «Человечество, как оно есть и каким оно должно быть». Книга, писавшаяся автором портным по ночам, была отпечатана на средства членов Союза в тайной типографии и распространена среди рабочих.

В конце 1840— начале 1841 гг., после разгрома бланкистов и их немецкого филиала — «Союза справедливых» в Париже, Вейтлинг перенес свою пропагандистскую и организаторскую деятельность в Швейцарию, где создавал отделения «Союза справедливых», вел коммунистическую пропаганду, а также организовывал общественные столовые-клубы для немецких рабочих и ремесленников. В 1841 г. он приступил к изданию журнала «Призыв о помощи немецкой молодежи» («Hilferuf der deutschen Jugend») — первого печатного органа немецкого пролетариата; в 1842—1843 гг. журнал выходил

под названием «Молодое поколение» («Die junge Generation»).

Стремясь дополнить и развить свои взгляды на общество, изложенные в первой книге, Вейтлинг на средства рабочих-единомышленников опубликовал в 1842 г. самое значительное свое произведение «Гарантии гармонии и свободы», которое имело большой успех, принесло автору славу и в последующие годы неоднократно переиздавалось. Вскоре после выхода этой книги Маркс написал свои известные слова о Вейтлинге: «...Сто́ит сравнить эти гигантские *детские башмаки* пролетариата с карликовыми стоптанными политическими башмаками немецкой буржуазии, чтобы предсказать *немецкой Золушке* в будущем *фигуру атлета*» [1].

В 1843 г. Вейтлинг выпустил третью книжку — «Евангелие бедного грешника», где пытался истолковать евангелие в духе коммунизма, после чего был арестован и осужден швейцарским судом по обвинению в богохульстве и подстрекательстве к мятежу, затем изгнан из Швейцарии и принужден к новым мытарствам и скитаниям.

В середине 40-х годов характер взглядов и деятельность Вейтлинга претерпели значительные изменения — он остановился в своем идейном развитии, а затем пошел назад, и то, что было им сделано тогда и позднее, уже не шло ни в какое сравнение с его сочинениями конца 30-х — начала 40-х гг.

Рассмотрим лучшие произведения Вейтлинга, впи-савшие его имя в историю социализма и рабочего движения.

«Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть». Критика существующего строя у Вейтлинга

Уже в произведении Вейтлинга «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть» изложена система взглядов, которая образует фундамент его дальнейших идей и позволяет характеризовать автора как первого немецкого теоретика утопического коммунизма.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 444.

Само название произведения свидетельствует о том, что существующей «неразумной» организации человеческого общества в книге противопоставляется картина иной организации человеческого рода, более «разумной». Что же говорит Вейтлинг о человечестве, «которое есть», и о том, «которое должно быть»?

В критической части своей системы Вейтлинг сильно зависит от Фурье. В существующем обществе, пишет он, большинство тех, кто трудится в поте лица, лишены самого необходимого в отношении пищи, одежды, жилища, и как раз на долю тех приходится меньше всего благ земных, кто наиболее обильно поливает землю своим трудовым потом. Чем беднее рабочий, тем больше лавочников и торговцев должен кормить он своим трудом, все они стремятся обогатиться за его счет, и притом не всегда вследствие собственного злого умысла, а потому, что общество построено на системе наживы одних и нищеты других. В чем причина такого состояния? Фабричный рабочий винит во всем машины, ремесленник — цеховые постановления, свободу промышленного труда или незначительность потребления и скупость высших классов; земледелец—неблагоприятные условия погоды и все вместе винят дороговизну предметов потребления. Но истинную причину понимают лишь очень немногие. Причина же переживаемого плохого положения дел — «исключительно неравномерное распределение и пользование благами, а также неравное распределение труда для производства этих благ. Средством для поддержания этого отвратительного непорядка служат деньги». Именно неравномерное распределение производимых благ и труда для их производства порождает, по мнению Вейтлинга, бедность с одной стороны, и богатство — с другой, ибо богатые есть только там, где есть бедные, и наоборот. Как же изменить такое положение?

Здесь нельзя полагаться ни на какие реформы, сохраняющие капитал как таковой и его обладателей: заменив бо́льшие денежные мешки бо́льшим количеством малых, можно принести лишь вред человечеству в нравственном отношении, ибо дух стяжательства будет привит лишнему десятку тысяч людей. Только тогда, когда будет установлено одинаковое для всех материальное положение на основе общности имуществ, когда каж-

дый будет иметь столько для жизни, сколько ему нужно для удовлетворения его потребностей, и никто не будет иметь больше того, что ему необходимо, — тогда водворится состояние всеобщего счастья. Умеренность — основа всякого благоустроенного порядка и главное условие общности имущества. Невоздержанность — губитель всякого счастья и непримиримый враг общности имуществ.

Главным препятствием для установления общности имуществ Вейтлинг считает деньги. «Если бы в один прекрасный день исчезли деньги, то богатые и бедные скоро вынуждены были бы устроить свою жизнь на основе общности имуществ. Но пока существуют деньги в их современном значении, никогда мир наш не увидит свободы»[1]. Причиной того, что общность имуществ до сих пор прочно не утвердилась между христианами, по словам Вейтлинга, является испорченность сильных мира сего и духовных пастырей.

Рисуя картину организации нового общества «истинного счастья», Вейтлинг выдвигает такие принципы его организации, как всеобщее соединение всего человечества в великий семейный союз; равное для всех распределение труда и одинаковое для всех пользование жизненными благами; одинаковое воспитание и равные права для обоих полов; уничтожение личного наследственного права и права владения и др.

«Гарантии гармонии и свободы».

Учение о трех страстях

В книге «Гарантии гармонии и свободы» Вейтлинг дополняет и развивает свои взгляды. Эта работа содержит наиболее продуманное, наиболее разработанное изложение учения Вейтлинга и является выдающимся произведением домарксовского социализма. В первой части книги Вейтлинг дает критику «общественного зла», пытаясь показать различные социальные пороки (собственность, войны, рабство) в их возникновении, во второй — излагает план будущего общества и в заключение говорит о средствах перехода к новому состоянию. В своем представлении о человеческом обществе он исходит из фурьеристских идей о том, что в основе

[1] Цит. по русскому изданию 1905 г.

всех общественных учреждений и установлений лежат человеческие влечения, страсти разного рода и разной силы. Влечения, страсти играют главную роль в человеческих действиях. Среди человеческих влечений Вейтлинг различает три типа. Влечение к знанию, удовлетворение которого называется мудростью, талантом, ученостью; в искаженном виде это тирания, обман, ложь; влечение к приобретению, называемое владением, заработной платой и т. п.; в искаженном «болезненном» виде это воровство, обман, налог. Кроме того, существует влечение к наслаждению, удовлетворение которого называется здоровым благосостоянием, удовольствием, славой; в искаженном виде это роскошь, богатство, излишество. Руководящую роль среди этих влечений играет влечение к знанию, и, чтобы влечения и способности получили должное направление, нужно, чтобы знание заняло место руководителя всех влечений и способностей. Здоровое общество характеризуется гармонией и параллельным ростом влечений и способностей. «Из свободы и гармонии влечений и способностей всех проистекает всяческое благо; из подавления их, из противодействия им к выгоде немногих проистекает всякое зло» [1].

Исходя из своей теории влечений и страстей, Вейтлинг ищет причины неразумной организации общества, царящего в нем неравенства и угнетения в том, что страсти приобретения и наслаждения восторжествовали над страстями знания. С этой точки зрения рассматривается возникновение собственности, происхождение войн, употребление денег. И хотя Вейтлинг своей идеалистической «теорией страстей» не может, как и его французские учителя, дать научного объяснения характерных черт и особенностей антагонистического общества, критика этого общества и его институтов во многом является правильной, меткой, острой.

Коммунистическое общество по Вейтлингу

В «Гарантиях» Вейтлинг дает детальное изображение системы управления будущего общества, которое он именует великим Семейным союзом.

---

[1] Цит. по немецкому изданию: W. Weitling. Garantien der Harmonie und Freiheit Berlin, 1955, S. 131.

Ведущая роль в деле руководства обществом отводится наукам, верховный орган управления Семейного союза состоит из трех лиц: медика, физика и механика и носит название «Трио» (в учении Сен-Симона сходную роль играет «Совет Ньютона»). Они ведают важнейшими вопросами жизни общества, физической и духовной деятельностью людей, их отношением к природе, работой в промышленности и сельском хозяйстве, изобретением и применением машин. Трио избирается советом лиц, занимающих в Семейном союзе высшие должности; совет этот называется Центральной коллегией мастеров. На местах руководящими органами являются местные коллегии мастеров, они объединяют способнейших граждан и состоят из двух отделений: мужской и женской коллегии. Коллегии избирают из числа руководителей отдельных предприятий рабочие президиумы, которые являются как бы исполнительными комитетами коллегий мастеров и распределяют работу между гражданами. При коллегиях мастеров имеются академии, ведающие вопросами науки, искусства, подготовкой воспитателей.

Наряду со всеми этими органами большую роль играют комиссии здравоохранения, возглавляемые Общим советом здравоохранения, ибо в изображаемом Вейтлингом обществе всякое отклонение от нормы, караемое при капитализме в качестве преступления, квалифицируется как болезнь и влечет не наказание, а лечение.

Все руководящие должностные лица в Семейном союзе избираются обществом, но не всеобщим голосованием, а при помощи системы конкурсов, когда коллегии наиболее компетентных в данной области лиц отбирают самых способных людей для занятия той или иной должности. Чтобы удовлетворить потребности членов общества, Вейтлинг предусматривает обязательность труда для всех граждан. Однако в общественном производстве он различает два вида работ. Работа, обеспечивающая удовлетворение потребностей в необходимом и полезном, является обязательной, хотя и не будет превышать шести часов в сутки. Работа, обеспечивающая удовлетворение потребностей в приятном, производится гражданами добровольно в количестве, отвечающем этим потребностям.

В Семейном союзе сохраняются еще особые денежные знаки (несмотря на всю свою ненависть к деньгам, Вейтлинг понимает невозможность их немедленной и полной ликвидации). Но это денежные знаки особого рода, трудовые боны, выражающие определенное количество часов труда и носящие на себе изображение орудий труда. Позднее денежная система окончательно исчезнет.

Высшим пунктом общественного развития Вейтлингу представляется общество всечеловеческое, объединяющее в гармоническое целое все народы Земли, когда человечество забудет о разделяющих его границах, навсегда откажется от войн и армий.

Главные теоретические слабости Вейтлинга

И в критике Вейтлингом современного ему буржуазного общества, и в планах нового общественного устройства мало оригинального по сравнению с предшествующими утопическими теориями (наибольшее влияние на Вейтлинга оказали Бабеф и Фурье); отличие Вейтлинга главным образом в частностях. Взглядам Вейтлинга присущи многие общие слабости утопического социализма. Критикуя капитализм, например, он огонь направляет не против промышленных капиталистов, а против торговцев, банкиров-ростовщиков, против денежного капитала и денег как главного орудия эксплуатации. Это характерно для периода 30—40-х гг., когда даже во Франции, по словам К. Маркса, борьба промышленного наемного рабочего против промышленного буржуа была еще частичным фактом.

Вейтлингу, как и всем утопистам, присуще отсутствие историзма, идеализм в его взглядах на развитие общества. «Утопический социализм, — отмечал Г. В. Плеханов, — апеллировал не к объективному ходу исторического развития, а к хорошим чувствам людей. Он был, как выражаются теперь немецкие писатели, *социализмом чувства*. Вейтлинг не составлял исключения из общего правила. Он тоже взывал к чувствам, подкрепляя свои воззвания выписками из Библии»[1]. Ком-

[1] Г. В. Плеханов. Утопический социализм XIX в. М., 1958, стр. 60.

мунизм Вейтлинга в значительной мере пронизан грубо уравнительными стремлениями, а также религиозными тенденциями. В его произведениях заметна склонность прибегать к религиозной аргументации, а в «Евангелии бедного грешника» такая аргументация составляет основу его рассуждений. В этой книге, которая, несомненно, стоит ниже его предыдущих произведений, Вейтлинг пытался доказать, что все прогрессивные социальные идеи вытекают из христианского учения, а Иисус был революционером и предшественником борцов за коммунизм. Не поднимаясь до атеистического взгляда на мир, Вейтлинг полагал, что люди не могут утверждать — существует бог или нет. Все это — очевидные слабости его мировоззрения, с годами возраставшие.

Вейтлинг как революционер

Заслуги Вейтлинга в развитии рабочего и социалистического движения состоят в том, что он одним из первых пытался сблизить социализм и рабочее движение, в котором сам активно участвовал, хотя и не имел правильного представления о характере и задачах движения. В период написания «Человечества...» и «Гарантий гармонии и свободы» он выступает как несомненный революционер, отвергающий как «проклятую бессмыслицу» мысль о «благодетелях», он показывает беспочвенность надежд на «доброту» господствующих классов, невозможность соглашения с ними. «Не надейтесь на то, что соглашением с вашими врагами вы чего-нибудь достигнете. Ваша надежда только на собственный меч». Вейтлинг обращается уже не к «богатым» и даже не ко всему человечеству без различия званий и состояний, а только «к людям труда и заботы». Он резко осуждает Фурье за сделанную им в своем плане распределения продуктов уступку капиталу. Делать подобные уступки значит, по мнению Вейтлинга, класть старые заплаты на новую одежду человечества и насмехаться над нынешним и всеми будущими поколениями. Вейтлинг разрабатывает план построения коммунистиче-

ского общества и ведет среди немецких ремесленников пропаганду утопического коммунизма.

Вейтлингу, однако, не понятен характер предстоящего переворота как революции организованного в партию пролетариата. Революционная борьба принимает в рассуждениях Вейтлинга форму стихийного бунта неорганизованных угнетенных масс и носит анархический характер, что сближает его взгляды с позднейшими идеями Бакунина и др. С революционным призывом Вейтлинг обращается к бедным и обездоленным вообще, особые надежды возлагая на люмпен-пролетариев как наиболее бедную часть населения. Он выдвигает иногда нелепые, на наш взгляд, планы социального переворота, совершаемого 40-тысячной армией люмпен-пролетариев, в том числе воров и разбойников, хотя они и будут при этом творить беззакония. Вейтлинг полагает, что чем больше будет беспорядков, тем основательнее будет удар по устоям прежнего порядка. Он также держался того мнения, что чем хуже будет положение трудящейся массы, тем лучше, ибо тем более она станет склоняться к протесту против существующего порядка. Но поскольку в бедствиях и страданиях масс недостатка нет, то человечество всегда готово к революции.

Надежда на стихийный бунт у Вейтлинга связывается с еще более ошибочным и вредным для дела рабочего класса ожиданием появления сильной личности, вождя-спасителя, нового Мессии. «Придет новый Мессия, чтобы осуществить учение первого (т. е. Христа. — *Ред.*). Он разрушит гнилое здание старого общественного порядка, отведет источники слез в море забвения и превратит землю в рай», — возвещал Вейтлинг немецким пролетариям [1].

Во всех этих неправильных воззрениях Вейтлинга сказалась ограниченность тех слоев немецких трудящихся, взгляды и настроения которых он выражал и которые еще не были настоящими пролетариями, а лишь переходящей в пролетариат частью мелкой буржуазии.

---

[1] Цит. по: Ф. Мерингг. История германской социал-демократии, т. 1. М., 1923, стр. 103.

Отрицательная роль вейтлингианства после возникновения научного социализма. Дальнейшая судьба Вейтлинга

Между тем, к середине 40-х годов наряду с коммунизмом Вейтлинга создавался другой коммунизм, принципиально отличный от утопического, — научный коммунизм Маркса и Энгельса. Их взгляды стали пробивать себе дорогу и в «Союз справедливых», центр которого с 1840 г. был перенесен в Лондон, столицу промышленной Англии. Вейтлинг же, в силу своих личных качеств и долгого пребывания в отсталой Швейцарии, оказался не в состоянии воспринять идеи, более передовые, чем его собственные. Когда в 1846 г. он переселился в Брюссель, где находились Маркс и Энгельс, «...это был уже не наивный, молодой подмастерье-портной, пораженный своим собственным талантом и старающийся уяснить себе, как же должно будет выглядеть коммунистическое общество. Это был великий человек, которого преследовали завистники за его превосходство, которому всюду мерещились соперники, тайные враги и козни; гонимый из страны в страну пророк, он носил в кармане готовый рецепт осуществления царства небесного на земле и воображал, что каждый только о том и думает, чтобы украсть у него этот рецепт» [1].

С возникновением научного социализма положительная роль Вейтлинга в немецком рабочем движении оказалась быстро исчерпанной. Вейтлинг продолжал отстаивать не только свои теоретические религиозно-утопические воззрения, но и ошибочную тактику заговоров и сектантства. Как справедливо заметил Ф. Меринг, Марксу не доставляло особого удовольствия критически сводить счеты с Вейтлингом, этим одаренным пролетарием, первое появление которого на исторической арене никто не приветствовал так радостно и не понял так глубоко, как Маркс. Оказав поддержку мелкобуржуазному «истинному социалисту» Криге (см. ниже), Вейтлинг в 1846 г. окончательно порвал с Марксом и Энгельсом и, после скитаний по разным странам, в 1849 г. навсегда уехал в Америку. Он все больше скатывался

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 222.

к мелкобуржуазному христианскому утопизму. В США Вейтлинг делал попытки основать коммунистическую колонию, издавал в начале 50-х годов газету «Республика рабочих», принимал участие в американском рабочем движении, но сколь-либо значительной роли уже не играл. Умер он в Нью-Йорке в 1871 г. Как пишет акад. В. П. Волгин, право Вейтлинга на место в истории социальных идей определяется исключительно произведениями 30-х — начала 40-х гг. Вейтлинговский коммунизм, по словам Ф. Энгельса, представлял собой первое самостоятельное теоретическое движение германского пролетариата, и отсюда его высокая оценка К. Марксом.

Мозес Гесс и его «философский коммунизм»

Наряду с наиболее сознательными выходцами из народных низов к идеалам социализма и коммунизма тянулись в предреволюционной Германии 30-х годов и отдельные, изолированные буржуазные интеллигенты. Среди них безраздельно господствовала немецкая идеалистическая философия, в особенности философия Гегеля. Неудивительно, что представителями этой передовой буржуазной интеллигенции были сделаны первые попытки подвести под утопический социализм новый философский фундамент — немецкий идеализм, вместо французского рационализма XVIII в., как это было у Сен-Симона и Фурье. Первую такую попытку предпринял Мозес Гесс (1812—1875).

Уроженец г. Бонна, Гесс был выходцем из богатой и религиозной еврейской семьи, отрицательное влияние которой он так и не смог вполне преодолеть. В 1837 г. Гесс издал книгу с претенциозным названием в духе того времени: «Священная история человечества, написанная учеником Спинозы». В ней он пытался сочетать социалистические идеалы с идеалистической философией и даже с религией, только не с христианской (как христианские социалисты во Франции), а с иудейской. Новое общественное устройство должно быть, по Гессу,

реализовано самосознанием вне связи с какими бы то ни было объективными условиями. Гармоническое общество будущего, свободное от частной собственности, именуется им «Царством божьим» или «Новым Иерусалимом».

Вслед за тем Гесс преодолел религиозную точку зрения, примкнул к младогегельянцам, но в отличие от них сохранил верность своим социалистическим убеждениям (книга «Европейская триархия» 1841 г.) В 1843 г. Энгельс писал, что Гесс «фактически первым из этой партии (т. е. из младогегельянцев. — *Ред.*) стал коммунистом»[1]. Прочитав «Сущность христианства» Фейербаха, Гесс стал его горячим последователем. Но, в отличие от Маркса и Энгельса, которых привлекал материализм Фейербаха, Гесс ухватился за его абстрактный гуманизм. Исходя из этих слабых сторон учения Фейербаха, он пытался дать свое философско-идеалистическое обоснование социализма и коммунизма. «Гесс синтезирует развитие французского социализма с развитием немецкой философии — Сен-Симона с Шеллингом, Фурье с Гегелем, Прудона с Фейербахом»[2] — замечают Маркс и Энгельс. Социализм, учил Гесс, вытекает из самой природы человека, из его гармонической сущности, из объективно присущей человеку любви к себе подобным. Будучи далек от жизни и борьбы пролетариата, ограниченный рамками мелкобуржуазного быта и мышления, Гесс смог вывести необходимость социализма лишь из нравственных потребностей человеческой личности, из этики.

Тем не менее, написанные в эти годы (1841—1843) статьи Гесса, особенно те, что были объединены в сборнике «Двадцать один лист», способствовали ознакомлению Маркса и Энгельса с идеями утопического социализма. В «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. Маркс положительно отзывался о работах Вейтлинга и Гесса, как о содержательных и оригинальных. Сам Гесс был в это время товарищем Маркса и Энгельса, сотрудничал с ними в «Рейнской газете» и других демократических изданиях.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 539.
[2] Там же, т. 3, стр. 495.

Однако идеалистический «философский коммунизм» Гесса, подобно ремесленно-уравнительному коммунизму Вейтлинга, имел положительное значение для дела социализма и освобождения пролетариата в Германии лишь до той поры, пока не созрел принципиально иной — научный коммунизм, основанный на материалистической диалектике, на материалистическом понимании истории. В середине 40-х годов утопические идеи Гесса были подхвачены так называемыми «истинными социалистами» и стали вредить делу пролетариата.

«Истинный социализм» и причины его популярности

Если взгляды Вейтлинга распространялись, главным образом, за границей, то социалистическая пропаганда в самой Германии на первых порах почти целиком шла в русле «истинного социализма», этого «высокопарного представителя» немецкого мещанства. В отличие от коммунистов-уравнителей, выражавших интересы и настроения формировавшегося пролетариата, «истинные социалисты» были идеологами радикальной мелкой буржуазии, страдавшей от развития капитализма, но цеплявшейся за патриархальное мелкое производство. В отличие от Вейтлинга, приверженцы «истинного социализма» не встречали серьезного противодействия со стороны немецких властей, располагали несколькими вполне легальными журналами и приобрели в середине 40-х годов довольно большую популярность.

Положение в Германии в 40-х годах характеризовалось, как мы уже говорили, ускорением капиталистического развития, ухудшением материального положения народа, обострением нужды и бедствий масс, началом революционных выступлений немецкого пролетариата. Все это способствовало росту в немецком обществе интереса к социальным проблемам, появлению на страницах печати многочисленных статей, обсуждавших рабочий вопрос и предлагавших те или иные способы его решения. Значительно усиливается интерес мелкой и даже средней буржуазии к идеям французского социа-

лизма. Большое впечатление на образованные круги Германии произвела книга буржуазного юриста Лоренца Штейна «Социализм и коммунизм современной Франции» (1842). Автор, немецкий консерватор, показал связь между распространением идей социализма и развитием рабочего движения. Однако, как отмечали Маркс и Энгельс, социалистическо-коммунистическая литература Франции, перенесенная в Германию в такое время, когда буржуазия там только что начала свою борьбу против феодального абсолютизма, оказалась совершенно выхолощенной. Отброшена была и глубокая критика капитализма, данная великими утопистами начала XIX в., и тем более — учение о социальной революции, выдвинутое французскими коммунистами 30-х годов. «Истинные социалисты» как раз и удовлетворяли спрос образованных мелкобуржуазных кругов Германии на такой «обезвреженный», мирный утопический социализм.

Мелкобуржуазная и реакционная сущность «истинного социализма»

«Истинный социализм» как направление возник в 1844 г. и полностью оформился в 1845—1846 гг., когда идеи его стали пропагандироваться в ряде печатных органов, прежде всего в таких, как «Трирская газета», журналы «Зеркало общества» и «Вестфальский пароход». Главным, «классическим» представителем и пропагандистом «истинного», или немецкого, социализма явился радикальный журналист *Карл Грюн* (1817—1887). Познакомившись с Гессом в 1844 г., он принялся бойким пером популяризировать его идеи и своими сентиментально моралистическими и к тому же шовинистическими рассуждениями усугубил ошибки самого Гесса. Именно писания Грюна («Социальное движение во Франции и Бельгии» и др.) и послужили центральной мишенью для убийственной критики «Немецкой идеологии» и других выступлений Маркса и Энгельса против «истинных социалистов».

Возникновение «истинного социализма» как общественного направления именно в 1844 г. не случайно. Зна-

менитое восстание силезских ткачей и рабочие волнения во многих местностях Германии привлекли особенное внимание немецкой интеллигенции к социальному вопросу и дали толчок к быстрому распространению теорий «истинных социалистов». Как раз отношение к силезскому восстанию и рабочему движению вообще ярко характеризует реакционную сущность и значение «истинного социализма». Неоднократно касалась силезского восстания и других рабочих выступлений «Трирская газета», которая, пожалуй, наиболее полно развивала идеи «истинного социализма». Все ее основные сотрудники и, прежде всего, К. Грюн неизменно усматривали в выступлениях рабочих определенную «угрозу» для общества и настаивали на проведении отдельных предупредительных мероприятий, цель которых — избавить общество от «ужасных сцен» голодных восстаний и уберечь его от «грубого коммунизма» немецких ремесленников и рабочих. В журналах, редактируемых О. Люнингом (хотя и понимавшим лучше других «истинных социалистов» значение первых выступлений немецкого пролетариата), по поводу восстания 1844 г. печатались слезливые стихи вроде «Силезской песни ткачей». В ней голодающие ткачи обращались за помощью и поддержкой к господу богу:

О ты господь, что щедр на пропитанье,
Что птицам дозволяешь мирно петь,
Не допусти ткачей до вымиранья
И с голоду не дай им умереть!

Подобная песня ничего общего не имела с подлинным боевым духом силезских пролетариев.

Что же касается путей ликвидации нищеты и бесправия, то «истинные социалисты» ограничивались указаниями на необходимость новой, «подлинно человеческой» организации труда, «организации воспитания и труда» и т. д. Как в действительности будет организован труд в будущем «гармоническом обществе», они ясно не говорили. Но, во всяком случае, из их туманных рассуждений следовало, что новая организация труда предусматривает не уничтожение, а сохранение частной собственности, и что с помощью некоторых эле-

ментов регулирования производства, напоминающих старый цеховой строй, должна быть достигнута «гармония между трудом и капиталом». В некоторых печатных органах «истинных социалистов», например, в «Вестфальском пароходе» О. Люнинга, восхвалялся Луи Блан и его «Организация труда».

О том, как идеологи «истинного социализма» относились даже к революционной борьбе против феодально-абсолютистских порядков, может дать представление одна жалоба, поданная властям М. Гессом и Кётгеном в 1845 г.: «Мы проповедовали не революцию, которую мы сами ненавидим, — писали они, — а учение, состоящее в том, что, напротив, революции следует избежать, но что она неизбежна при отсутствии борьбы с растущими день ото дня нищетой и порочностью путем энергичных и соответствующих существу дела средств».

Большинство лидеров «истинного социализма» призывали к отказу от политической деятельности, от борьбы за демократические свободы. Основным же средством преобразования общества у них выступала проповедь любви и братства между людьми, с которой они обращались и к имущим классам.

Недаром Ф. Энгельс в «Людвиге Фейербахе» назвал произведения «истинных социалистов» «любвеобильной болтовней».

Когда же представители этого направления спускались из сферы общих рассуждений к рассмотрению действительного положения в современной им Германии, они, как впоследствии русские либеральные народники, все свои помыслы направляли к тому, чтобы уберечь Германию от развивающегося капитализма. Видя, что капитализм ведет к разорению крестьянства и мелкой буржуазии, к образованию пролетариата и что в Германии этот процесс не получил еще полного развития, «истинные социалисты» считали возможным, минуя капитализм, перейти сразу к более совершенному строю. Будучи идеалистами и не понимая исторической неизбежности и прогрессивности капитализма в тех условиях, они считали его результатом неправильной политики власть имущих. Веря в возможность для Германии миновать стадию капитализма, «истинные социалисты» полагали, что вместе с тем можно избежать и развития

классовой борьбы и путем пропаганды социалистических идей прийти к построению нового общества, в интересах всех людей, независимо от их классовой принадлежности.

Борьба Маркса и Энгельса против «истинного социализма»

«Истинный социализм», хотя и отражал оппозиционные настроения в предреволюционной Германии, объективно был реакционным направлением мелкобуржуазного социализма. Это течение распространялось уже тогда, когда в Германии возникало социалистическое рабочее движение, когда К. Маркс и Ф. Энгельс уже боролись за создание пролетарской партии. «Истинный социализм», сеявший в умах теоретическую путаницу и мелкобуржуазные иллюзии, был препятствием на путях революционной борьбы пролетариата. Поэтому взгляды «истинных социалистов» были подвергнуты сокрушительной критике со стороны Маркса и Энгельса, которые в ряде своих работ показали полнейшую научную несостоятельность и практическую вредность теорий «истинных социалистов». В революции 1848—1849 гг. последние примкнули к демократической буржуазии. В то же время К. Марксу и Ф. Энгельсу удалось привлечь на свою сторону лучших приверженцев этого направления — Вейдемейера, Дронке, В. Вольфа, Фрейлиграта и др.

Что касается Гесса, то он также испытал на себе сильное влияние Маркса и, как известно, даже принимал участие в написании последней главы «Немецкой идеологии». В 1847 г. он стал членом Союза коммунистов и в ряде своих статей популяризовал идеи Маркса и Энгельса. Однако Гесс не сумел пойти дальше эклектического смешения мелкобуржуазного «истинного социализма» с воззрениями Маркса и Энгельса. В дальнейшем Гесс пытался, подобно Прудону, сотрудничать с Наполеоном III, был зачинателем буржуазно-националистического сионистского движения. В 60-х годах он, однако, вернулся в лагерь рабочего движения, примкнул к лассальянцам и закончил свою жизнь членом германской социал-демократической партии.

Германия 30-х — начала 40-х годов не осталась, таким образом, в стороне от распространения идей утопического социализма и коммунизма. Однако влияние отсталых мелкобуржуазных условий было здесь еще более сильным, чем, например, в соседней Франции. Поэтому немецкие «истинные социалисты» с их непониманием необходимости классовой борьбы и значения политической свободы заняли здесь еще более реакционные идейные позиции, чем те, на которых стояли французские мелкобуржуазные социалисты-реформисты. С другой стороны, к лучшим представителям французского домарксового революционного коммунизма близко подошел сын немецкого рабочего класса Вейтлинг, но и его отличала от французских коммунистов тяга к религии, с одной стороны, к люмпен-пролетариату и стихийному бунтарству, с другой.

Немецким предшественникам научного социализма были, таким образом, присущи глубокие заблуждения, и марксизм развивался в идейной полемике и борьбе с ними. Недаром В. И. Ленин называет среди теоретических источников марксизма французский, а не немецкий утопический социализм. Маркс и Энгельс от революционного демократизма перешли прямо к разработке научного социализма. Вздорным вымыслом являются утверждения буржуазных и ревизионистских историков, будто Маркс и Энгельс одно время сами принадлежали к числу «истинных социалистов». Основоположникам научного коммунизма, стремившимся убедить в правильности своего учения европейский, и прежде всего германский пролетариат, пришлось вести упорную борьбу, чтобы показать несостоятельность всех этих «шумных, пестрых, крикливых форм домарксовского социализма».

В наши дни за идейное наследие «истинных социалистов» и особенно Гесса цепляются западногерманские правые социалисты, пытаясь превратить их в своих предшественников.

Трудящиеся Германской Демократической Республики знают об ошибках Вейтлинга и Гесса, но чтят в их лице первых теоретиков и пропагандистов утопического социализма в Германии. В ГДР переиздаются их сочинения.

* *
*

В итоге рассмотрения длительной и сложной истории развития утопически-социалистических идей с XVI в. по 30-е — 40-е годы XIX в. нетрудно убедиться, что ни одна из систем этого времени не давала трудящимся, и в частности, рабочему классу самопознания и самосознания. Между тем, с появлением промышленного пролетариата произошел качественный скачок в развитии освободительного движения трудящихся. В условиях классовой борьбы эпохи промышленного капитализма впервые сложились объективные и субъективные предпосылки для возникновения действительно научной идеологии, выражающей коренные интересы рабочего класса. Такой идеологией стал *марксизм,* вобравший в себя лучшие достижения общественной мысли предшествующей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Ко всему курсу

Классики марксизма-ленинизма

К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4.

К. Маркс. Политический индифферентизм.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18.

Письмо К. Маркса к Л. Кугельману 9 октября 1866 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31.

Ф. Энгельс. Успехи движения за социальное преобразование на континенте. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1.

Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19.

Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20.

В. И. Ленин. Две утопии. ПСС, т. 22.

В. И. Ленин. Три источника и три составных части марксизма. ПСС, т. 23.

Источники

Предшественники научного социализма. Под общ. ред. акад. В. П. Волгина (серия — см. литературу к отдельным лекциям).

Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений. Ч. I. М., 1928.

Хрестоматия по научному коммунизму. Ч. I. От утопии к науке. М., 1966.

Reise nach Utopia. Französische Utopien aus drei Jahrhunderten. Herausgeg. Von W. Kraus. Berlin 1964 (с обширной вводной статьей и библиографией в конце книги).

Пособия и исследования

Волгин В. П. История социалистических идей. Ч. 1—2, М., 1928—1931.
Волгин В. П. Очерки по истории социализма. Изд. 4-е. М., 1935.
Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1960.
Воскресенская В. А. Экономические воззрения великих социалистов-утопистов. М., 1958.
Деборин А. М. Социально-политические учения нового времени. Т. I—II, М., 1958—1967.
Из истории социально-политических идей. Сборник статей к семидесятилетию акад. В. П. Волгина. М., 1955.
История социалистических учений. Сборник статей. М., 1962.
История социалистических учений. Сборник статей памяти акад. В. П. Волгина. М., 1964.
Каутский К. Предшественники новейшего социализма. Т. I—II, М., 1924—1925.
Кузнецов К. Т. Утопический социализм — один из теоретических источников марксизма. М., 1966.
Плеханов Г. В. Утопический социализм XIX века. М., 1958.
Бестужев И. В. Развитие представлений о будущем человечества в домарксовой общественной мысли. — «Вопросы истории», 1966, № 11.
Дунаевский В. А., Поршнев Б. Ф. Изучение западноевропейского утопического социализма в советской историографии (1917—1963). — «История .социалистических учений». Сб. статей памяти акад. В. П. Волгина. М., 1964.
Зильберфарб И. И. Послевоенная литература по истории социалистической мысли. — «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 6.
Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français. Première partie 1789—1864. T. I—III. Paris. 1964—1966.

К лекции I

Произведения классиков марксизма см. в разделе ко всему курсу.

Источники

Кампанелла. Город Солнца. М., 1947 и 1954.
Томас Мор. Утопия. М., 1947 и 1953.
Дж. Уинстенли. Избранные памфлеты. М., 1950.

Пособия и исследования

Барг М. А. Народные низы в Английской революции XVII века (движение и идеология истинных левеллеров). М., 1967.
Тарле Е. В. Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. Соч., т. I, М., 1957.
Штекли А. Кампанелла. Изд. 3-е, М., 1966 («Жизнь замечательных людей»).
Барг М. А. К вопросу о социальной идеологии диггеров. — «Новая и новейшая история», 1960, № 4.
Осиновский И. Н. Томас Мор в английской историографии XX в. — «Средние века», т. XXI. М., 1962.
Сапрыкин Ю. М. Социально-политические идеи диггеров. — «Вестник Московского университета. Серия историко-филологических наук», 1959, № 2.

К лекции II

Произведения классиков марксизма см. в разделе ко всему курсу.

Источники

Д. Верас. История севарамбов. М., 1956.
Г. Мабли. Избранные произведения. М., 1950.
Ж. Мелье. Завещание. Т. I—III. М., 1954.
Морелли. Кодекс природы, или истинный дух ее законов. М., 1947 и 1956.
Н. Э. Ретиф де ля Бретон. Южное открытие, произведенное летающим человеком, или французский Дедал. М. — Л., 1936.

Пособия и исследования

Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М., 1958.
Поршнев Б. Ф. Мелье. М., 1964. («Жизнь замечательных людей»).
Алексеев-Попов В. С. Социальная критика у Жан-Жака Руссо и великие утописты. — «История социалистических учений». Сборник статей. М., 1964.
Домманже М. Истоки социальных идей Жана Мелье. — «История социалистических учений». М., 1964.
Занадворова Т. Л. Против буржуазной трактовки творчества Руссо. — «Ученые записки Магнитогорского педагогического института», вып. 3, 1955.
Казарин А. И. Мабли как гуманист и мыслитель. — «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 2.
Кучеренко Г. С. Мелье и энциклопедисты. — «Новая и новейшая история», 1966, № 5.

Сафронов С. С. Политические и социальные идеи Мабли. — «Из истории социально-политических идей». Сборник статей к семидесятилетию акад. В. П. Волгина. М., 1955.

К лекции III

Произведения классиков марксизма см. в разделе ко всему курсу.

Источники

Ф. Буонарроти. Заговор во имя равенства. Т. I—II. М., 1948 и 1963.

Пособия и исследования

Далин В. М. Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785—1794). М., 1963.

Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966.

Щеголев П. П. Гракх Бабеф. М., 1933.

Алексеев-Попов В. С. «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790—1791). — «Из истории социально-политических идей». М., 1955.

Алексеев-Попов В. С. «Социальный кружок» и демократическое республиканское движение 1791 г. — «Из истории общественных движений и международных отношений». Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле. М., 1957.

Захер Я. М. К вопросу о значении взглядов «бешеных» в предыстории социалистических идей. — «История социалистических учений». М., 1962.

Кучеренко Г. С. Социально-политические взгляды Сильвена Марешаля. — «История социалистических учений». М., 1962.

Сафронов С. С. Социальные воззрения Буасселя. — «Из истории общественных движений и международных отношений». Сборник статей в память акад. Е. В. Тарле. М., 1957.

Сафронов С. С. Социальные воззрения Пьера Доливье. — «История социалистических учений». М., 1962.

Французский ежегодник 1960. М., 1961 (Раздел I. — «К двухсотлетию со дня рождения Гракха Бабефа»).

К лекции IV

Ф. Энгельс. Письмо к Марксу 17 марта 1845. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 1-е, т. XXI.

Источники

В. Годвин. Калеб Вильямс. Роман. М., 1949 и 1961.

В. Годвин. О собственности. М., 1958.

Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений. Ч. I. М., 1928.
Т. Спенс. Национализация земли. Спб., 1907.
П. Б. Шелли. Избранное. М., 1962.

Пособия и исследования

Бер М. История социализма в Англии. Ч. I. М., 1923.
Кемп-Ашраф П. М. Африканцы в демократическом движении Англии начала XIX века. М., 1960 (содержит обстоятельный очерк о Спенсе).
Мортон А. Л. Английская утопия. М., 1956.

К лекции V

В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма. ПСС, т. 2.
См. также раздел ко всему курсу.

Источники

Изложение учения Сен-Симона. М., 1947 и 1961.
Сен-Симон. Избранные сочинения. Т. I—II. М., 1948.
Сисмонди, Луи Блан, Прудон в избранных отрывках. Сост. В. Семенов. Л., 1926.

Пособия и исследования

Арк А.-н. (А. И. Анекштейн). Анри де Сен-Симон. М. — Л., 1926.
Волгин В. П. Сен-Симон и сенсимонизм. М., 1961.
Застенкер Н. Е. Анри де Сен-Симон. — «История социалистических учений». М., 1962.

К лекции VI

Ф. Энгельс. Введение и заключение к «Отрывку из Фурье о торговле». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2.
См. также раздел ко всему курсу.

Источники

Сен-Симон, Фурье и их школа. Сост. В. Семенов. М. — Л., 1926 (в том числе отрывки из Консидерана).
Ш. Фурье. Теория четырех движений и всеобщих судеб. М., 1938.
Ш. Фурье. Новый промышленный и общественный мир. М., 1939.
Ш. Фурье. О воспитании при строе гармонии. М., 1939.
Ш. Фурье. Избранные сочинения. Т. I—IV. М., 1951—1954.

Пособия и исследования

Зильберфарб И. И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., 1964 (с фундаментальной библиографией, имеющей значение для всего курса).
Иоаннисян А. Р. Генезис общественного идеала Фурье. М. — Л., 1939.

К лекции VII

Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2.
В. И. Ленин. О кооперации. Полн. собр. соч., т. 45.
См. также раздел ко всему курсу.

Источники

Герцен А. И. Былое и думы. — «Собрание сочинений», т. XI, М., 1957 (ч. VI, гл. IX).
Р. Оуэн. Избранные сочинения. Т. I—II, М., 1950.

Пособия и исследования

Арк. А.-н. (А. И. Анекштейн). Роберт Оуэн. Его жизнь, учение и деятельность. М., 1937.
Дж. Д. Г. Кол Роберт Оуэн. М. — Л., 1931.
A. L. Morton. The Life and Ideas of Robert Owen. London. 1962.

К лекции VIII

К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. М., 1952.
К. Маркс. Чартисты. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8.
Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2.
В. И. Ленин. Третий Интернационал и его место в истории. ПСС, т. 38.

Источники

Д.-Ф. Брей. Несправедливости в отношении труда. М., 1956.
Джон Грей. Сочинения. М., 1955.
Т. Карлейль. Герои и героическое в истории. Спб., 1881.

Пособия и исследования

Бер М. История социализма в Англии. Ч. 2. Л., 1924.
Ерофеев Н. А. Чартистское движение. М., 1961.
Рожков Б. А. Чартистское движение. 1836—1854. Краткий очерк. М., 1960.
Черняк Е. Б. Демократическое движение в Англии 1816—1820. М., 1957.
Колпаков А. Д. Чартистский социализм конца 30-х — начала 40-х годов. — «История социалистических учений». Сборник статей. М., 1964.
Неманов И. Н. Субъективистско-идеалистическая сущность воззрений Т. Карлейля на историю общества. — «Вопросы истории», 1956, № 4.
Рожков Б. А. Идейная борьба между оуэнистами и чартистами.— «История социалистических учений». Сборник статей. М., 1962.

К лекции IX

К. Маркс. Нищета философии. — К. Маркс и Ф Энгельс. Соч., т. 4.
К. Маркс. Классовая борьба во Франции. Соч., т. 7.
К. Маркс. Письмо к И. Б. Швейцеру 24 янв. 1865 г. Соч., т. 16.
К. Маркс. Письмо к П. В. Анненкову 28 дек. 1846 г. Соч., т. 27.
Ф. Энгельс. Движение за реформу во Франции. Соч., т. 4.
Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. Соч., т. 18.
Ф. Энгельс. Предисловие ко второму изданию книги «К жилищному вопросу». Соч., т. 21.
В. И. Ленин. Переписка Маркса с Энгельсом. ПСС, т. 24.
В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. ПСС, т. 24.
В. И. Ленин. Луиблановщина. ПСС, т. 31.
В. И. Ленин. Письма о тактике. ПСС, т. 31.
В. И. Ленин. «Великий отход». ПСС, т. 32.

См. также произведения классиков марксизма в разделе ко всему курсу.

Источники

Л. Блан. Организация труда. Л., 1926.
Г. Гейне. Коммунизм, философия и духовенство. — «Собрание сочинений». Т. 8. М., 1958.
Э. Кабе. Путешествие в Икарию. Т. I—II. М., 1948.
Ф. Р. Ламеннэ. Слова верующего. Спб. 1906.
Новая история в документах и материалах. Под ред. В. Далина и Н. Лукина. Вып. I—II. М., 1934 и 1935.
П. Ж. Прудон. Что такое собственность? М., 1919.
Ж. Санд. Странствующий подмастерье. — Избранные соч., Т. I. М., 1950.

Сисмонди, Луи Блан, Прудон в избранных отрывках. Сост. В. Семенов. Л., 1926.
Э. Сю. Парижские тайны. Роман. Спб. 1899.
L. Blans. Le socialisme. Droit au travail. Paris. 1848.

Пособия и исследования

Бендрикова Л. А. Луи Блан как историк. М., 1959 (брошюра).
Волгин В. П. Пьер Леру — один из эпигонов сенсимонизма. — «Французский ежегодник 1962». М., 1963.
Застенкер Н. Е. Об оценке Прудона и прудонизма в «Коммунистическом Манифесте». — «Из истории социально-политических идей». М., 1955.
L. A. Louhère. Louis Blanc. His Life and His Contribution to the Rise of French Jacobin Socialism. Evanston (USA) 1961.

К лекции X

Ф. Энгельс. Эмигрантская литература. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18.
Ф. Энгельс. Предисловие к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1888 года. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21.
В. И. Ленин. К итогам съезда. ПСС, т. 13.
В. И. Ленин. Уроки Коммуны. ПСС, т. 16.
В. И. Ленин. Карл Маркс. ПСС, т. 26.

См. также произведения классиков марксизма в разделах к лекции IX и ко всему курсу.

Источники

Л. О. Бланки. Избранные произведения. М., 1947 и 1952.
Г. Гейне. Лютеция. — «Собрание сочинений». Т. 9. М., 1936.
Г. Гейне. Французские дела. — «Собрание сочинений». Т. 5, М., 1958.
Герцен А. И. Письма из Италии и Франции. Соч., т. V. М., 1955.
Т. Дезами. Кодекс общности. М., 1956.
Новая история в документах и материалах. Под ред. В. Далина и Н. Лукина. М., 1934 и 1935.
Ж.-Ж. Пийо. Избранные сочинения. М., 1961.

Пособия и исследования

Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1960.
Г. Жеффруа. Заключенный. Жизнь и революционная деятельность Огюста Бланки. 2 изд. М. — Л., 1925.
Волгин В. П. Место бабувизма в истории социальных идей. «Новая и новейшая история» 1961, № 2.
M. Dommanget. Les idées politiques et sociales d'Auguste Blanqui. P. 1957.

К лекции XI

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. — Соч., т. 3.
К. Маркс. Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1.
Ф. Энгельс. «Истинные социалисты». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3.
Ф. Энгельс. К истории Союза коммунистов, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21.
Ф. Энгельс. Письмо к А. Бебелю 25 окт. 1888 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37.

См. также произведения классиков марксизма ко всему курсу.

Источники

В. Вейтлинг. Евангелие бедного грешника. Спб. 1907.
В. Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. М., 1962. (С приложением: «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть»).
M. Hess. Philosophische und sozialistische Schriften 1837—1850. Eine Auswahl. Berlin. 1961.

Пособия и исследования

Кан С. Б. Два восстания силезских ткачей. М. — Л., 1948.
О. Корню. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Т. I—II. М., 1959—61.
Ф. Меринг. История германской социал-демократии. Т. I. М., 1923.
Степанова Е. А. Фридрих Энгельс., Изд. 2-е. М., 1956.
Бобков А. М. К истории раскола Союза отверженных в 1836—1837 годах. — «Новая и новейшая история», 1959, № 5.
Кандель Е. П. Из истории борьбы Маркса и Энгельса с немецким «истинным социализмом». — «Из истории формирования и развития марксизма». М., 1958.
Кандель Е. П. К истории первых программных документов научного коммунизма. — «Европа в новое и новейшее время». М., 1966.
Серебряков М. В. «Немецкий социализм» и борьба с ним Маркса и Энгельса. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета». Серия философских наук. 1948, вып. 2.
Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Bd. 1. Berlin. 1966.
W. Seidel-Höppner. Wilhelm Weitling — der erste deutsche Theoretiker und Agitator des Kommunismus. Berlin. 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

Лекция I. Введение. Основные черты и особенности раннего утопического социализма XVI—XVII вв. 7

Лекция II. Социалистические идеи во Франции конца XVII—XVIII вв. 30

Лекция III. Развитие социалистических идей в период Французской буржуазной революции XVIII в. 52

Лекция IV. Английский социализм конца XVIII — начала XIX в. 78

Лекция V. Утопический социализм Сен-Симона 101

Лекция VI. Утопический социализм Шарля Фурье . . 124

Лекция VII. Утопический коммунизм Роберта Оуэна . . . 147

Лекция VIII. Социалистические идеи в Англии 20—40-х гг. XIX в. 176

Лекция IX. Идеи мелкобуржуазного социализма во Франции 30—40-х гг. XIX в. (Луи Блан, Кабе, Прудон) . . . 203

Лекция X. Развитие революционно-коммунистических идей бабувистов в 30—40-х гг. XIX в. во Франции (Бланки, Дезами) 234

Лекция XI. Идеи утопического социализма в Германии 30—40-х гг. XIX в. 256

Литература 282

Сергей Борисович Кан

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Редактор Т. Г. Липкина

Художник Л. М. Чернышев

Технический редактор Л. А. Григорчук

Корректор В. И. Милешин

А-03153. Сдано в набор 9/I-67 г. Подп. к печати 25/IV-67 г. Формат 84×108¹/₃₂. Объем 9,25 печ. л. 15,54 усл. п. л. 14,61 уч.-изд. л. Изд. № Общ. — 435. Тираж 20 000 экз. Цена 44 коп. Заказ 766.

Тематический план издательства «Высшая школа» на 1967 г. (учебников для вузов и техникумов). Позиция № 7.

Москва, К-51, Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.